

СЕРИЯ «КОГНИТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ»

П.И. Юнацкевич
В.А. Чигирёв
С.В. Горюнков
Е.Ф. Матвейчук

ФЕНОМЕН ЕВРЕЙСТВА КАК ЗАГАДКА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА
В.А. ЧИГИРЕВА**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

**Санкт-Петербург
2010**

УДК 332.856:339.138(075.8)
ББК 65.422.5-2я7
Ю 49

Юнацкевич П.И., Чигирев В.А., Горюнков С.В., Матвейчук Е.Ф.
Феномен еврейства как загадка истории культуры / Серия учебно-методических пособий «Когнитивное управление: проблемы теории и эмпирический опыт». Выпуск первый. / Под ред. проф. В.А. Чигирева / СПб.: Институт нравственности, 2010. – 176 с.

П.И.Юнацкевич, доктор педагогических наук
В.А.Чигирев, доктор военных наук, профессор.
С.В.Горюнков, научный сотрудник Института нравственности
Е.Ф.Матвейчук, кандидат исторических наук, доцент

Данное методическое пособие носит учебно-познавательный характер. В нём с позиций когнитивного управления рассмотрена специфика “феномена еврейства” в аспектах коллективного поведения, этики и ментальности. Стиль изложения – научно-популярный.

Работа рекомендуется профессиональным и начинающим политикам, усилия которых направлены на нравственное возрождение России.

ББК 65.422.5-2я

© «Институт нравственности», 2007-2010
<http://in.ast.social>

ISBN 5-7199-0287-2

Информационное издательство Института нравственности
Подписано в печать 05.06.2007. Формат 60х90/8. Объем 16 п.л.
Печать офсетная. Бумага 80 г. Тираж 999 экз.,
Подготовлено в Институте нравственности
<http://in.ast.social>

Институт нравственности <http://in.ast.social>

КОГНИТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ (ВЫПУСК ПЕРВЫЙ)

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ КОГНИТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

“Когнитивными” называются процессы, связанные со знанием и информацией. Когнитивизм – это направление в науке, объектами изучения которого являются человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Когнитивная наука сформировалась в результате развития инженерной дисциплины, известной как искусственный интеллект, а предметом её изучения является устройство и функционирование человеческих знаний, скрыто присутствующих в смысловой структуре естественных языков и обнаруживающих себя в тех или иных (интеллектуальных, психологических, технических) формах переработки информации.

В настоящее время мир переживает настоящую когнитивную революцию, видимым проявлением которой является рождение новых областей знания: когнитивной философии, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и др. Соответственно, **когнитивное управление** – это новейшая в общей теории управления область научных поисков, основанная на учёте ментальной специфики управляемых. Её актуальность обусловлена тем, что управление на указанной основе начинает всё больше и больше осознаваться как максимально эффективное. Самое же главное – управление на основе учёта ментальной специфики управляемых впервые позволяет начать подыскивать “ключи” к управлению сферой этики, напрямую зависящей от мировоззренческой,

ментальной сферы. Отсюда – выходы на решение проблемы социального паразитизма, на профилактику духовных болезней общества, на разработку технологий нравственного воспитания как взрослого населения, так и подрастающих поколений.

В качестве экспериментального, “пробного” предмета рассмотрения здесь представлена специфика еврейской ментальности. Данный выбор темы обусловлен той приоритетной ролью, которую современное еврейство играет абсолютно во всех сферах общественной, государственной и международной жизни. В контексте темы затронут узловой для когнитивного управления вопрос о качестве современной научно-исторической мысли.

В перспективных планах проекта – рассмотрение специфики других социально-психологических и национальных типов ментальности, в первую очередь – специфики русской ментальности.

ФЕНОМЕН ЕВРЕЙСТВА КАК ЗАГАДКА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ: ПОВЕДЕНИЕ, ЭТИКА, МЕНТАЛЬНОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое исследование посвящено анализу различных сторон явления, названного здесь “феноменом еврейства”. Вместе с тем это ни в коем случае не “приглашение к диалогу” с объектами исследования. По ряду причин, изложенных, в частности, и в настоящей работе, диалог с евреями невозможен в принципе – в силу самой природы “феномена еврейства”, изначально исключающей саму возможность перехода еврея “в иную веру”. Предлагаемое исследование – это, скорее, “информация к сведению”, основанная на попытках научного осмысления штампов как еврейского, так и не-еврейского “фольклора о евреях”. Это попытка взглянуть на изучаемый феномен исключительно с позиций чистой эмпирики, главным образом, той, которая выражается в особенностях еврейской ментальности.

Мысль о том, что в основе непохожести евреев на всех других людей лежит особый тип ментальности, высказывалась на протяжении двух последних тысячелетий неоднократно. В то же время до сих пор неясно, в чём именно заключается специфика этой ментальности. Имеется лишь несколько характеризующих её разрозненных наблюдений частного характера. Например, известный этнограф начала XX века Л.Я.Штернберг считал, что «еврейский народ обязан своим всемирно-историческим значением такому свойству еврейской национальной психологии, как сведение всей истории к одному фактору» (так наз. “редукционизм мышления”). Или: давно известно, что евреи занимают в

массе своей такие сферы умственной деятельности, которые связаны так или иначе со счётно-формализующей функцией: математика, шахматы, финансовые операции и т.д. Или: замечено, что именно евреям свойственно обычно нигилистическое отношение к национальным, государственным и религиозным ценностям других народов, что на бытовом уровне давно уже осознаётся не-евреями как еврейская антисоциальность .

Антисоциальность эта, опять-таки, весьма своеобразна: она – не от бескультурья, как это обычно бывает у не-евреев, а наоборот – совершается как бы от имени самой “культуры”. То есть она выражается в целом спектре причинно-мотивированных коллективных действий евреев: от их вечных разговоров о невыносимости жизни среди “умственно-неполноценных гоев” до прямой готовности взрывать и уничтожать любой не соответствующий их представлению о “культуре” общественный уклад. Но поэтому и саму еврейскую антисоциальность приходится рассматривать не как правовую, а как духовную, культурно-историческую проблему. В этом наглядно убеждает книга А.Солженицына «Двести лет вместе», где автор неявно противопоставляет исключительную энергию, культурность, солидарность и систематичность евреев-революционеров безволию, анархичности, эгоизму, нерасчётливости и расхлябанности противостоящих им защитников России.

Что касается действительной позиции самого А.И.Солженицына, то дело тут, скорее всего, не в его личных симпатиях и антипатиях, а в том, что он исходит в своих оценках из общей для всего современного исторического мироощущения мысли, будто и еврейский, и не-еврейский типы мышления в своих базовых, предпосылочных основаниях абсолютно идентичны, подчинены одним и тем же ментальным законам. А

прямым следствием такой мысли и оказывается объяснение причины нынешнего еврейского засилья во всех без исключения сферах жизни идеей культурного превосходства евреев, т.е. идеей их умения пользоваться одними и теми же предпосылочными основаниями культуры гораздо грамотнее не-евреев.

Так под еврейскую претензию на “избранность” и “врождённую гениальность” подводится объективный вроде бы научно-исторический фундамент. Нужно ли доказывать, что не-евреев он способен лишь подавлять и деморализовывать?

На самом деле речь должна, видимо, идти не об идентичности предпосылочных оснований еврейского и не-еврейского типов мышления (сама идея такой идентичности более чем спорна), а о том, что **проблема специфики еврейской ментальности неотделима от главных проблем истории духовной культуры**. И в этом плане полезно для начала рассмотреть такие специфические проявления еврейской ментальности, которые ни разу ещё не становились предметом широкого общественного обсуждения.

1. АРХАИЗМЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Самое первое, что бросается в глаза при непредвзятом взгляде на феномен еврейства, – это пронизанность мышления и поведения евреев совершенно очевидными пережиточными архаизмами. Так, и для первобытного, и для еврейского образов мышления очень типична установка на соблюдение пищевых запретов (достаточно сказать, что приготовление кошерного мяса поставлено в сегодняшнем мире на промышленную основу). Точно так же типична для обоих этих типов мышления установка на поддержание счёта родства по материнской линии (счёт родства по матери – это общераспространённый в древности институт, который в современном Израиле определяет въездную политику страны). И так же типична для обоих типов мышления установка на соблюдение обряда обрезания (обрезание – это реликт обряда инициации, общего в прошлом для очень многих народов земли; у сегодняшних же евреев оно считается признаком принадлежности к их религиозной конфессии).

Дело, конечно, не в тех или иных частностях, которые и самими современными евреями могут осознаваться как анахронизмы. Дело в том, что за частностями явно проглядывает некий общий принцип. Так, общеизвестна необычайная сплочённость евреев, основанная, по Герцлю, на “чувстве общего врага”. Точно таким же чувством общего внешнего врага, противостоящего общине, проникнуто и первобытное мышление. Причём и там, и здесь это “чувство общего врага” продуцируется одними и теми же этическими нормами общества. Например, суть талмудической этики заключается в том, что её нормы распространяются только на “своих” и считаются недействительными в отношении “чужих”. Но

точно такая же ситуация наблюдается и внутри любого первобытного общества.

Или возьмём такой ярко характеризующий еврейскую ментальность пример, как причисление евреями себя к племени “избранных”. Оказывается, что и здесь мы имеем дело с самым обычным для родоплеменного общества явлением: как показали исследования этнографов и лингвистов, сами этнонимы первобытных обществ этимологически расшифровываются как “настоящие”, “истинные”, “избранные” люди в противовес “ненастоящести” всех остальных представителей человеческого рода.

Ещё пример: для первобытного общества очень характерна мелочная регламентация повседневного быта, его т.н. “табуация”. Но точно такая же регламентация повседневного быта столетиями определяла повседневную жизнь рядового еврея в рамках кагала – самоуправляемой еврейской общины. И неверно было бы утверждать, что с упразднением кагала и с так наз. эмансипацией евреев ушла в прошлое и эта сторона их жизни. Дело в том, что именно на основе мелочной регламентации быта и связанной с ней ролью раввинов как арбитров в практике разрешения постоянно возникавших противоречий между теми или иными предписаниями Талмуда развилось гипертрофированное “правовое самосознание” евреев, т.е. их склонность решать между собой спорные вопросы исключительно на основе формально-юридического манипулирования условными статьями права, а не на основе коррекции права такими общепризнаваемыми в не-еврейской среде внеюридическими понятиями, как “правда”, “совесть” и “справедливость”.

Типичный архаизм угадывается и в постоянном стремлении евреев оказывать влияние на то или иное не-еврейское общество путём совершения символических

актов со скрытым значением. Здесь достаточно указать на наиболее известные примеры неявного еврейского вторжения в чужую общественную жизнь: на тенденцию приурочивания памятных для не-евреев дат к еврейским праздникам, на факты возведения каббалистической эмблематики в ранг официальной символики не-еврейских государств, на практику использования условного (непонятного не-евреям) языка для кодирования значимых с еврейской точки зрения событий. В основе всех такого рода действий лежит так наз. “магический” способ восприятия действительности, предполагающий возможность бесконтактного целенаправленного воздействия на окружающую реальность посредством определённой ритуальной практики. Но через культурно-историческую стадию магического способа восприятия действительности прошли в своё время все без исключения народы мира.

К типичным архаизмам, несомненно, должны быть отнесены и специфическая техника некоторых еврейских религиозных обрядов, и поразительная живучесть еврейских общин – при явном историческом угасании не-еврейских, и не менее поразительная предрасположенность их членов к управляемости со стороны руководства общин, и уж, конечно же, сама причина этой предрасположенности – неистребимая духовная неотличимость евреев друг от друга («Нет тысячи евреев, а есть один еврей, помноженный на тысячу» – Плиний).

Примеры такого рода можно было бы множить и множить. Но даже сказанного здесь вполне достаточно, чтобы понять, насколько прав был Д.Рид, сравнивая еврейство с кистепёрой рыбой целакантом, которая вплоть до недавнего – в середине XX столетия – обнаружения ихтиологами её живых экземпляров считалась ископаемой.

Видимо, пора начать утверждаться во взгляде на еврейство не как на “просто народ в ряду других народов” (хотя именно такой взгляд на них усиленно насаждается и проеврейской, и антиеврейской пропагандой), а как на довольно-таки загадочное и подлежащее поэтому особенно внимательному изучению явление истории мировой культуры. Мы должны, наконец, понять, почему евреи, эти “дрожжи истории”, сами находятся как бы “вне истории”; почему архетип их коллективного поведения, эмпирически засвидетельствованный в разные эпохи Манефоном и Беросом, Сенекой и Тацитом, Шекспиром и Пушкиным, на протяжении всей письменной истории человечества остаётся всегда одним и тем же.

2. АРХЕТИП КОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В повседневной общественной жизни евреям часто предъявляются два диаметрально противоположных обвинения: 1 – евреи не желают смешиваться с народами, среди которых живут, создавая тем самым своеобразные “государства в государствах”, преследующие свои собственные интересы и цели; 2 – евреи, наоборот, активно смешиваются с народами, среди которых живут, распространяя тем самым в сознании этих народов разрушительные идеи национального, религиозного и государственнического нигилизма. Взаимоисключающий, на первый взгляд, характер этих двух обвинений лишает их, казалось бы, всякого смысла и веса. В действительности, однако, оба эти обвинения вовсе не являются взаимоисключающими, просто нужно рассматривать их не независимо друг от друга, а как разные стороны того явления, которое ниже названо

“архетипом (т.е. устойчивым во времени шаблоном) коллективного поведения евреев”.

Наиболее древние указания на архетип содержит ветхозаветный рассказ о пребывании Авраама в Египте (книга Бытие). Суть рассказа сводится к тому, что Авраам, придя с женой своей Саррой в Египет и, во избежание каких-то опасностей, объявив Сарру своей сестрой, вводит её в дом фараона; благодаря этой хитрости он обогащается, в то время как дом фараона оказывается поражён “тяжкими ударами”; затем правда открывается, и Авраам с Саррой покидают страну (Бытие, гл.12). Точно такая же ситуация описывается далее в рассказе о пребывании Авраама с Саррой у герарского царя Авимелеха (гл.20; Герар – город на юге Ханаана, входивший в зону влияния древнего Египта). Она же описывается затем в рассказе о пребывании в Гераре Исаака, сына Авраама (гл.26). И она же восстанавливается в ключевых своих звеньях из контекста тех глав книг Бытие и Исход, которые посвящены описанию пребывания евреев в Египте за период времени от Иакова до Моисея.

Смысл архетипа отчасти разъяснится, если учесть, что Авраам, Исаак, Иаков и другие ветхозаветные патриархи являются в глазах современных исследователей не историческими личностями, а персонификаторами родоплеменных делений. В этом случае вся ситуация начинает выглядеть следующим образом: появившись в Египте, евреи отдают местному населению своих сестёр (женщин на выданье), т.е. вступают с местным населением в смешанные браки. При этом евреи явно что-то не договаривают египтянам относительно своих женщин: если в ветхозаветном рассказе Авраам скрывает, что Сарра – его жена, то по агадическому рассказу он пытается провезти Сарру в Египет в сундуке, наподобие контрабандного товара, что указывает на кодовую природу обоих сюжетных мотивов.

Затем происходит конфликт между египтянами и евреями: «Удались от нас, - говорит Авимелех Исааку, – ибо ты сделался гораздо сильнее нас» (Бытие, гл.26:16); евреи уходят, оставляя после себя разорённую страну («... и обобрал он египтян», – Исход, гл.12:36).

Тот же самый архетип коллективного еврейского поведения выявляется и на материале ветхозаветной Книги Эсфирь, причём здесь уже становится более понятным смысл той странной недоговорённости в отношении еврейских женщин, которую мы наблюдали в предыдущем случае: Эсфири, оказывается, запрещено говорить о своём еврейском происхождении («Не сказывала Эсфирь ни о народе своём, ни о родстве своём; потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала» – Эсф., гл.2:10). В остальном ситуация та же: иудеянин Мардохей вводит в дом персидского царя Артаксеркса – на правах его жены – свою племянницу Эсфирь; благодаря этой хитрости, он избегает многих, спровоцированных им же, опасностей и становится первым после царя лицом в государстве, а население страны подвергается притеснениям и частичному истреблению. Традиционного конца архетипа – еврейского исхода из разорённой страны – мы в данном случае не видим (его отсутствие явно связано с последовавшим вскоре завоеванием Персии Александром Македонским). Но на то, что такой конец имел место и здесь, указывают исторические данные о еврейской диаспоре, возобновлённой в Персии лишь при Сасанидах. А о том, что страна после еврейского исхода осталась разорённой, говорит тот факт, что сасанидское государство уже никогда не достигало того уровня расцвета и могущества, который имело при Ахеменидах.

Как и всякий полуфольклорный текст, Книга Эсфирь тоже подчиняется определённым правилам её смыслового прочтения. Правила эти обусловлены тем, что в древних

обществах любая историческая ситуация описывается не “протоколно”, а с помощью мифологизированных языковых клише – тех или иных фольклорных “заготовок”, черпаемых из устной мифопоэтической традиции данного общества (вот почему изучение всякого эпоса начинается обычно с разделения эпосоведения на “историческую” и “мифологическую” школы). В нашем случае такими клишированными фольклорными “заготовками”, пусть и слабо выраженными, являются имена “Мардохей” и “Эсфирь”: религиеведы давно заметили, что в этих именах отразились воспоминания об ассиро-вавилонском культе Мардука и Иштари (Эштари, Эстери). Культ этот восходил к соответствующему вавилонскому мифу, который был усвоен евреями во времена так наз. “вавилонского пленения”. А содержание мифа, сводящееся к описанию спасения Мардука с помощью Иштари, явилось впоследствии той художественной почвой, на основе которой стало возможным осмысление уже чисто исторических событий. Оказалось, в частности, что спасающая функция Иштари, трансформированная в соответствующую функцию Эсфири (настоящее имя которой по Библии – Гадасса), идеальным образом воспроизводит функцию еврейских женщин в поведенческом архетипе евреев – функцию “помощниц” и “спасительниц” всего еврейского племени.

Но в чём конкретно обнаруживала себя эта функция, или – иначе – почему еврейским женщинам нельзя было открывать свою принадлежность к еврейству? На этот вопрос исчерпывающе отвечают результаты исследования, посвящённого истории Хазарского каганата: «В конце VIII века между Терекон и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребёнка, а кто матерью. И вот почему. Все евразийские племена считали ребёнка членом рода

отца. Законорожденный ребёнок имел долю в родовом имуществе, право на защиту и взаимопомощь и участие в родовых культах. Род был элементом этноса и культуры, следовательно, членство в роде определяло этническую принадлежность; происхождение матери в расчёт не принималось. У евреев же этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно, евреем, определялось происхождением от еврейки... Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери. Его учили еврейские раввины, члены общины помогали делать карьеру или участвовать в торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел прав на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме своих родителей, да и та была ограничена родовыми обычаями и религиозными еврейскими законами». Иными словами, «евреи извлекали из хазарского этноса детей либо как полноценных евреев (мать – еврейка), либо как бастардов (отец – еврей), чем обедняли хазарскую этническую систему и тем самым вели её к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет... дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре» (Л.Гумилёв. Древняя Русь и Великая Степь. М.1992, с.131-132, 139-140).

Характерно, что сам процитированный автор не увидел за этим блестяще разобранном случае правила, общего для всей письменной истории евреев, так как это

вошло бы в противоречие с его взглядом на евреев как на этнос и, соответственно, с его теорией, по которой евреи времён Моисея, Хасмонеев или современности – это совершенно разные этносы, не имеющие друг с другом ничего общего. Межэтнических же образований, к которым следовало бы отнести евреев, Гумилёв в своих теоретических классификациях почему-то не предусмотрел, хотя различал надэтнические и субэтнические. Другой ошибкой Л.Гумилёва было то, что он приписал еврейской традиции монополию на счёт родства по матери. В действительности евреи такой монополией не обладали: этот древний социальный институт, хорошо изученный на историческом и этнографическом материале, сохранялся – наряду с отцовским – очень долго у многих народов. Причём отличие еврейского счёта родства по матери от такого же счёта в его не-еврейском исполнении заключалось в отношении к его соблюдению. Не-еврейское отношение к счёту родства по матери не требовало его жёсткого соблюдения, поскольку основные управленческие функции в не-еврейских обществах нес на себе счёт родства по отцу, со всеми присущими ему формами собственности, процедурами наследственности и государствообразующими процессами замены кровнородственных связей на территориальные. Еврейское же отношение к счёту родства по матери требовало – за неимением отцовского счёта – более последовательного и неуклонного, чем у не-евреев, его соблюдения; оно не допускало никаких исключений из правила. Именно этим и объясняется необычайная историческая устойчивость еврейской общины, – в отличие от исторически вырождавшихся не-еврейских общин, функции которых постепенно забирала себе государственная власть.

* * *

Речь идёт, как видим, не просто о хорошо известной способности евреев образовывать в местах своего проживания “государства в государствах” (на самом деле – свои **общества** в чужих **государствах**), но о конкретном механизме осуществления этой способности: о материнском счёте родства, благодаря которому всякое не-еврейское государство, принявшее в себя евреев как равноправных членов социума, продуцирует через некоторое время в самом себе еврейскую “общественность”, контролирующую рычаги экономической, политической и культурно-информационной власти данного государства (отсюда становится понятным, **что** означают на самом деле заявления современной “общественности” о безраздельной передаче в её пользу функций государства). Видимо, этот – присущий еврейской социальной организации – механизм стал широко известен в не-еврейском мире уже в древности (Иосиф Флавий, например, откровенно пишет в своих «Иудейских древностях» о том, что моисеево установление о смешанных браках не признаёт законными браки с иноземными женщинами, но ничего не говорит об иноземных мужчинах – т.1, кн.8, гл.7; кн.11, гл.8). Вот почему в раннесредневековой европейской среде, знакомой с еврейскими обычаями не понаслышке, евреи либо систематически изгонялись из принявших их стран, либо получали право на проживание в этих странах при условии соблюдения мер по их социальной изоляции (в частности, при условии запрета на смешанные браки с ними).

Глубинная же суть моисеева установления о смешанных браках вполне ясна: она заключается в том, что базовые стереотипы мышления и поведения закладываются уже в самом раннем детстве, когда

формирование ментальности ребёнка целиком определяется материнским влиянием на него. По этой причине и само наследование еврейского типа ментальности, а значит, и преемственность архетипа, могут быть обеспечены именно и только еврейскими матерями.

Очевидна смысловая связь архетипа коллективного поведения евреев с содержанием ключевых для ветхозаветной сюжетики тем “завета”, “рассеяния” и “исхода” («Потомки твои будут пришельцами в земле не своей,... после сего они выйдут с большим имуществом» - Быт. 15:13,14; «Я развеял их по всем народам, которых они не знали, и земля сия опустела после них,... и они сделали вожделенную землю пустынею» – Зах. 7:14; «Я, Господь, который вывел тебя из Ура Халдейского» – Быт. 15:7; «Я, Господь, Бог твой, изведший тебя из земли Египетской» – Пс. 80:11; « и из Ассирии соберу их,...» – Зах. 10:10, и др.). – Рассыпанные в бесчисленном количестве по всему Ветхому завету, все такого рода высказывания создают как бы единый концептуальный каркас его тематически разнородных книг. И все они делают особенно наглядным тот факт, что подлинное содержание “завета” – это не столько общий целевой ориентир коллективного поведения евреев, сколько детально разработанный (алгоритмизированный) механизм претворения архетипа в жизнь.

Знание этого алгоритмизированного механизма, наряду со знанием его фольклорных “кодов”, помогает распознавать в письменной истории евреев остаточные следы алгоритма, а также видоизменённые его варианты. Скажем, один из результатов пребывания Авраама в Гераре описывается как демографическое вырождение местного населения: «Ибо заключил Господь всякое чрево в доме Авимелеха...» (Быт. 20:18). Такой же результат мы видим и в рассказе о пребывании евреев в Египте, где

демографическое вырождение египтян отражено темой “гибели египетских младенцев” и темой “тщетности попыток фараона ограничить рождаемость у евреев”. Или: сказочный мотив рождения Моисея (который в фольклористике известен как мотив, призванный подчеркнуть привилегированный, элитарный статус новорожденного), в библейском рассказе имеет контекст, воспроизводящий ситуацию “кукушонка в птичьем гнезде”. Или: в одном месте книги Ездры провозглашается абсолютный запрет на смешанные браки евреев с не-евреями; однако во многих других местах этой же книги осуждаются лишь браки с иноплеменными женщинами, а когда дело доходит до практического отделения евреев от не-евреев, то изгоняются лишь иноплеменные жёны с детьми, и ни слова не говорится об иноплеменных мужах. Или: в ситуации, когда скрыть принадлежность еврейских женщин к своей общине невозможно, в ход идёт притворное отречение от общины. В этом плане показательна «Книга Юдифь». Её главная героиня, являющаяся олицетворением всех еврейских женщин (что следует как из значения её имени – «Иудеянка», так и из содержания Песни, которую Юдифь поёт в конце книги), говорит Олоферну: «Я – иудеянка, но не хочу более иметь с иудеями ничего общего». Последняя вариация архетипа особенно широко представлена в новейшей истории евреев, где их притворное отречение от своей общины постоянно маскируется то их “крещённостью”, то “культурной эмансипированностью”, то “классовой солидарностью”, то исповедованием “общечеловеческих ценностей”.

* * *

Понимание всех этих нюансов проявления архетипа позволяет заново прочитать всю письменную историю

евреев. Так, начало этой истории принято отсчитывать от выхода Фарры, отца Авраама, из Ура Халдейского. Ур Халдейский – это, по мнению специалистов, древний культурный центр на южной окраине шумеро-аккадского раннегосударственного образования, а исход Фарры из него ориентировочно датируется временем Вавилонского царства не ранее его расцвета при Хаммурапи (XVIII в. до н.э.). Причина исхода, по ветхозаветным данным, та, что «халдеи выгнали их» (т.е. евреев – Кн.Юдифь, 5). Исторические же данные говорят о том, что сразу после царствования Хаммурапи наступает эпоха упадка и разорения не только Ура, но и всего Вавилонского царства. Если исторические и ветхозаветные данные рассматривать как взаимосвязанные, то в исходе Фарры из Ура нужно будет признать финальный этап архетипического цикла в его древневавилонском исполнении. Затем наступает новый архетипический цикл: Фарра со своими потомками Авраамом и Лотом уходят из Ура на север («и они бежали в Месопотамию» - Юд.; «дошедши до Харрана, они остановились» – Быт.; «и долго там обитали» - Юд.). Подробных данных о пребывании евреев в Харране нет; известно лишь, что Харран был важным пунктом на пересечении древних торговых путей и что евреи вышли из него «с большим имением». Очередной исход и направление дальнейшего пути санкционируются, как обычно, «велениями Бога»; поэтому по последовательности таких велений можно восстанавливать последовательность архетипических циклов. «Бог их сказал, чтоб они... шли в землю Ханаанскую; они поселились там и весьма обогатились золотом, серебром и множеством скота» (Юд.). Затем хананеи просят их удалиться, ибо «голод накрыл лице земли ханаанской». Следует новое веление Бога: идти в Египет. Там евреи «оставались, пока находили пропитание, и умножились там до того, что не было и

числа роду их. И восстал на них царь египетский,... и египтяне прогнали их из себя» (Юд.). Агадическая литература тоже совершенно однозначно указывает на то, что египтяне не только не пытались удерживать евреев у себя, но, напротив, прилагали все силы, чтобы избавиться от них («Положению осла и всадника его подобны были египтяне и израильтяне в последние дни перед исходом: кара за карой сыпались на Египет, и кряхтел он, и говорил: “Когда же наконец освобожусь я от оседлавшего меня Израиля?”» – Агада, М.1993, с.62).

Соответствуют процитированным и исторические данные по Египту. Так, проникновение евреев сюда, начиная от Авраама и кончая Иосифом с братьями, происходило в 1700-1650 гг. до н.э. (датировка взята из комментариев к синодальному переводу Библии), и этим же временем датируется нашествие на Египетское Среднее царство семитического пастушеского племени гиксосов, произошедшее во времена последних фараонов XIII династии. На тождество гиксосов и евреев косвенно указывает недооценённая историками фраза из текста египетского жреца Манефона, говорящая о специфичности захвата власти гиксосами: «Дерзко пошли они против нашей страны и **легко покорили её без битвы**» (Б.Тураев История Древнего Востока, Л., 1935, т.1, с.255. Выделено авт.). Затем – по Библии – в стране устанавливается безраздельная власть Иосифа, вплоть до его смерти, после которой евреи начинают жаловаться на притеснения; это соответствует факту временного исчезновения из династийных списков собственно египетских фараонов, которые вновь появились в Египте лишь начиная с XVIII династии, сумевшей подчинить гиксосов своей власти. Покорение гиксосов шло под знаменем бога Амона, т.е. под руководством жрецов; это соответствует данным книги Бытие, по которым власть Иосифа совершенно не распространялась на жречество,

остававшееся экономически независимым от евреев (47:22). Поэтому в дальнейшем именно жречество становится главным объектом внимания со стороны внедрившейся в египетское общество гиксосо-египетской метисной элиты: в конце правления XVIII династии возникает религиозная смута, связанная с конфликтом между гелиопольским и фиванским жречествами (Гелиополь – город, находившийся в зоне влияния гиксосов). Смута завершается попыткой идеологического переворота (Эхнатон, середина XIV в. до н.э.), а перевороту предшествует нарушение традиции престолонаследия: жёнами фараонов начали становиться женщины не из рода фараонов, а “со стороны” (в том числе и со стороны гелиопольского жречества). Сам же переворот носил ярко выраженный иудаистский характер: впервые в истории религиозной культуры Египта эта культура стала догматичной и фанатичной, и впервые возникла нетерпимость – со стороны верховной власти – к языческой мифологии, т.е. к общенародному мировоззрению. В конечном счёте переворот захлебнулся, но его долговременным следствием оказался глубокий и всесторонний упадок Египта. В Библии всем этим событиям соответствует описание “моисеевой эпохи”, наступившей вслед за “эпохой Иосифа”: 1 – евреи этой второй эпохи заявляют о себе как о мощной внутриегипетской социальной силе, проявившейся на самых высших уровнях светской и религиозной власти (связь Моисея с семейством фараона, его “идеологические дискуссии” с египетскими жрецами); 2 – они заявляют о себе ограблением Египта и исходом из него.

Дальнейший маршрут евреев определялся следующим образом: на запад и на юг от Египта дороги не было, так как сам Египет был юго-западной окраиной тогдашнего экономически и культурно развитого мира (который один только и представлял интерес для евреев),

а с севера и северо-запада Египет омывался Великим (Средиземным) морем. Обратная дорога на северо-восток была отрезана, ибо в Ханаане уже знали, кто такие евреи. Поэтому «Бог не повёл его (Израиля – *авт.*) по дороге земли Филистимской..., ибо сказал Бог: “Чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет... И обвёл Бог народ дорогою пустынною...”» (Исх. 13:17,18).

Традиционно принято считать, что пребывание евреев в пустынях Синайского полуострова представляет собой всего лишь “паузу” между египетским и палестинским этапами еврейской истории. Факты, однако, говорят о другом: о том, что и пребывание в пустыне тоже было не чем иным как очередным архетипическим циклом. Дело в том, что Синайский полуостров, вкупе с сопредельными приаравийскими землями, являлся не столько “пустыней” в образном значении этого слова, сколько областью расселения мадианитов – кочевого народа, занимавшегося торговлей и военными набегами на соседей. Еврейские контакты с мадианитами начались ещё во времена “египетского рабства”, когда Моисей женился на дочери мадианитского жреца Сепфоре («Сепфора», видимо, тоже не личное, а родовое имя, так как детьми от Сепфоры оказываются не только сыновья Моисея, но и союзные мадианитам моавитские цари). Сам же синайский период еврейских блужданий отмечен вначале очень хорошими отношениями евреев с мадианитами. В частности, последние оказывают Моисею содействие в проведении административных реформ (Исх.18) и вообще в них нуждаются, от них зависят (Числа, 10:29). Впоследствии, однако, начинаются трения. Сначала некие «пришельцы между ними (евреями – *авт.*) стали обнаруживать прихоти» (Числа, 11:4), и их за это уничтожают (11:34; “пришельцами” здесь могут быть только мадианиты – *авт.*). Затем мадианиты вместе со своими союзниками

моавитянами пытаются противостоять евреям (Числа, 22:1-7). За это евреи объявляют мадианитам войну на уничтожение («И сказал Господь Моисею, говоря: “Враждуйте с мадианитянами, и поражайте их...”», – Числа, 25:17,1). Заканчивается архетипический цикл полным разгромом мадианитов, причём Моисей гневается на своих военачальников, оставивших в живых мадианитских женщин, и велит убить их. Характерно, что бóльшая часть рассказа «Суд над мадианитянами» посвящена перечислению отнятого у мадианитов имущества.

“Успех”, которым завершился данный архетипический цикл, объясняется не в последнюю очередь тем, что пребывание в Синайской пустыне было использовано Моисеем также и для усиления дисциплинарной политики, поскольку предыдущие 400 лет относительно стабильного проживания евреев в Египте во многом внутренне переродили “межэтническое сообщество”, сделав его недостаточно управляемым и послушным. Поэтому основное содержание текстов, отражающих синайский период еврейской истории, сводится главным образом к описанию той “воспитательной работы” и тех жестоких методов её проведения, которые призваны были вдохнуть новую жизнь в древнюю программу циклического воспроизведения архетипа.

* * *

Новый этап еврейской истории начинается с того, что, замкнув “синайскую петлю” – в силу внутренней логики маршрута – евреи вновь оказываются перед выгнанными их некогда обитателями Ханаана. Здесь впервые происходит “идеологическая накладка”: Бог “вынужден дать” евреям ту же самую землю, которую ранее “уже давал”. То есть совершается как бы двукратное усиление

“договора с Богом”, и вот оно-то и откладывается в исторической памяти евреев как идея “особенности их прав на Ханаан”. Впрочем, явно не последними оказываются здесь и чисто практические соображения: «Ибо земля, в которую ты идёшь,... не такова, как земля Египетская,... где ты... поливал её при помощи ног твоих... Земля, в которую вы переходите, чтобы овладеть ею, есть земля с горами и долинами, и от дождя небесного напояется водою...» (Втор. 11:10,11).

Идеологическая накладка вкупе с откровенной враждебностью местного населения к евреям создаёт качественно новую ситуацию, в которой древний архетип коллективного поведения временно перестаёт работать. Отныне начинается не ползучая колонизация страны с помощью счёта родства по матери, а обычная война за право обладания вождеделенной территорией. Санкцию на временное отступление от архетипа дало моисеево законодательство: «Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне во веки: потому что они не встретили вас хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта...» (Втор. 23:3,4). Действительно: ни моавитяне, ни аммонитяне, ни амморей, ни хананей, ни хеттеи, ни ферезеи, ни иевусеи не встретили евреев “с хлебом и водою”, т.е. не захотели повторения прошлого (которое началось как раз со встречи евреев “с хлебом и вином” – Быт. 14:18). Вместе с тем их желание отстоять свою землю от захватчиков натолкнулось на фанатическую решимость евреев “отстоять свою”. А в результате архетип коллективного поведения евреев оказался надолго сломлен; заработали стимулы, побуждения и цели, при которых еврейское поведение становилось практически неотличимо от не-еврейского. То есть евреи воюют, время от времени побеждая или терпя поражения, занимаются культурным сотрудничеством с соседями (строительство храма с помощью тирского царя), совершают морские

экспедиции (путешествие в Офир), устанавливают дружественные отношения с дальними странами (визит царицы Савской к Соломону) и постепенно изживают свой сектантский фанатизм, перенимая религию, традиции и быт коренного населения (культы Ваалов, *обычные смешанные браки* и т.д.). Этой духовной интеграции способствовало и двукратное усиление “договора с Богом”, развившее у евреев психологическое ощущение того, что эпоха скитаний закончилась. Короче говоря, начался наиболее *нормальный* период еврейской истории, так как евреи впервые становились уже не “межэтническим сообществом с разрушительным для окружающих стереотипом социального поведения”, а “просто народом”. Самих евреев этот период их истории, судя по ветхозаветным данным, очень даже устраивал; это ясно заявлено уже в Первой книге царств: «И мы будем, как прочие народы...» (8:20).

Но он категорически не устраивал тех еврейских религиозных ортодоксов, которые рассматривали начавшийся период как время предательского отпадения от заветов Господа. Настроения такого рода особенно чётко прослеживаются в пророческой среде (с X в. до н.э.), где уже Илия, а за ним и Елисей объявляют беспощадную войну языческим влияниям. «Хладнокровная последовательность, это неумолимое следование принципу: “Или Иегова, или Ваал”, доходившие до того, что пророк готов был согласиться на гибель всего народа и всего мира во имя торжества идеи Иеговы, сделали из этих двух могучих проповедников истинных предшественников следующего поколения религиозных деятелей» (Б.Тураев). Именно деятельности пророков евреи обязаны тем, что отпадение от Иеговы начинает осознаваться ими как “моральный грех”. Воскрешается также идеология “скитальчества”, “рассеяния”, “исхода”: «... и Израиль

будет непременно выселен из земли своей» (Амос, 7:10-17).

Удобный случай для воскрешения архетипической идеологии представился в конце VIII в. до н.э., когда ассирийцы разрушили Израильское царство, отделившееся от Иудейского после смерти Соломона. Это событие было истолковано иудейскими идеологами как “мечь Иеговы беззаконному народу”; на его фоне они разворачивают борьбу за чистоту своего учения, и именно в это время происходит возвращение евреев к идеям религиозного изоляционизма и самовозвеличивания. А конечный результат стараний пророков был тот, что после разрушения Иерусалима в 586 г. до н.э. и так наз. “вавилонского пленения” древний архетип коллективного поведения вновь делается для евреев безусловной и безальтернативной нормой существования.

Прямым следствием всех таких процессов можно считать разрушение сначала вавилонской, а затем и персидской держав. После же “евангельских” событий в начале н.э. архетип облекается еврейскими идеологами в ещё более жёсткую – талмудическую – форму, и с этого момента евреи уже окончательно восстанавливают себя как *принципально антисоциальное* межэтническое образование. Наиболее заметным их “достижением” на данном этапе является разрушение эллинистической цивилизации – Римской империи.

* * *

В постримское время в проявлениях архетипа наблюдаются особенности, связанные с ролью религии еврейского происхождения – христианства. Дело в том, что хотя эта религия и “легализовала” еврейство внутри себя, но с отрицательной оценкой, в результате чего в государствах христианского культурного круга на

политическую активность еврейства были наложены конфессиональные ограничения. Талмуд обошёл их, разрешив евреям притворное крещение. Но поэтому и проявления архетипа стали неявными: выражающимися в произвольном якобы зарождении разного рода антихристианских ересей (иконоборчества, альбигойства и др.), в ревизии некоторых элементов христианской догматики и даже в прямом отказе от них. Не удивительно, что Восточную Римскую империю (Византию) разрушила, предварительно внутренне ослабив, такая тонкая идеологическая диверсия, как наделение статусом государственного вероисповедания *исихазма* – созерцательной разновидности православия (о **политическом** исихазме см: С.В.Горюнков. Мёртвая царица и спящий народ. СПб. 2006, с. 142-155). А еврейский “исход” из Византии выразился, с одной стороны, в экспорте “политического исихазма” на православную Русь (не говоря уже об экспорте туда же и рационалистических ересей), а с другой – в перемещении античных материальных ценностей на североитальянский рынок (что позднее было названо Возрождением). Роль же идеологической диверсии в самой Западной Европе сыграла более отвечающая духу западного христианства Реформация. Она подготовила почву для дальнейшей борьбы еврейства за политическое равноправие – за так наз “еврейскую эмансипацию” (XVII - XIX вв.). Эмансипация, в свою очередь, заявила о себе взрывом революционных движений и, в конечном счёте, крушением главных европейских и евразийских империй: Австро-Венгерской, Российской и Османской. А эквивалентом “исхода” на этом историческом этапе можно считать перемещение еврейского “центра влияния” из Европы в Северную Америку – в США.

* * *

Если, таким образом, делать поправку на специфику средних веков, то мы вправе будем утверждать, что начиная с эпохи после Р.Х. архетип одинаково эффективно функционирует как в восточной ветви еврейской диаспоры, распространившейся из Византии и Персии через Кавказ в Волго-Донское междуречье и далее через Русь в Польшу, так и в западной, проникшей через восточное Средиземноморье в Западную и Центральную Европу. Причём вся без исключения диаспора сохраняет не только общую схему архетипа, но и его наиболее характерные детали. Скажем, неотъемлемым элементом воспроизведения архетипа с древнейших времён является тенденция к сокрытию евреями – когда это возможно и необходимо – своего еврейского происхождения. Эта же тенденция широко бытует и в поведении современных евреев, использующих с целью сокрытия “очищенные” анкетные данные, “аборигенные” имена и фамилии и т.д. (типичная сценка из практики нынешних российских СМИ: сидят в теле- или радиостудии три-четыре еврея и озабоченно обсуждают тему типа: «Почему это *мы, русские*, такие нецивилизованные и некультурные?»). Или такой пример: в ветхозаветных текстах имеется немало указаний на “виноватость” не-еврейских правителей перед евреями (“виноват” Авимелех перед Авраамом, “виноват” фараон перед Моисеем, “виноват” Аман перед Мардохеем и т.д.). Здесь налицо прямая аналогия с “чувством вины” и “необходимостью покаяния”, которые современная иудаизированная пресса всячески старается навязать целым народам и государствам. Или: выражения “египетское рабство” и “вавилонский плен” давно уже стали метафорическими “формулами несвободы”, хотя “рабство” состояло всего лишь в попытках фараонов помешать евреям разваливать государство, а в “плёну” евреям было так “плохо”, что после разрешения персидского царя Кира

вернуться в Палестину бóльшая их часть не захотела этого сделать. Очевидно, что слова “рабство” и “плен” имеют здесь примерно тот же самый смысл, что и современные разговоры евреев об их “преследованиях” и “геноциде”.

Разумеется, какая-то доля правды во всех таких разговорах всё же имеется. А в чём конкретно эта доля правды состоит, помогает понять аналогия с игроками в карты: если такие игроки обнаруживают среди себя шулера, т.е. человека, играющего не по общепринятым правилам, то они начинают его бить. В этом примере, как в зеркале, отражается вся суть многотысячелетней истории евреев – страшная антисоциальная суть, воплощённая в архетипе их коллективного поведения.

Справедливости ради нужно отметить, что практическое претворение архетипа в жизнь вовсе не требует от евреев сколько-нибудь осознанных личных усилий, хотя и не исключает их. То есть сами отдельно взятые евреи могут в ряде случаев совершенно искренне пребывать в иллюзии своей личной дистанцированности от архетипа, могут совершенно непритворно считать себя “незаинтересованной стороной”. Но, бессознательно для самих себя подчиняясь бытовым социальным установлениям своей среды (а исключений здесь практически не бывает), **они автоматически, независимо от своей воли оказываются вовлечены в безостановочный режим работы архетипа**, в механическое воспроизведение одного и того же, не меняющегося на протяжении тысячелетий, поведенческого шаблона.

* * *

Из всего сказанного об архетипе можно вывести несколько следствий, немаловажных с точки зрения более глубокого понимания сущности “феномена еврейства”.

Следствие первое. В современной системе представлений, отражённой как публицистической, так и академической литературой, до сих пор не изжиты устаревшие взгляды на характер сосуществования евреев с не-евреями. Например, ссылаясь на книги Ездры и Неемии, говорят нередко о полном запрещении браков евреев с иноплеменниками (и это – несмотря на “проговорку” Иосифа Флавия). Или, применительно к временам после т.н. “вавилонского пленения”, говорят о “прозелитизме” (обращении не-евреев в иудаизм) как о принципиально новом для еврейской истории явлении. Или же, приводя в пример хазар, говорят о “странных исключениях” в истории еврейской религиозной практики. Все такие утверждения нельзя назвать иначе как вводящими в заблуждение. На самом деле смешение евреев с остальными народами, при обязательном счёте родства по материнской линии, следует считать древнейшей, необычайно устойчивой и фактически не знающей исключений формой исторического существования еврейского межэтнического сообщества.

Следствие второе. Принято думать, что еврейская диаспора (рассеянный между народами способ существования евреев) возникла лишь после ассирийского и вавилонского завоеваний Палестины, т.е. после VII -VI вв. до н.э. На самом деле то, что мы узнаём об архетипе коллективного поведения евреев, заставляет нас думать не только о том, что еврейская диаспора так же стара, как само еврейство, но и о том, что еврейство в принципе не может существовать вне диаспоры.

Следствие третье. Антисоциальность еврейского коллективного поведения становится постепенно всё более широко признаваемым фактом, однако её происхождение датируется по-разному. В течение двух последних тысячелетий господствовало поддерживаемое христианской церковью мнение о евреях как о “божьих

избранниках”, изменивших своему предназначению лишь с момента распятия ими Христа. В первой половине XX века дата “еврейского грехопадения” резко удревнилась: её стали возводить ко времени возникновения секты фарисеев, к эпохе персидского царя Кира, т.е. к VII - VI вв. до н.э. В самое последнее время стали указывать уже на XII в. до н.э., т.е. на дату еврейского исхода из Египта. На самом же деле еврейскую антисоциальность нужно рассматривать в прямой связи с характером функционирования архетипа, а последний оказывается так же древен, как и сама еврейская письменная история.

Следствие четвёртое. Похоже, что именно структура архетипа лежит в основе той эмпирической реальности, которая в просторечии известна под названием “жидомасонского заговора”. Если это так, то можно думать, что сам термин “заговор” призван здесь оглупить и скомпрометировать очень важную проблему, чтобы воспрепятствовать её обсуждению и изучению на более высоком уровне.

Следствие пятое. Поскольку на бессознательном уровне не-еврейская реакция на архетип облекается, как правило, в неправовые формы, то тем самым создаётся благоприятная психологическая почва для “прививки” не-евреям чувства вины перед евреями. В этом смысле понимание не-евреями структуры архетипа может помочь им выработать *сознательную идеологию противостояния “прививке”*.

Следствие шестое. Представление о специфической “еврейской внешности”, подкрепляемое представлением о них же как о “народе”, распространено чрезвычайно широко. Между тем из понимания структуры архетипа следует, что никакой специфической “еврейской внешности” нет, а есть лишь объяснимая их историей “ближневосточная внешность”. Европейская же часть еврейской истории совпала большей своей частью с

периодом религиозного запрета на смешение с евреями, что и привело к “консервации ближневосточной внешности” на европейской почве. Тем не менее начиная с новейшей истории, активное смешение с евреями имеет место и в Европе, поэтому евреи с типично англосаксонской или славянской внешностью, хотя и воспринимаются до сих пор не-евреями с недоумением, но давно уже не редкость.

Следствие седьмое. Поскольку сегодня господствует взгляд на еврейскую проблему как на этническую в своей основе, постольку имеют место и соответствующие взгляды на способы решения еврейской проблемы. Полезно, однако, обратить внимание на то, что процессом смешения евреев с представителями коренного населения в “евреизацию” общества вовлекаются огромные человеческие массы, внутри которых и критерий принадлежности к коренному этносу, и критерий принадлежности к “межэтническому сообществу” оказываются в конечном счёте размытыми. Дело в том, что “продуктами смешения” оказываются здесь не только “собственно-евреи” – дети еврейских матерей, но и “полуевреи” – дети еврейских отцов. То есть еврейство обнаруживает свойства не монолитного, а диффузного образования, внутри которого степень выраженности еврейской ментальности оказывается представлена двумя крайними полюсами: от ярко-демонстративной в “центре” до осторожно-выжидательной на “периферии”. И этим обстоятельством серьёзно затрудняется решение проблемы чёткой идентификации евреев. Ведь ни для кого не секрет, что существует немалое количество людей, осознающих и проявляющих себя евреями, но не подпадающими под какое-либо *формальное* определение их “еврейства”. В неблагоприятных (с еврейской точки зрения) условиях такие люди ведут себя как представители местного этноса, а в благоприятных – как евреи. Их-то существование и оказывается основным условием

успешности *евреизации* общества, потому что именно они являются главным адресатом, воспреемником, накопителем и транслятором разрушительной для коренного этноса еврейской ментальности. И они же создают собою ту непроницаемую ширму, в тени которой технически осуществляется “евреизация” общества – его разложение изнутри путём всестороннего культивирования и распространения идей государственнического, национального и религиозного нигилизма.

В этом смысле понимание структуры архетипа преподносит нам по меньшей мере три урока: 1 - надежды на простые и лёгкие способы решения еврейской проблемы – иллюзорны (а те, кто сеет эти надежды, или дремучие невежды, или провокаторы); 2 – феномен еврейства – это, прежде всего, феномен истории духа (точнее – болезни духа), а не расы, этноса или крови; 3 – историю духа нужно изучать, без этого не справиться и с болезнями духа.

3. “ЖИДЫ” И “ЕВРЕИ”

(об исторических корнях современных попыток обосновать различие между “жидами” и “евреями”, т.е. между “плохими” и “хорошими” евреями).

Разделение древнееврейской государственности на её израильскую и иудейскую ветви рассматривалось до сих пор (и продолжает рассматриваться) только лишь с её “внешней”, историко-политической стороны. А между тем у этого явления имеется и “внутренний” аспект, а именно – тот, который, будучи связан с особенностями еврейской ментальности, выступает в качестве его идеологической составляющей. Анализу этой идеологической составляющей и посвящён данный раздел работы.

Прежде всего, нужно определиться с тем, кого именно из представителей раскидистого генеалогического древа, восходящего к Фарре из Ура халдейского, следует считать “евреями”, поскольку мы знаем, что к ним относятся далеко не все потомки этого корня. Так, из всех детей Фарры “евреем” является лишь Авраам, но не другие, от которых произошли аммонитяне и моавитяне; из детей Авраама “евреем” является лишь Исаак, но не другие, от которых произошли северные арабы; из детей Исаака “евреем” является лишь Иаков, но не другие, от которых произошли идумеи, и т.д. Спрашивается: существовал ли принцип, в соответствии с которым осуществлялся отбор “евреев” (или, что то же самое, “наследников Завета”) из общей массы представителей единого генеалогического древа?

Оказывается, что такой принцип не только существовал, но что именно он и являлся высшей правовой санкцией в идеологическом обеспечении еврейского коллективного способа существования. Воплощением этого принципа можно считать библейский мотив “неправильного полученного первородства”. Так, мы видим, что первенцем Авраама был Измаил, но первородство – вопреки правилу – отдано Исааку; первенцем Исаака был Исав, но первородство – опять-таки в силу нарушения правила – отдано Иакову; первенцем Иакова (от законной Рахили, а не от навязанной обманом Лии) был Иосиф, но первородство – снова вопреки правилу – осталось в конечном счёте за Иудой (сыном Лии); первенцем Иуды должен был стать Зара, но – в силу некоторых “неправильных” обстоятельств – первородство осталось за Фаресом.

Из “нарушителей правила” и образуется начало всей “правильной” еврейской цепочки “наследников Завета”: Авраам – Исаак – Иаков – Иуда – Фарес (а к потомству Фареса восходит и позднейший “персонификатор еврейства” – “дом Давида”). Но вот что странно: в

ветхозаветной истории еврейскую общность представляет не только эта цепочка, но и сосуществующее некоторое время параллельно с ней потомство Иосифа, которое составляло основную часть населения Израильского царства и которое постоянно осознавало свою непохожесть на население соседнего Иудейского царства даже во времена их совместного пребывания под властью общих царей.

Естественно, возникает вопрос: что означает эта выпадающая из общего правила ситуация с потомством Иосифа? А чтобы разобраться в ней, нужно детально проанализировать другую ситуацию – ту, которая сложилась в семействе Иакова начиная с периода его до-египетского и даже до-ханаанейского проживания в Месопотамии. Такой анализ поможет нам лучше понять вещи, знать которые бесполезно и сегодня.

Как известно, общее потомство Иакова, названного впоследствии Израилем, состоит из 12-ти его сыновей (колен израилевых), рождённых от жён-сестёр Рахили и Лии и их служанок Валы и Зелфы: Иосиф и Вениамин – от Рахили; Дан и Неффалим – от её служанки Валы; Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар и Завулон – от Лии; Гад и Асир – от её служанки Зелфы. Некоторые, впрочем, считают, что потомство служанок введено сюда древними редакторами в целях подгонки повествования под сакрально-мифологическое число “12” и что наиболее достоверную историческую основу тут представляют две противостоящие друг другу группы сыновей Иакова: от Рахили и от Лии. Но в любом случае уже само выделение 12-ти колен как “целиком еврейских” – это и есть перерыв той древней традиции, в силу которой “наследником Завета” всегда становился нарушитель правила первородства, будь-то в потомстве Рахили, или же Лии.

На первый взгляд, причина перерыва традиции заключается в действиях тестя Иакова, Лавана, женившего

Иакова не только на своей младшей дочери Рахили, к которой Иаков сватался, но и на старшей дочери Лии. Тогда перерыв традиции можно было бы объяснить тем, что борьба за первородство происходит на данном этапе не между старшими и младшими сыновьями Иакова, а между двумя группами его сыновей от Рахили и Лии. Но дело в том, что женитьба Иакова на обеих дочерях Лавана была осуществлена методами, воспроизводящими опять-таки древнюю еврейскую традицию “правила нарушения первородства”. А именно: законное первенство Рахили дважды отнимается у неё Лией: первый раз – в момент брачной ночи, когда вместо Рахили Иакову подкладывают Лию, а второй раз – в момент покупки Лией у Рахили ночи с Иаковом за мандрагоры Лиино сына (прямая аналогия с покупкой самим Иаковом первородства у Исава за чечевичную похлёбку). Поэтому хотя борьба между сыновьями Иакова за первородство и смещается на уровень групп сыновей от Рахили и Лии, но побеждает в этой борьбе, в полном соответствии с “правилом нарушения первородства”, именно группа сыновей Лии, которая, продолжая “игру не по правилам”, устраняет одного из главных своих соперников в наследовании Иакову – Иосифа: она продаёт его в Египет. А в дальнейшем, спустя столетия, правило определения “наследника Завета” окончательно восстанавливается уже и внутри самого потомства Лии, где главенство завоёвывают, в конечном счёте, младшие колена Иуды и Левия, а не старшие Рувима и Симеона.

Можно было бы также объяснять перерыв традиции тем, что сам Иаков, обманным путём женатый на Лии, отдавал предпочтение своему потомству от любимой Рахили, а не от постылой Лии. Но и эта версия при более внимательном её рассмотрении не выдерживает критики, потому что основывается на наивном понимании образа Иакова как исторической личности, а не как

персонификатора родоплеменных делений. Поэтому правильнее всего будет, видимо, довериться тем данным Книги Бытия, согласно которым в Ханаане “еврейская” ветвь потомства Иакова пришла в упадок, а в Египте “нееврейская” – неожиданно для “еврейской” – расцвела. То есть перерыв традиции диктовался, судя по первоисточникам, демографической угрозой вырождения “еврейской” (ханаанской) ветви. Вот почему Иаков идёт на беспрецедентный в прежней еврейской истории шаг: он как бы “с нуля” осуществляет “прививку еврейскости” не-еврейскому (египетскому) стволу своего потомства.

Очень важно проследить, как именно он это делает, потому что здесь особенно наглядно обнаруживает себя конвенциональная суть понятия “еврей”. Сначала Иаков разделяет на “евреев” и “неевреев” всё египетское потомство Иосифа: «И ныне два сына твои, родившиеся тебе в земле Египетской, до моего прибытия к тебе в Египет, мои они; Ефрем и Манассия, как Рувим и Симеон, будут мои. Дети же твои, которые родятся от тебя после них, будут твои» (Быт. 48:5,6). Затем уже внутри выделенной “еврейской элиты” Иаков выделяет ещё одну “суперэлиту”, посвящая её в “евреи” в полном соответствии с принципом “неправильно полученного первородства”. «И взял Иосиф обоих, Ефрема в правую руку свою против левой Израиля, а Манассию в левую против правой Израиля, и подвёл к нему. Но Израиль простёр правую руку свою и положил на голову Ефрема, хотя сей был меньший, а левую на голову Манассии. С намерением положил он так руки свои, хотя Манассия был первенец... И увидел Иосиф, что отец его положил правую руку свою на голову Ефрема; и прискорбно ему было это. И взял он руку отца своего, чтобы переложить её с головы Ефрема на голову Манассии; и сказал Иосиф отцу своему: не так, отец мой; ибо это первенец; положи на его голову правую руку твою. Но отец его не согласился и сказал: знаю, сын

мой, знаю, и от него произойдёт народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдёт многочисленный народ... И поставил Ефрема выше Манассии» (Быт. 48:13-20).

Как видим, “прививка еврейскости” заключалась, во первых, в предварительном выделении “поля для игры не по правилам” (наличное потомство Иосифа), а во-вторых – в разделении этого “поля”, в соответствии с “правилом игры не по правилам”, на “еврейскую элиту” и на “всех остальных”. Но тем самым и вся новообразованная “еврейская элита” оказывается потенциально подчинена исходному порядку вещей; на это ясно указывает одно место из Первой Книги Паралипоменон: «...первенство... отдано сыновьям Иосифа, с тем однако ж, чтобы не писаться им первородными; потому что Иуда был сильнейшим из братьев своих, и вождь из него...» (5:1,2; выделено мною – *авт.*). Иными словами: первенство по факту рождения – за Иосифом, по факту еврейской традиции “игры не по правилам” – за Иудой, а по вынужденным обстоятельствам текущей ситуации – и за тем, и за другим, с тенденцией к восстановлению в перспективе исходного порядка вещей хотя бы и силовым путём (Иуда – “сильнейший из братьев своих, и вождь из него”).

В конкретно-историческом плане восстановление исходного порядка вещей растянулось на несколько столетий, определив тем самым и содержание этих столетий. Так, пришедшее в упадок в Ханаане, но вновь окрепшее в Египте под опекой Иосифа потомство Лии начинает, согласно данным агадической литературы, “качать права” ещё при жизни Иосифа (саму раннюю смерть Иосифа некоторые агадисты приписывают именно тому факту, что он “дал братьям почувствовать свою силу”. – Еврейская энциклопедия). А конечным итогом такого

“качания прав” явилось подчинение потомства Иосифа власти потомства Лии в лице Моисея.

Подчинение, впрочем, обречено было оставаться непрочным, потому что являлось подчинением грубой силе, а не еврейской архетипической идеологии, весьма слабой в среде “недавно посвящённых в евреи” (об “архетипической идеологии” см. главу «Архетип коллективного поведения евреев»). То есть оно не было подчинением на уровне *общественного сознания*. Отсюда – настоятельная необходимость проведения религиозной реформы, которую затевает Моисей в Синайской пустыне (а замышляет ещё раньше). И отсюда же – его постоянные жалобы на “жестоковийность” народа, на его нерасположенность к беспрекословному послушанию. «Чем более вы стеснены, – говорит Моисей народу, – тем более вам следует надеяться на помощь от господа Бога» (цит. по И.Флавию). А вот как реагирует на цели Моисея сам народ: «Отняв у нас всякую усладу и самостоятельность жизни, каковые качества являются уделом свободных, не признающих над собою постороннего владычества людей, ты до сих пор всяческими средствами навязывал нам под видом законов полное порабощение Богу, а себе оставлял всю власть. Таким образом, ты для евреев хуже египтян... Гораздо справедливее было бы подвергнуть тебя самого наказанию за то, что ты отвергаешь общепризнанное благо и, наперекор общественному мнению, выставляешь свои собственные грубые и неуместные суждения» (слова Замврия Моисею, цит. по И.Флавию).

“Жестоковийность” народа обернулась, однако, и полезными для дальнейших “потенциально нееврейских” судеб сторонами, позволившими сохранить на время паритет в отношениях с “настоящими евреями”. Так, удачное проведение серии наступательных войн в Палестине оказалось возможным лишь потому, что не до

конца был истреблён военный инстинкт “как бы евреев” (главный полководец – Иисус Навин – происходил из колена Ефрема). А последующее создание израильской государственности опять-таки имело своей предпосылкой не до конца истреблённый в потомстве Иосифа государственный инстинкт (“Израилем” на данном этапе называются в Библии обычно колена Ефрема и Манассии, а ещё чаще – одно лишь колено Ефрема).

Затем наступает закономерный финал совместного сосуществования “настоящих евреев” (потомство Лии) и “как бы евреев” (потомство Иосифа). По словам одного известного автора, «израильтяне не желали быть под началом сектантского священства, соглашаясь на объединение только под властью царя: все народы вокруг них управлялись царями». Царём был избран Саул; то, что он происходил из потомства Вениамина, показывает, что «израильтяне не желали иметь царя-иудея. Объединённое царство Израиль просуществовало только во время правления Саула, его первого и последнего царя». Воцарившемуся после Саула иудею Давиду, номинальному владыке Израиля и Иудеи, в действительности «не удалось объединить ни царство, ни племена; он лишь основал династию, продержавшуюся ещё одно правление (при Соломоне – *авт.*)... Краткая совместная история Израиля и Иудеи пришла к концу в 937 г. до Р.Х. После смерти Соломона эта непрочная ассоциация распалась окончательно, и на севере Израиль вернулся к независимой жизни... Израильтяне утратили веру в какое-либо особое предназначение, и при царе Иеровоаме Израиль как политически, так и религиозно полностью порвал с Иудеей» (Д.Рид. Спор о Сионе. М. 1993, с.13).

В 731 г. до Р.Х. Израиль был завоёван и разрушен Ассирией, а его население частью растворилось в окружающих племенах, а частью вошло в новое племенное

образование “самарян”. Всё это означало, хотя и в неявном виде, начало конца и Иудейского царства, потому что исчезновение государственности у тех, кто был главным носителем её идеи (т.е. у потомства Иосифа) не могло не отразиться и на тех, кто был против собственной воли вынужден к её поддержанию сторонними обстоятельствами (потомство Лии). Колено Иуды к этому времени тесно смешалось с коленом Левия. А поскольку колено Левия, наделённое, по Моисееву законодательству, жреческими функциями и лишённое в силу этого земельных наделов, являлось главным выразителем “беспочвеннической” идеологии, то к началу разрушения Иерусалима и “вавилонского плена” восстановление исходного (архетипического) порядка вещей становилось неизбежным.

4. ТРАКТОВКА “ДОБРА” И “ЗЛА”

Этика начинается с различения “добра” и “зла”, а древнейшие формы этих понятий мы находим в мифологии, в том числе и ветхозаветной. О последней надо сказать особо. Дело в том, что с расширением фонда знаний о мифологиях народов мира сделалась очевидной наивность взгляда на Ветхий завет как на исключительное явление в истории культуры: в этой книге не оказалось ни одного мотива, к которому нельзя было бы подобрать типологическую параллель из мифологий других народов. Кроме того, сделался очевидным и относительно поздний, сознательно отредактированный характер этой книги, в связи с чем в науке утвердился взгляд на неё как на “вторичную” мифологию. Однако вторичность этого источника несколько не снижает его познавательной ценности, поскольку лишь из сравнения “первичных” и “вторичных” мифологий можно составить представление

об истории любых понятий, в том числе и таких, как “добро” и “зло”.

Внутри самой мифологической системы представлений древнейшие формы понятий “добра” и “зла” мы находим в т.н. “близнечной” мифологии. Близнечная мифология – это один из таксонов, выделяемых специалистами в общемифологическом наследии и являющийся частным случаем более широкого таксона – “дуалистической” мифологии (в которой устройство мира описывается обычно посредством системы пар смысловых противопоставлений). Суть близнечной мифологии сводится к представлению, согласно которому творение и обустройство мира осуществляется двумя братьями-близнецами, демиургами и культурными героями, наделёнными в подавляющем большинстве случаев противоположными функциями и качествами. Асимметрия и неравенство заложены в мифологические конструкции уже на этом, “первичном” уровне, причём в самых разнообразных аспектах: в оценочном аспекте (один из братьев создаёт на земле всё полезное для человека, а другой всё вредное), в социально-иерархическом (один брат наделён высшим статусом, а другой низшим), в сюжетном (один брат умирает, а другой пытается вызволить его из царства смерти; или же один брат убивает другого) и т.д.

Как и всякий другой мифологический таксон, близнечная мифология в ходе своей исторической трансформации разворачивается в целый букет производных от неё образов и представлений. Так, в преемственном родстве с близнечной парой находятся, с одной стороны, метафизические пары типа “бог-дьявол”, а с другой – историзированные пары предков и патриархов. Последнее особенно характерно для вторичных мифологий, где посредством близнечного таксона описываются обычно конкретно-исторические

ситуации с постепенным уменьшением в них доли мифа и возрастанием доли историзма. Например, в Ветхом Завете, где пережитки близнечной мифологии представлены достаточно полно, сакрально-мифологическую окрашенность сохраняет лишь начало близнечного ряда (Авель и Каин), а его конец уже существенно “обытовлён” (Ефрем и Манассия, Фарес и Зара). В ряде случаев прежняя дуально-близнечная подоснова библейских сюжетов и мотивов явственно просвечивает сквозь наслоения позднейших редакций. Например: хотя текстуально Лот не брат, а племянник Авраама, но описание их расхождения в разные стороны представляет собой типичное “дуалистическое клише” – оппозицию “правое-левое” («Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево» – Быт. 13:9). И такое же клише видно в противопоставлении Иудеи и Израиля: Иудея – это “дом” и “сыны” Иуды, а Израиль – это “дом” и “сыны Иосифа”.

Насыщенность Ветхого Завета пережитками близнечной мифологии лишней раз доказывает справедливость современного научного взгляда на этот источник как на рядовую мифоисторическую традицию довольно позднего происхождения. Но почему тогда сама эта рядовая традиция столь эмоционально и настойчиво противопоставляет себя всем другим аналогичным традициям на протяжении вот уже двух последних тысячелетий? Ответ на этот вопрос находим в особенностях её смысловой структуры, в некотором роде действительно уникальной. Дело в том, что, в отличие от всех других традиций, где оба члена близнечной пары всегда принадлежат к классу “своих”, Ветхий Завет последовательно признаёт “своими” лишь тех членов каждой пары, которые являются “наследниками Завета”; противоположные же члены пары всегда оказываются здесь представителями класса “чужих”. Так, “наследнику

Завета” Аврааму противостоит его брат Аран, породивший – через своего сына Лота – моавитян и аммонитян; “наследнику Завета” Исааку противостоит его брат Измаил, предок северных арабов; “наследнику Завета” Иакову противостоит его брат Исав, прародитель идумеев; “наследникам Завета” иудеям противостоят отпавшие от них израильтяне, потомки которых, самаряне, уже никогда не признавались иудеями за “своих”. Даже внутри собственно-иудейской линии прослеживается всё тот же, хотя и сильно ослабленный, принцип: если от сына Иуды Фареса произошёл такой хорошо известный “наследник Завета”, как царь Давид, то от брата Фареса – Зары – произошли потомки, «о которых, как сообщает Еврейская энциклопедия, Библия сохранила лишь смутные сведения».

Очевидно, что все эти примеры указывают на “уполовиненность” ветхозаветной близнечной традиции как на основную её специфическую особенность. Но в данном случае главная интересующая нас форма существования близнечной традиции – это пара, персонифицирующая “добро” и “зло”. А что означает её “уполовиненность”? Разве не означает она потенциальную невозможность ориентации в сфере этики? Ведь не делать различия между добром и злом, или – что то же самое – настаивать на их относительности можно лишь, не обладая исходной полнотой оценочных координат. Но именно такое неразличение добра и зла и приписывается евреям во Второзаконии (I, 39)!

Берём на заметку это теоретическое соображение и ставим ещё один – на этот раз уже решающий – вопрос: если в близнечной мифологии один член пары соотносится с положительным началом, а другой с отрицательным, и если ветхозаветная близнечная мифология характеризуется принципиальной “уполовиненностью”, то с каким конкретным началом – положительным или

отрицательным – соотносится ветхозаветный “наследник Завета”?

Ответить на этот вопрос можно с помощью структурного анализа мифологемы, кодирующей, с одной стороны, “наследника Завета”, а с другой – положительную или отрицательную функцию в общезнаменном контексте. А в качестве такой кодирующей мифологемы может быть использован мифологический мотив, условно названный здесь мотивом “неправильно полученного первенства”. Этот мотив, очень устойчивый в Ветхом Завете, всегда кодирует в нём именно “наследника Завета”. Так, не по праву, а по прихоти Сарры получает первенство Исаак; не по праву, а с помощью материнской и собственной хитрости получает первенство Иаков; не по праву, а с помощью силовых методов получает первенство Иуда; не по ожидавшейся очередности, а в силу её нарушения получает первенство Фарес и т.д.

Но точно такое же построение данного мотива характерно и для других мифологий, в том числе и гораздо более архаичных, чем Ветхий Завет. Например, в древнеиранской мифологии рассказывается, как от бога времени и судьбы Зервана зародились Ахурамазда, дух добра, и Ангромайню, дух зла. Ахурамазда предугадывает мысли Зервана о том, что власть над миром получит родившийся первым (притом, что первым должен родиться именно он), и простодушно разглашает их Ангромайню, а тот разрывает чрево Зервана и является перед ним, говоря: «Я сын твой, Ахурамазда» (далее Зерван оговаривает срок власти Ангромайню над миром). В полинезийской мифологии Тангароа – умнейший из братьев – должен родиться первым, чтобы стать хозяином Вселенной; но его брат Ронго опережает его, получая таким образом ряд преимуществ во власти над землёй и людьми. В мифе индейцев племени кахуилла (Сев. Америка) близнецы Темайауит, соотносимый со

светлым началом, и Мукат, соотносимый с тёмным началом, спорят о старшинстве; затем Мукат хитростью выигрывает спор. В мифологии догонов (Зап. Африка) мировое яйцо делится на две части: из одной части рождается раньше положенного срока Йуругу – существо без пары (мотив “уполовиненности”!), захотевшее стать Господином Вселенной и занявшееся внесением в окружающий мир беспорядка. Но управление миром поручено родившимся из второй половины яйца близнецам Номмо, в функцию которых входит обязанность контролировать и ограничивать вызывающую беспорядок деятельность Йуругу (здесь налицо структурная усложнённость мотива, лишняя раз доказывающая его кодовую природу). Даже в относительно поздней, переходящей в олитературенный эпос древнегреческой мифологии прослеживаются следы всё той же архаической концепции: там, как известно, Зевс обещает, что тот из рода Персеидов, кто родится в назначенную ночь раньше всех, станет их царём. Раньше всех должен родиться Геракл – воплощение всех самых положительных начал у древних греков; но Гера ускоряет рождение Эврисфея, и Геракл оказывается вынужден впоследствии служить – до некоего срока – этому трусливому и жестокому царю.

Примеры такого рода далеко не единичны, и они ясно показывают, что ветхозаветное еврейство однозначно соотносило себя с той половиной близнечной традиции, которая во всех других мифологиях являлась воплощением и олицетворением отрицательного начала. Но это значит, что восприятие ветхозаветным еврейством добра и зла было диаметрально противоположным тому их восприятию, которое зафиксировано в мифологических традициях всех других народов. Назовём для краткости этот эмпирический факт “Инверт-Законом”, или “Законом Наоборот” (от лат. “inverto” – “переворачивать”) и зададимся последним – теперь уже чисто риторическим –

вопросом: разве не должна автоматически проистекать столь популярная ныне идея относительности добра и зла из той роли, которую вот уже две тысячи лет играет в истории христианской цивилизации “Книга Инверт-Закона”, принимаемая повсеместно за “Книгу Закона”?

Следует, впрочем, оговориться, что в Ветхом Завете есть близнецная пара, выпадающая из сферы действия “Инверт-Закона”. Эта пара – Авель и Каин. Второй член этой пары, воплощающий отрицательное начало, вовсе не является, по тексту Книги Бытия, ни “наследником Завета”, ни генеалогическим предком евреев: идущая от него родовая линия оканчивается тупиком, а возобновление потомства Адама и Евы начинается с младшего брата Каина – Сифа. Но вот что здесь интересно: проклятие, на которое обрекается Каин («Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» – Быт., гл. IV, 12), целиком совпадает по смыслу и с Заветом, который заключается с еврейскими потомками Сифа в лице Авраама («Потомки твои будут пришельцами в земле не своей», – Быт., гл. XV, 13), и с позднейшими проклятиями “избранному” народу («Я развеял их по всем народам, которых они не знали...», – Зах., гл. VI, 14). Отзвук мотива “неправильно полученного первенства”, соотносимый с близнецным мифом об Авеле и Каине, сохранился в комментаторской литературе (Авель и Каин делят сферы влияния в мире; возникает борьба, в которой вначале побеждает Авель; Каин молит о пощаде и получает её, а затем убивает Авеля). А сравнение генеалогических линий, идущих от Каина и от Сифа, давно уже наводит на мысль о неслучайности их поразительного сходства (Быт., гл. VII, 17-26; гл. V, 6-32). Если же привлечь сюда ещё и некоторые, относящиеся к идущей от Каина генеалогической линии, данные ветхозаветной апокрифики (в частности, данные масонской легенды о Тувалкаине), то выпадение Каина из общей цепи “наследников Завета” можно будет с ещё большим основанием объяснять

позднейшей и вполне сознательной жреческой редакцией Книги Бытия. А “Инверт-Закон” окажется, таким образом, правилом без исключений.

Похоже, что мы вплотную подходим к пониманию истинной природы той нетерпимости в отношении язычества, которая столь характерна для Ветхого Завета и концептуально зависимых от него идеологий: ведь по факту так называемое “язычество” (а правильнее сказать, метаязыковая структура мифологической системы представлений) оказывается не чем иным как ключом к обнаружению и осознанию тайны “Инверт-Закона”.

5. СПЕЦИФИКА МЕНТАЛЬНОСТИ

1. В настоящее время в науке о мифах утверждается тенденция рассматривать Ветхий Завет как явление, подлежащее объяснению в контексте общемифологических исследований. Внутри же самого этого контекста Ветхий Завет считается типичным образцом т.н. “вторичной” мифологии, т.е. такой мифологии, которая является продуктом исторической трансформации более архаичных – “первичных” – мифологических представлений о мире. А поскольку именно “первичная” мифология считается сегодня фундаментом и почвой всех позднейших форм человеческой культуры (религии, фольклора, философии, науки, искусства, литературы и т.д.), то и особенности ментальной специфики любой культурной традиции уместно возводить к тем конкретным образцам “вторичной” мифологии, воспитательная функция которых в истории данной традиции заявлена ярче всего.

В этом смысле наиболее важным и наиболее доступным сегодня источником сведений о специфике еврейской ментальности является, несомненно, Ветхий

завет. Всю остальную древнееврейскую литературу можно, с известной долей упрощения, охарактеризовать как сумму дополнений и комментариев к нему.

На определённой стадии развития “вторичная” мифология фиксируется обычно в т.н. Священных Книгах (Веды, Авеста, И-Цзин и др.). Вот почему в книгах Ветхого Завета мы находим абсолютно все классы текстов, определяющие жанровый состав языка этого этапа истории развития культуры: космогонические и антропогонические тексты, жреческие кодексы и служебные требники, исторические предания и генеалогические схемы родства, свадебную лирику и житейскую дидактику, законодательные памятники и пророческие речения. Словом, если рассматривать Ветхий Завет с точки зрения его универсального, общечеловеческого содержания, то мы не найдём в нём ни одной темы и ни одного мотива, к которым нельзя было бы подобрать соответствующую смысловую параллель в других культурно-исторических традициях (это очень убедительно показал ещё Д.Фрэзер в своей книге «Фольклор в Ветхом Завете»).

Но, ставя задачей выяснение специфики еврейской ментальности, правильнее будет рассматривать Ветхий Завет не с точки зрения его сходства с другими аналогичными источниками, а с точки зрения его отличия от них. А это значит, что нужно задать себе вопрос: нет ли в других источниках чего-то такого, что принципиально отсутствует в Ветхом Завете и отсутствием чего можно было бы объяснить особенности еврейской коллективной ментальности?

2. Поставив вопрос именно таким образом, уже нетрудно будет показать, что искомое “нечто”, имеющееся в других источниках и отсутствующее в Ветхом Завете, действительно существует: оно обнаруживается путём

анализа разницы между такими фундаментальными классами ранних повествовательных форм, каковыми являются “собственно-мифы” и “мифоисторические предания”.

Что такое “собственно-мифы”? Это представление об особом, принципиально отличном от современного, способе функциональной и пространственно-временной организации мира. Это специфическое понимание человека и среды в их взаимодействии: человек в системе мифологических представлений – не ничтожная подробность в пугающе огромной и безжизненной пустоте Вселенной (как в научной картине мира) и не инструмент претворения в жизнь неисповедимых замыслов Бога (как в религиозной), а нечто такое, что буквально “держит мир на себе”. Это понимание космоса как до конца реализованного человека и человека – как проявленного космоса. Это борьба космического упорядочивающего начала с хаотическим деструктивным началом, борьба, кладущая начало “миру людей”, опекаемому “миром его творцов” – первопредков, демиургов и культурных героев. Это универсальная концепция космического смыслового Центра во множестве его образных ипостасей – т.н. “мирового древа”, наделённого функцией “точки соприкосновения” и “канала связи” между “этим миром” (миром людей) и “иным” (миром предков). Но сама возможность контакта с миром предков подразумевает отношение к смерти как к особому плану жизни – инобытию. Поэтому “собственно-мифы” – это и мифология “смерти как жизни после жизни”, т.е. отрицание смерти как небытия. Именно такая мифология находится в фокусе духовной жизни всей раннеисторической эпохи, и она же определяет специфику общественного сознания в абсолютно всех его частных проявлениях позднейшего времени, будь-то эпос или волшебная сказка, успокойный

культ и погребальная обрядность, ритуалы посвящения и шаманские путешествия по “иным” мирам.

Время в “собственно-мифах” – это особое, т.н. “мифическое время”, когда жили необычные существа и происходили необычные события. А венцом описываемых в “собственно-мифах” событий становится последовательное нисхождение от космологического и божественного к “историческому” и человеческому. Поэтому конец эпохи “собственно-мифов” – это завершение “мифического времени”, это прекращение всякой необычности и фантастичности, “иномирности” и “потусторонности”. Это исчезновение (разрушение, гибель, прекращение функционирования) “мирового древа” – разрыв пуповины, связывавшей “родительский” и “сотворённый” миры. С завершением “мифического времени” начинается “историческое время”, т.е. такое, в котором действуют уже не фантастические существа, а обычные люди – носители данной мифоисторической традиции.

Характерно, что в самом мышлении таких носителей тексты, описывающие мифическое и историческое время, жанрово обособляются, чем и оправдывается различие “собственно-мифов” и “мифоисторических преданий”.

3. Совокупностью “собственно-мифов” и “мифоисторических преданий” образуются практически все известные на сегодняшний день и сохраняющие в той или иной степени свою относительную полноту культурно-исторические традиции народов мира на самых ранних (из доступных изучению) стадиях их развития. А теперь представим себе некую гипотетическую культурно-историческую традицию, из которой начисто изъята её “собственно-мифическая” составляющая и которая поэтому представляет собой одно лишь “мифоисторическое предание”. Представив себе это, мы и

получим исчерпывающее понимание того, чем на самом деле является литературный памятник, называемый «Ветхим Заветом».

Дело в том, что абсолютно все особенности модели мира, изображаемой Ветхим Заветом, целиком объяснимы в свете искусственной оторванности этой модели от собственной “мифокосмической” предыстории. То есть, ветхозаветная модель мира максимально – насколько это возможно для вторичной мифологии – **демифологизирована**. В ней, конечно же, встречается немало рудиментов, указывающих на то, что образный и сюжетный материал Торы принадлежал некогда “собственно-мифам” (“древо жизни”, “древо познания”, “лестница Иакова”, “Шеол”, пережитки дуалистической мифологии и др.). Но в собственно ветхозаветной редакции все такие рудименты подчинены уже иной концепции, исключаяющей какую-либо функционально-значимую “иномирность” и “потусторонность”, они предельно “заземлены” и рационализированы посредством их “встроенности” в чисто исторический контекст. Даже сама космогония представлена в Ветхом Завете не как отпочкование “дочернего” мира от “материнского”, а как творение мира “из ничего”. **А тем самым изначально задаётся образ ветхозаветной модели мира как принципиально неполной в его сравнении с не-еврейскими мифологическими моделями мира.**

Нетрудно догадаться, что тип ментальности, взращённый на принципиально неполной предпосылочной основе, должен кардинально отличаться от всех других ментальных типов. Но как раз эту ситуацию мы и наблюдаем в случае с еврейской культурно-исторической традицией. Например, как показывают современные исследования, именно материал “собственно-мифов” приобретает на последующих стадиях своего развития форму волшебного фольклора; но как раз этого жанра

никогда не знала собственно еврейская культурно-историческая традиция. Именно материал “собственно-мифов” становится в дальнейшем арсеналом и почвой для развития изобразительного искусства; но как раз на это искусство в еврейской исторической традиции оказывается наложен строжайший запрет. Именно материал “собственно-мифов” начинает сегодня осознаваться историками культуры как тот самый “фонд смысловыражения”, рефлексивным переживанием и переосмыслением которого обеспечивается процесс поступательного движения человеческого духа; но как раз еврейская история, со всеми её архаизмами мышления и поведения, с её застывшим архетипом, демонстрирует нам совершенно иной способ существования во времени – способ существования как бы *вне исторического движения*. Наконец, именно материал “собственно-мифов” продуцирует из себя то, что позднее осмысляется как сфера “идеалов” (правды, совести, справедливости); но как раз “идеалы” принципиально отторгаются еврейской традицией, непримиримой к “сновидцам” и “мечтателям”.

4. Пользуясь модным сегодня языком восточной эзотерики, евреев можно назвать “владыками сансары”, “повелителями кармического (т.е. чисто мирского, земного, отягощённого грехами) бытия”. Коран тоже говорит о евреях как о «тех, кому дарована лишь часть писания», – имея в виду то обстоятельство, что из неразрывного (для не-еврейского сознания) единства “ближней” (“дольней”) и “вечной” (“горней”) жизни евреи избрали для себя лишь “ближнюю” (“дольнюю”). Действительно, не знакомый с “собственно-мифами” и их космогонией, Ветхий Завет не знает и дальнейшей эволюции всего того комплекса представлений, совокупностью которых представлена обычно столь типичная для не-еврейских моделей мира метафизика “инобытийности”. Отсюда – специфически

еврейское понимание смерти как небытия, т.е. как “зла”: «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло»; «Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие» (Втор. 30:15,19; ср. с христианским пониманием “зла” как «отсутствием полноты свойственных нам благ» – Дионисий Ареопагит. Сочинения. СПб. 2003, с. 379). И хотя многовековая жизнь евреев среди нееврейских народов и сделала Ветхий Завет проницаемым для представлений об “ином мире”, но все они получили в нём чисто еврейскую трактовку, наложившись на сформировавшийся под влиянием собственно еврейской традиции специфический еврейский менталитет. Так, ветхозаветный Шеол (преисподняя) – это всего лишь “царство червей”, т.е. место, где кончаются земные радости и истощается жизненная сила; он не связан – как в не-еврейских представлениях – причинно-следственной зависимостью от земного мира ни идеей посмертного существования, ни идеей загробного воздаяния, ни идеей бессмертия души. Иногда, правда, он изображается как место мучения грешников; но при этом считается, что даже в Шеоле можно хитростью ослабить мучения, а на субботу и другие праздники и вовсе избавиться от мук.

Казалось бы: наибольшая концентрация “идеализма” в еврейской ментальности должна была бы сосредоточиться как раз вокруг понятия “бога”. Однако в действительности бог ветхозаветной традиции не имеет настоящего мистического ореола, потому что Шеол для него – это не какая-то вспомогательная часть его “ведомства”, а нечто существующее вне его интересов: он карает людей за грехи не на “том”, а на “этом” свете, и если не их самих, то их потомство (до третьего и четвёртого рода). Абсолютная неорганичность отношений между еврейским богом и Шеолом ясно выражена у Исаяи: «Ибо не преисподняя славит тебя, не смерть восхваляет тебя, не нисшедший в

могилу уповаает на истину твою; живой, только живой прославит тебя, как я ныне...» (38: 18,19). А глубинная суть этой неорганичности объяснена в Книге Иова – в его обращённых к богу словах: «Вот, я умру; завтра поищешь меня, и меня нет» (7:21).

Вдумаемся в подлинный смысл этих слов. В традициях народов всего мира умереть – значит предстать перед некой Высшей Силой, перед судом Владык Правды и Справедливости (будь-то древнеегипетский Осирис, древнеиндийский Яма или христианский Бог), и лишь еврейский бог лишён такой возможности: умершего он «поищет и не найдёт». Что и выдаёт его истинную природу не бога, но «самого большого и самого сильного в *этом мире* начальника», который – если его не слушаться – может больно наказать, а если слушаться – может материально наградить. То есть, функции, которыми наделён ветхозаветный бог, оказываются по плечу обычной земной власти, – если она достаточно сильна экономически и достаточно продолжительна во времени. – Но тогда и не удивительно, что в позднейших еврейских представлениях божий образ снижается зачастую до полного обесмысливания самого понятия «бога» (так, согласно Талмуду, раввины в ряде случаев оказываются полномочнее бога, а согласно Каббале вычисление «настоящего» имени бога позволяет подчинить его себе).

Но мировосприятие, изначально свободное от идеи «инобытийности» и тесно связанной с ней идеей «воздаяния», оказывается свободным и от обычного для религий не-еврейских народов представления о том, что *за всё совершаемое в этой жизни приходится рано или поздно отвечать*. Отсюда – принципиальное различие еврейской и не-еврейских этических систем. И отсюда же – особая динамика, социальная активность еврейского поведения в его сравнении с поведением не-евреев. Причём сами евреи склонны объяснять эту свою

активность и динамичность – в типичном духе междуеврейского фольклора – “исключительной одарённостью еврейского народа”. На самом же деле евреи просто избавлены собственной традицией от *этических тормозов* – от идей “правды”, “совести” и “справедливости”, составляющих основу этических представлений в не-еврейской “метафизике”.

5. Одно из важнейших следствий отрыва “мифоисторического предания” от объясняющего контекста “собственно-мифов” – это размыкание временной циклической цепи, в режиме которой существует не-еврейская “мифология космоса”. Модель мира при таком размыкании приобретает вид линейно-развивающегося процесса, главным характеризующим параметром которого становится представление о его “начале” и “конце”. И в этом смысле невозможно не заметить поразительного сходства ветхозаветной модели мира с той его моделью, которая задаётся научным, т.е. историко-материалистическим мировоззрением.

Первым на генетическую связь этих двух типов мировоззрения обратил внимание В.И.Вернадский: «Представления о начале и конце нашей планеты в геологические представления вошли не из наблюдения фактов, а из готовых, чуждых науке представлений религиозных и философских, что мы можем научно точно доказать исходя из истории научной мысли. Эти представления считают логически неизбежным, что Мир, Жизнь, Вселенная, наша Земля имели начало и будут иметь конец. Это тесно связано с еврейско-христианско-мусульманскими представлениями о мире и божестве и генетически и исторически с ними связанной... европейской (средиземноморской) философией. Это... создаёт своеобразный настрой мыслей европейской (и

американской) философии. В европейско-американскую науку это было внесено... И.Кантом... в введённом им понятии естественного тела или естественного процесса. И мы сейчас видим, что учёные, связанные с другим настроением мысли, связанные с Индией и отчасти Дальним Востоком, не видят никакой логической обязательности считать неизбежным при изучении научных явлений существование начала Мира, начала Вселенной, начала Жизни и т.п., так же как и их конца» (В.И.Вернадский. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М. 1987, с. 313-314).

Наблюдение В.И.Вернадского может послужить “методологическим камертоном” для многих других более частных наблюдений такого же рода. Например, сюда очень органично вписывается доктрина “создания мира из ничего”, которая в своём онаученном виде приобретает впоследствии облик редуccionистской схемы развития “от простого к сложному”, “от низшего к высшему”, с параллельным формированием представления об историческом “прогессе”. Сюда вписывается и специфически еврейское понимание бога как бестелесной, бескачественной и неопределимой субстанции, понимание, положенное затем в основу представлений о неких безличных силах и законах самой природы. Сюда вписывается и характерное для иудаизма понимание “смерти как небытия”, с его “бесплатным приложением” – научным атеизмом. И сюда же вписывается традиционная еврейская ненависть к “язычеству” (а точнее – к “собственно-мифам”), которая в научно-историческом материализме получает форму трактовки мифов как “заблуждений” и “предрассудков”. Словом, сюда вписывается всё то, что с полным основанием позволяет нам говорить о “научно-историческом материализме задолго до самого научно-исторического материализма”.

Глубинная, принципиальная материалистичность еврейской ментальности объясняет нам, почему в этой ментальности не существует *идеалов* (разве лишь в карикатурной форме *понятий*), но при этом так высоко ставятся *интересы*. И она же объясняет нам природу агрессивного динамизма еврейской ментальности: ведь на протяжении всей доступной изучению человеческой истории этот интеллектуальный динамизм проявлялся главным образом в борьбе с мифологическими по происхождению “иллюзиями” и “предрассудками” других мировоззрений, т.е. в борьбе со всем тем, что в собственно еврейской ментальности отсутствует. Такую борьбу мы наблюдаем в эпоху средневековья, сотрясаемого ересями иудаистского происхождения, и её же мы наблюдаем в эпоху Ренессанса и Просвещения.

Конечным результатом этой борьбы становится формирование глубоко материалистического образа мышления и поведения, в котором для идеалов (как смыслообразующих элементов её структуры) попросту нет места. В начальном, более или менее пристойном виде этот образ мышления и поведения определяется как становление “личностного начала” (на самом деле – эгоистического индивидуализма) и “атеистического свободомыслия”, а в законченном и предельно циничном виде – манифестируется в формулах типа “Живём один раз”, “Бери от жизни всё”, “Кто не успел, тот опоздал”.

Интересно, что и на уровне самого научно-материалистического мировоззрения оно поддается осмыслению как принципиально *неполное*. Дело в том, что научные представления о “мире как целом” родились в процессе острой полемики с религиозным мировоззрением, в стремлении освободить научную мысль от церковной опеки. Поэтому в науке с самых первых шагов её исторического существования главной мишенью критики стал “креационизм” – идея сотворения мира Богом.

Отбросив эту “метафизическую” идею, как и само понятие “Бога”, наука тем самым ограничила сферу своей компетенции чувственно воспринимаемыми предметами и явлениями, доступными наблюдению, описанию и измерению. И получила в результате “куски эмпирического знания”: физику, химию, биологию и др. Целостный же взгляд на мир хотя и остался “без Бога”, но не стал от этого более научным, потому что вместе с понятием “Бога” из сферы научного кругозора исчезли такие важнейшие стороны научного миропонимания, как идеи “порядка”, “организации”, “инвариантности”, “целесообразности”, “целенаправленности”, “иерархичности” и т.д. Все эти идеи стали считаться “идеалистической поповщиной”, а впоследствии хотя и были частично реабилитированы, но стали трактоваться узко-специально, применительно к решению тех или иных конкретных научных задач.

Хронологически начало *эпохи научного материализма* совпадает с началом эпохи т.н. еврейской эмансипации – эпохи выхода евреев из обособленного, изолированного способа существования. И это легко понять: эмансипация потому и оказалась возможной, что **лишь на родственном для себя мировоззренческом фоне, “привитом” не-еврейским культурам Европы, евреи смогли, наконец, выглядеть “такими же, как все” (что раньше, в силу религиозных причин, было невозможно)**. Более того: блестяще подготовленные всей своей предыдущей историей к деятельности в новой для не-еврейских народов духовной атмосфере, они естественным образом выдвигаются на главные роли в обществе. Отныне **научно-материалистическая парадигма мышления (светская форма иудаизма)** становится для них “привилегированным полем возможностей”, на котором во всемирном масштабе развёртывается процесс дальнейшей “евреизации” человеческой культуры.

Речь идёт о следующем: заявив претензию на **“тотальную объяснительность”**, материалистическая парадигма мышления впервые в истории человеческой мысли наукоподобно обосновывает право человека и общества на безнравственность. Конкретно это выразил т.н. **“основной вопрос философии”** (об отношении сознания к бытию), который раз и навсегда отказал *сфере духа (включающей в себя идеалы совести, справедливости и нравственности)* в праве считаться смыслообразующим стержнем жизни; он определил её как исторически преходящую, обусловленную экономическими, классовыми и другими формами общественных отношений систему ценностей, т.е. – как ***необязательное, вторичное, относительное явление***. А от здоровой научной критики материалистическая парадигма надёжно отгородилась основанными на ней же принципами и методиками обучения, программами и технологиями управления сознанием, зомбирующими формулами и языковыми штампами, поведенческими образцами и шаблонами.

И это не может не тревожить, потому что такое положение вещей слишком уж идеально укладывается в некоторые полусформулированные положения современной теории управления-манипулирования, согласно которым **абсолютная власть над обществом могла бы быть обеспечена выстраиванием в сознании управляемых некой упрощённой модели “иллюзорной реальности”**, позволяющей заранее просчитывать любые поведенческие реакции управляемых.

Может быть, именно поэтому **“сглаживающим”** моментом здесь выступает такая, весьма симпатичная с не-еврейской точки зрения, особенность коллективного характера евреев, как их ярко выраженная способность ***радоваться жизни***. Действительно, именно евреи

преобладают в “развлекательных” сферах быта, выступая здесь в качестве *застрельщиков*: от массовиков-затейников, заводил самодеятельности, травильщиков анекдотов и прочих “прикольщиков” до звёзд эстрадного юмора и руководителей шоу-бизнеса. Но они же, как показывает практика, совершенно не ощущают грани, за которой здоровый юмор перерождается в вульгарное хохмачество и пошлость, оскорбляющие не-еврейские чувства. А если начать указывать им на эту грань, то они сначала ответят весело: «Да брось, не заморачивайся»; потом недовольно: «Не будь занудой»; и, наконец, откровенно-угрожающее: «А ты, кажется, антисемит!»

6. Неполнота образных представлений о мире лежит и в основе образа мышления, предполагающего необходимость выбора по принципу “или-или”.

Культурно-исторические традиции, основанные на максимально возможной полноте своих предпосылок, не нуждаются в выборе по принципу “или-или”. Поэтому, вступая друг с другом в диалог, они плодотворно взаимодействуют, взаимно обогащаясь и одновременно подтягивая стадиально-отставшие культуры до уровня вырвавшихся вперёд. Но совершенно иначе обстоит дело с разного рода “крайностями полузнания”, могущими существовать только в режиме яростного взаимоотталкивания. А древнейшей и наиболее крупной такой “крайностью” как раз и является еврейская культурно-историческая традиция, не знающая “собственно-мифов”: именно она, вступая в диалог с более полными культурно-историческими традициями, вносит в него страстную непримиримость отстаивания “своей правды” и отрицания “чужой”. Во всяком случае, история неопровержимо свидетельствует, что на мировоззренческой почве нетерпимость и фанатизм становятся неотъемлемой частью духовной жизни лишь в

тех её областях, которые так или иначе “оплодотворены” иудаизмом. А это в первую очередь религиозная ментальность западного христианства и ислама, и во вторую – безрелигиозный стиль мышления современной европейской цивилизации.

Что касается последнего, то в нём выбор по принципу “или-или” поднимается на уровень универсальной технологии манипулирования массовым сознанием. Принцип действия технологии таков. Представим себе “собаку Павлова” (объект отработки условных рефлексов на сигналы), в мозг которой вживлены два электрода: один – в “центр удовольствия”, отвечающий за восприятие сигнала как “добра”, а другой – в “центр агрессии”, отвечающий за восприятие сигнала как “зла”. От электродов проводки тянутся на испытательный стенд, где с помощью клемм подсоединены к кнопкам управления. Проводок, идущий от “центра удовольствия”, подсоединён, скажем, к кнопке с биркой “коммунизм”, а проводок, идущий от “центра агрессии” – к кнопке с биркой “капитализм”. Нажимается первая кнопка – и собака распускает слюни от удовольствия; нажимается вторая кнопка – и собака заходится в бешеном лае. Это – моделирование ситуации, наблюдавшейся в России в начале XX века. Затем клеммы от проводков перебрасываются с одной кнопки на другую – меняются местами, в результате чего операция раздражения “центра удовольствия” проводится уже под кодовым названием “капитализм”, а операция раздражения “центра агрессии” – под кодовым названием “коммунизм”. Это – моделирование ситуации, наблюдаемой сегодня.

“Бирки на кнопках” – это довлеющие над массовым сознанием понятийные штампы. “Центр удовольствия” и “центр агрессии” – это сфера эмоций массового сознания. Проводки, соединяющие электроды с кнопками – это штат профессиональных манипуляторов массовым сознанием, специалистов по эмоциональной окраске понятийных

штампов: журналистов, политологов, артистов и др. “Оператор”, нажимающий кнопки и перебрасывающий проводки с одной кнопки на другую, – это власть, содержащая штат манипуляторов и направляющая его. **А суть власти “оператора” над “собакой Павлова” – это свойство сознания принимать своё эмоциональное отношение к словам за их понимание.**

Бирки на кнопках могут быть самыми разными: “демократия” и “тоталитаризм”, “фашизм” и “либерализм”, “державничество” и “анархизм”, “соборность” и “индивидуализм”, “вера” и “знание”, “идеалы” и “интересы” и т. п. Единственное предъявляемое к ним требование – то, что они должны образовывать собой пары противоположных по *предполагаемому* смыслу понятий. Только лишь при выполнении данного требования “оператор” сумеет разыграть на испытательном стенде спектакль для посвящённых под кодовым названием “борьба нанайских мальчиков”. А от “собак Павлова” требуется лишь “вера в бирки” – вера в соответствие отвлечённых понятий реальностям жизни, вера в *понятия* как в *вещи* или, проще говоря, *тупая вера в слова с размытым смыслом.*

Остаётся лишь добавить, что “слова с размытым смыслом” – это производное символической функции языка, той его функции, которая восходит к смысловой структуре “собственно-мифов” и которая в мировоззрении исторического материализма оказалась незадействованной (невостребованной), почему и превратилась в инструмент манипуляций со сферой *бессознательного.*

А о результатах манипуляций можно судить по русской истории, все трагические моменты которой напрямую обусловлены выбором по принципу “или плохое своё – или хорошее чужое”.

Исторические данные свидетельствуют, что данному выбору всегда предшествует идеологическая подготовка – компрометация “своего” как “плохого”. Иначе говоря, прочность насаждаемого “хорошего чужого” всегда тем гарантированной, чем большее отвращение будет внушено людям к их собственному недавнему прошлому. Как внушается такое отвращение сегодня, мы хорошо знаем: ежедневно СМИ обрушивают на нас потоки информации, цель которых – заставить нас возненавидеть собственное прошлое. А тысячу лет назад? Как ни скудны дошедшие до нас источники, тем не менее даже они ясно показывают, сколь мощно заявила о себе в то время тенденция очернения всей народной (“языческой”) жизни. Открытым манифестом этой тенденции могут служить строки из «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона: «Прежде **мы были как звери и скоты**, не отличали правой руки от левой».

«Прежде мы были как звери и скоты...» – вот первый в нашей истории письменно зафиксированный “урок ненависти” к собственному прошлому; вот первый пример русского самооплёвывания, задавший на много столетий вперёд образец мышления и поведения всех последующих русских “реформаторов”. Стоит ли после этого удивляться поразительной исторической живучести данного образца?

«Мы были как звери и скоты в своём незнании Истинной Веры» – и вот рубится под корень вся предшествовавшая, давшая нам лицо и язык многотысячелетняя культурно-историческая традиция; искореняются мифология и языческая эзотерика, искажается до неузнаваемости смысловое поле разговорного языка, истребляются в зародыше памятники светской письменности и литературы (от которых остаётся лишь «Слово о полку Игореве»); беспощадно преследуется вся “низовая” народная культура – вплоть до

регулярных массовых сожжений народных музыкальных инструментов и физических расправ со скоморохами.

«Мы были как звери и скоты в попытках отстоять свою религиозную независимость от константинопольской опеки» – и вот не слишком умные никоновские реформы раскалывают русский народ на “полноценных православных” (“никониан”) и “неполноценных” (“старообрядцев”). Далее “эстафета ненависти” перекидывается – в соответствии с логикой исторического развития – на внецерковную почву.

«Мы были как звери и скоты в своей политической и культурной изоляции от цивилизованного Запада» – и вот методами, унижающими народное достоинство, осуществляются петровские реформы.

«Мы были как звери и скоты без конституции» – и вот кучка прекраснодушных, но невежественных и самонадеянных прапорщиков-декабристов готова ввергнуть страну в пучину революционной анархии.

«Мы были как звери и скоты при проклятом царизме» – и вот уже тело страны возлагается на алтарь мировой революции, сжигается в огне гражданской войны.

«Мы были как звери и скоты при сталинском режиме» – и вот уже народной кровью оплаченный потенциал страны пускается по ветру хрущёвской либеральной болтовни и прожектёрства.

«Мы были как звери и скоты на всём протяжении советского семидесятилетия» – и вот уже под вопросом само существование страны и народа.

Казалось бы, дальше некуда. Но в самое последнее время начинает заявлять о себе и ещё более уничтожающая концепция русской истории, согласно которой в России вообще никогда не было ничего кроме крепостного права и железного занавеса (варианты: кроме дураков и дорог и т.п.). То есть «мы абсолютно всю свою историю были эверьми и скотами»!

Над этой концепцией можно смеяться, ей можно сочувствовать, ею можно возмущаться. Но полезней всего задуматься: не слишком ли дорого нам обходится стиль мышления, основанный на выборе по принципу “или-или”? И не надёжней ли стиль мышления, основанный на принципе “и-и”?

7. На языке нейропсихологии неполнота образных представлений о мире может быть описана как *частичная блокировка правополушарной функции головного мозга*. А следствием блокировки правополушарной функции должна явиться гипертрофия левополушарной функции. Похоже, что именно такая ситуация и наблюдается в интересующем нас случае.

Речь идёт о некоторых частных выводах из клинических исследований, основанных на серии опытов по блокировке с помощью электрошока попеременно то правого, то левого полушарий с предъявлением каждому полушарию одних и тех же тестов. При блокировке левого полушария испытуемый отвечает на тест как “правополушарник”, а при блокировке правого – как “левополушарник”. С точки зрения нашей темы результаты оказались очень интересными.

Так, наиболее ярко различие между “правополушарниками” и “левополушарниками” выразилось в их отношении к речевой деятельности. Долго считалось, что “речевым” является только левое полушарие, а правое не имеет к речевой деятельности никакого отношения. Так казалось потому, что именно “левополушарники” проявляли особую склонность к повышенной речевой активности, к запоминанию огромных масс речевого материала, к построению классификационных схем, к развёртыванию из одного слова многословного высказывания и т.д.. В дальнейшем, однако, оказалось, что объяснение всех этих особенностей

связано с ориентацией “левополушарников” на *формальный* принцип анализа высказываний, на внутриязыковые связи между элементами этих высказываний, на поэлементный состав фраз, т.е. – на внутриязыковую реальность. В то время как “правополушарники”, равнодушные к усложнённости языковых высказываний, ориентированы главным образом на соотнесение речевой деятельности с личным опытом, с конкретным предметным содержанием, т.е. – с внеязыковой реальностью. Проще же говоря, “левополушарники” ориентированы в своей речевой деятельности на формальные критерии, а “правополушарники” – на сущностные. А можно сказать и так: “левополушарники” ориентированы на *произнесение слов*, а “правополушарники” – на *проверку соответствия их смысла реальной действительности*.

Очевидно, что особенность восприятия “левополушарниками” речевой деятельности явным образом соотносится со спецификой еврейского языкового мышления и поведения, которое как в древности, так и сегодня ориентировано не столько на эмпирический опыт, сколько на самодостаточность своего собственного внутреннего мира. В первую очередь сюда относится склонность евреев к “говорению от себя” (евангельское выражение Христа), их непревзойдённое умение создавать разного рода “информационные шумы” (знаменитый “гевалт”), выдаваемые за кипучую интеллектуально-творческую деятельность. Сюда же относится склонность евреев к выбору профессий, связанных не с поиском истины, а с возможностью выдать за истину своё мнение о ней: адвокатура, журналистика, гуманитарные науки без жёстких критериев научности, пропагандистская и комментаторская деятельность. И сюда же относится страстная полемичность евреев, их способность “выпаливать сто слов в минуту”, где каждое

слово – некритически заимствованный из речевого обихода *языковой штамп*, и тем самым психологически подавлять оппонента, пытающегося найти в каждом *штампе* смысл, которого на самом деле или может не быть, или же он диаметрально противоположен контексту сказанного.

К особенностям интеллектуальной деятельности “левополушарников” можно отнести и тот общеизвестный факт, что евреи в целом учатся в школе гораздо лучше, чем не-евреи. Сами евреи склонны объяснять этот факт своей особой одарённостью. Однако реальное объяснение сводится к тому, что современная система образования задействует у обучаемых главным образом левополушарный механизм восприятия знаний – способность к запоминанию и проговариванию текстов. А такая способность является как раз сильной стороной еврейской ментальности, – что вполне согласуется с преобладанием евреев в тех областях умственной деятельности, которые связаны, во-первых, с проявлениями чисто механической памяти (иностранные языки), а, во-вторых – со счётно-формализующей функцией (математика, шахматы, финансовые операции и др.).

Опыты с блокировкой полушарий показали, что у “левополушарников” и “правополушарников” разное ощущение окружающего пространства. “Левополушарнику” место, где он находится, часто кажется чужим, незнакомым, он не может его узнать; в то же время в своих рисунках он ощущает пространство как “концептуальное”, т.е. как арену, на которой можно планировать свою деятельность. “Правополушарник” же ориентирован лишь на тот локус пространства, который находится в поле его зрения, причём он ощущает его не абстрактно-концептуальным, а наглядно-чувственным. Не исключено, что “левополушарное” ощущение пространства

сопоставимо с вечным еврейским чувством неукоренённости в месте проживания, а также с его сугубо утилитарным отношением и к данному, и ко всем потенциальным местам своего проживания.

По-разному выглядят в опытах с блокировкой полушарий и психические особенности “левополушарников” и “правополушарников”: первые обнаруживают крайнюю самоуверенность, в отличие от вторых, которые во всём склонны сомневаться (“правополушарник” “видит”, “левополушарник” “знает”). Это можно поставить в связь с убеждённостью евреев, «что их религия и нравственные законы самые лучшие, что они знают самые лучшие способы воспитания, обладают лучшим общественным укладом и их идеал управления – самый лучший. Если им нужно что-либо предпринять для своего общего благополучия или провести данную программу для внешнего мира, то им даже не нужно для этого выходить за пределы того, что они уже признали за лучшее» (Г.Форд. Международное еврейство. М. 1993, с. 134).

Похоже, что именно с “левополушарным” (т.е. односторонним, эгоцентричным, замкнутым на свой собственный внутренний мир) характером еврейской ментальности связана и такая её особенность, как принципиальная неспособность евреев смотреть на себя как на “объекты” собственной мысли. Известно, что в не-еврейской среде не существует запретных для критического обдумывания и обсуждения тем; для евреев же такой запретной темой является сама тема “еврейства”. Наблюдения над евреями показывают, что даже не критическое, а просто объективное обсуждение в их присутствии темы “еврейства” воспринимается ими как нечто недопустимое, из ряда вон выходящее, повергающее их или в ступор, или в истерику с воплями об “антисемитизме”. Несомненно, что здесь имеет место

какой-то изначальный интеллектуальный изъян, связанный с глубинными повреждениями в предпосылочной сфере мышления.

Возможно, что именно этот интеллектуальный изъян, делающий отдельно взятого “среднестатистического” еврея неконкурентоспособным в сравнении со “среднестатистическим” же не-евреем, лежит в основе знаменитой “еврейской спайки”, заставляющей евреев коллективно заполнять собою все социально-значимые сферы жизни путём выживания из них не-евреев. Это тем более похоже на правду, что перед лицом настоящих испытаний “спайка” всегда оказывается фикцией (в специальных исследованиях показано, что в пресловутом 1937 году активно “закладывали” друг друга даже находящиеся в очень близких – вплоть до родственных – отношениях друг с другом евреи.. – В.В.Кожин. Россия. век XX-ый [1901-1939]. М. 1999, с. 365-371).

Возможно также, что этот же интеллектуальный изъян лежит и в основе той странной вражды евреев к чужой национальной и культурной самобытности, которая так ярко засвидетельствована и Ветхим Заветом, и всей новейшей еврейской историей. В связи с чем необходимо коснуться и вопроса о столь типичной для еврейской ментальности русофобии. После одноимённой книги И.Р.Шафаревича у многих могло возникнуть впечатление, что ненависть к русскому народу, его культуре и истории занимает в еврейском мышлении особое место. На самом же деле мы просто плохо знакомы с материалом для сравнения. Дело в том, что русских поносят, главным образом, “русские” евреи (не считая зарубежных “экспертов по России”, у которых это связано с профессиональной необходимостью раздувания застарелых межнациональных конфликтов, натравливания на русских их соседей и т.д.). В других же странах евреи занимаются тем же самым, но уже в отношении тех

народов, среди которых им приходится жить (например, у того же Шафаревича показано истинное отношение евреев к немцам, которым «внушалось, что они – опасное для соседей стадо ослов, способное по своей тупости растоптать нормальных людей»). Из этой же “серии” – циничное «в Африке есть обезьяны, а в Европе французы». И отсюда же – эпизод из романа И.А.Гончарова «Фрегат Паллада», где описывается, как на борт корабля был однажды принят в качестве пассажира представившийся англичанином коммерсант. За обедом в кают-компании этот коммерсант привёл офицеров фрегата в полное недоумение тем, что в разговоре об англичанах откровенно поносил их. «Как же так? Англичанин, а ругает в присутствии иностранцев своих же соотечественников!». Но недоумение очень скоро рассеял наиболее проникательный офицер: «Господа, да ведь это жид!» – «Ах, вот оно что! Как же мы сами не догадались? Ну, тогда всё понятно».

То, что все такие примеры не какие-то “случайные фактики”, доказывает редчайший пример еврейской самокритичности: «Мы лишь говорим “нет” другим народам, или, пожалуй, мы сами являем собой такое отрицание и ничего больше. Вот почему мы стали кошмаром наций» (М.Бубер. Национальные боги и Бог Израиля).

В завершение темы следует сказать о том, что, в силу преобладания евреев абсолютно во всех сферах современной экономической, политической и культурной жизни, сама эта жизнь приобретает отчётливый “левополушарный” характер, выражающийся в мировой тенденции *монополярного глобализма* с его “приводным ремнём” – ролью транснационального (еврейского) финансового капитала (о “разнополушарных” типах культур и цивилизаций см.: С.В.Горюнков. Мёртвая царица и спящий народ. СПб. 2006, с. 231-235).

8. Очень похоже на то, что неполнота предпосылочных основ еврейской культурно-исторической традиции является первопричиной самой главной, может быть, особенности еврейской ментальности, широко представленной данными и Ветхого Завета, и всей новейшей истории евреев – их взглядом на себя как на “избранных”, а на человеческое общество как на состоящее из “элиты” (еврейской, разумеется) и всего остального “быдла”.

Здесь нужны предварительные исторические пояснения. У всех народов мира приобщение к полноте предпосылочных основ своих культур (т.е. – к “собственно-мифам”) происходило в древности на пороге взросления, в процессе посвячительных обрядов инициации. Прохождением через такие обряды утверждался статус человека как “взрослого”, т.е. как знающего правила поведения в обществе и систему принятых в нём духовно-нравственных ценностей. В еврейской же культурно-исторической традиции не только нет никаких следов существования в прошлом обряда инициации, но, наоборот, есть косвенное указание на трактовку его как изначально лишнего, ненужного. Таким указанием является обряд обрезания, служивший у не-евреев знаком пройденности молодым человеком посвячительного обряда. Еврейский же обряд обрезания, совершаемый над только что родившимся младенцем мужского пола, по смыслу аналогичен демонстративному заявлению о том, что родившийся младенец-еврей уже изначально, *от природы* – “посвящённый”.

Но тогда и еврейскую претензию на “избранность” становится возможным понять как явление, аналогичное претензиям на “гениальность” плохо воспитанного ребёнка. Всем известно, как тяжелы в общении такие дети, неспособные и в зрелом возрасте избавиться от своих

инфантильных притязаний на исключительность («Еврей... привык требовать гуманного отношения исключительно только к самому себе» – Г.Форд, с. 73). А если эти притязания, представляющие собой не что иное, как скрытую форму расизма, заложены в основу целой культурно-исторической традиции? Если они возведены в статус “священного принципа”? И если им уже тысячи лет? Как тут не вспомнить протоирея Сергия Булгакова, определившего **расизм германских фашистов как “завистливую пародию на еврейский расизм”** (С.Булгаков. Гонения на Израиль (догматический очерк) // Русская идея и евреи: роковой спор. М. Наука. 1994).

Социальная инфантильность, или остановка в развитии, возведённая в “священный принцип” и легитимирующая тем самым еврейский коллективный эгоизм, – вот и вся разгадка “специфики еврейской ментальности”. Если, разумеется, не считать загадки, стоящей за самой “остановкой в развитии”. Но это уже совсем другая тема – тема, связанная с ещё более фундаментальной загадкой происхождения человеческой культуры, в которой, как выясняется, предусмотрены не только потенции развития, но и механизмы их блокировки.

6. “ДИФФУЗНОЕ ПОЛУЕВРЕЙСТВО”

Всё вышесказанное об архетипе коллективного поведения евреев, об особенностях их этики и о специфике их ментальности справедливо лишь в той мере, в какой учитывается ещё одно характеристическое свойство “феномена еврейства” – его принципиальная *диффузность*.

Имеется в виду то обстоятельство, о котором уже шла речь в главе «Архетип коллективного поведения». Напомним: процессом смешения евреев с

представителями коренного населения в “евреизацию” общества вовлекаются огромные человеческие массы, внутри которых и критерий принадлежности к коренному этносу, и критерий принадлежности к “межэтническому сообществу” оказываются в конечном счёте размытыми. Дело в том, что “продуктами смешения” здесь оказываются не только “собственно-евреи” – дети еврейских матерей, но и “полуевреи” – дети еврейских отцов. То есть еврейство обнаруживает свойства не монолитного, а диффузного образования, внутри которого степень выраженности еврейской ментальности оказывается представлена двумя крайними полюсами: от ярко-демонстративной в “центре” до осторожно-выжидательной на “периферии”. И этим обстоятельством серьёзно затрудняется решение проблемы чёткой идентификации евреев. Ведь ни для кого не секрет, что существует немалое количество людей, осознающих и проявляющих себя евреями, но не подпадающими под какое-либо *формальное* определение их “еврейства”. В неблагоприятных (с еврейской точки зрения) условиях такие люди ведут себя как представители коренного этноса, а в благоприятных – как евреи. Их-то существование и оказывается основным условием успешности *евреизации* общества, потому что именно они являются главным адресатом, восприимчиком, накопителем и транслятором разрушительной для коренного этноса еврейской ментальности. И они же создают собою ту непроницаемую ширму, в тени которой технически осуществляется “евреизация” общества – его разложение изнутри путём всестороннего культивирования и распространения идей государственнического, национального и религиозного нигилизма.

Недоучётom данного обстоятельства объясняется очень многое в том последнем этапе советской истории, который одни называют его “золотым веком”, а другие – “эпохой застоя”. Дело в том, что и для тех, и для других

этот этап до сих пор представляется социально-этническим “монолитом” – временем торжества некоего обезличенного “совка”. В то время как на самом деле это был период острейшей “подковёрной” борьбы между русским и еврейским “крыльями” в партийном руководстве страны (см. Приложение I). И конечный итог этой борьбы – “перестройка” со всеми её “антирусскими цветами” – изначально был запрограммирован фактором диффузности “феномена еврейства” (см. там же).

Почему запрограммирован? Да потому, что сама идея организационного противостояния евреев и русских имеет смысл только при опоре на надёжный критерий их различия. А такого критерия нет уже потому, что евреи – это не народ, а межэтническое сообщество с крайне размытыми границами и с особым типом ментальности, способным духовно “евреизировать” окружающих. Поэтому, прежде чем заострять внимание на “пятом пункте”, имеет смысл задуматься о проблеме реального, а не “ярлыкового” описания существа происходивших в позднем СССР процессов. И в первую очередь следует задуматься о структуре того явления, которое называется “евреизированным обществом” (каковым, несомненно, является – в силу специфики русской истории последнего столетия – нынешняя эРэФия).

Так что же это такое – “евреизированное общество”?

Повторимся: еврейство обнаруживает свойства не монолитного, а диффузного образования. А его “внешним прикрытием” служит огромный слой денационализированных представителей коренного этноса (коренных этносов), вовлечённого (вовлечённых) в *духовную еврейзацию* путём “промывки мозгов **светской разновидностью иудаизма – материализмом**” (хотя, разумеется, материалистами могут быть и нравственно здоровые люди, для которых “материализм” – всего лишь внешняя, бессознательная дань научной моде). Именно

этот последний слой является для евреев поставщиком тех кадров, которых сами евреи называют “шабесгоями”, а русские – Шариковыми. А то, что в этом слое много также и “антисемитов”, ничего по существу не меняет, потому что такие – *духовно-евреизированные* “антисемиты” видят в евреях, в силу указанной промывки мозгов, не общественно-опасных носителей антисоциального стереотипа мышления и поведения, а обычных конкурентов в борьбе за место под солнцем, т.е. родственников себе по духу существ.

Налицо, таким образом, чрезвычайно сложная структура общества, принципиально не сводимая к противостоянию “евреев” и “не-евреев”. Помимо этих двух групп мы имеем, с одной стороны, огромное количество не-евреев по крови, но *духовно-евреизированных* “антисемитов”, одним фактом существования которых ставится крест на любых попытках решения еврейской проблемы средствами “классического” национализма. С другой стороны, мы имеем огромное количество людей, осознающих и проявляющих себя евреями, но не подпадающими под какое-либо *формальное* определение их “еврейства”. Сознание таких людей расщеплено вынужденной ориентацией на диаметрально противоположные поведенческие установки.

Для удобства описания это полуеврейское сообщество можно обозначить термином “диффузное полуеврейство”. Но тогда и само понятие “евреизированное общество” можно определить следующим образом: *евреизированное общество* – это такое, состоящее из представителей коренной национальности (коренных национальностей) общество, эффективное управление которым (т.е. управление в интересах коренного населения) по умолчанию заблокировано находящимся в нём структурно-неоднородным “межэтническим сообществом”.
Подчёркиваем: структурно-неоднородным! Ядром и

“идейным штабом” “межэтнического сообщества” является “собственно еврейство”, живущее по своим внутренним, отличным от законов окружающего мира и разрушительным для него, правилам (точнее сказать – *понятиям*). Ближайшим окружением “ядра” является активное, но **избегающее чёткой самоидентификации “диффузное полуеврейство”** с “плавающей” ментальностью: от “межэтнической” до “этнической”. А символом “врага”, выполняющего одновременно функцию “прикрытия” и “скрепы” для “ядра” и его окружения, служит сообщество духовно-евреизированных “антисемитов”.

Специфической особенностью численно огромного **диффузного полуеврейства** можно считать его **абсолютную зависимость от качества власти**, поскольку такая зависимость избавляет его от необходимости самостоятельного, а потому **мучительного** выбора между “межэтнической” и “этнической” средами. Исторических примеров указанной зависимости более чем достаточно. Так, на начальном этапе советской истории *диффузное полуеврейство* служило инструментом внешних по отношению к советскому государству интересов и сил, за что и было наказано (вместе с “ядром”) в 1937 году; после 1937 года и вплоть до смерти Сталина оно служило государству не за страх, а за совесть; при более слабой власти брежневской эпохи оно принадлежало частью к “русскому лагерю” (при свойственном тому времени слабом различении “русского” и “советского”), а частью к “межэтническому” (в смысле – к международному); при сегодняшнем же фактическом безвластии оно в подавляющей своей массе снова ориентировано на внешние властные импульсы (хотя уже начинает – на всякий случай – поглядывать и в “русскую сторону”).

Эта абсолютная зависимость *диффузного полуеврейства* от качества власти и означает

возможность эффективного управления им. Ведь никакое безвластие нигде и никогда не бывает бесконечным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первый взгляд, всё изложенное о “феномене еврейства” рисует евреев исключительно чёрной краской, в то время как совершенно очевидно, что существуют миллионы представителей данного сообщества, о которых можно сказать очень много хорошего. Естественно, возникает вопрос: не является ли всё изложенное о “феномене еврейства” той самой полуправдой, которая, как говорится, хуже всякой лжи?

На этот вопрос необходимо ответить максимально убедительно, исчерпывающе и честно.

Отвечаем.

Во-первых: **предметом исследования была выбрана специфика “феномена еврейства”, т.е. то, что отличает евреев от всех остальных людей.** А то, что есть в евреях хорошего, – разве оно отличает их от всех остальных людей? Нет, оно, наоборот, объединяет их с ними. И наличие этого, присущего евреям, объединяющего, роднящего их со всеми остальными людьми начала ни один нормальный человек никогда не станет отрицать. Еврейство подарило миру многих великих учёных, писателей, музыкантов, прочих выдающихся и просто симпатичных людей, имена которых дороги и не-евреям.

Точно так же очень много великих людей подарила миру и не-еврейская среда. Но в не-еврейской среде мы никогда не увидим, чтобы это обстоятельство стало предметом самообольщённости, поводом для утверждения некоей коллективной “избранности”. А если бы такое и

случилось, то сразу было бы расценено как общественно опасная «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к ... социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности...» (определение понятия “экстремизм” из закона об экстремистской деятельности).

Единственный пример *абсолютной* самообольщённости такого рода даёт нам именно еврейство! И оно же **по факту** абсолютно не подлежит за это уголовному преследованию! Более того: в казуистическом таланте перекладывать этот свой врождённый грех с больной головы на здоровую оно вообще не имеет себе равных!

Данный факт и называется: специфика, которую необходимо изучать.

Во-вторых: **всё изложенное о “феномене еврейства” – это ни в коем случае не осуждение евреев и не выдвинутое против них обвинение.** Это просто констатация очень важной с точки зрения теории и практики когнитивного управления фактологии, а именно: констатация того, что сам способ существования человеческой культуры предусматривает структурное взаимодействие *разных* типов ментальности, где отношение еврейского её типа к не-еврейским строится по пословице: «На то и щука в море, чтоб карась не дремал».

Другое дело, что “щука” никогда не смотрелась в зеркало и поэтому совершенно искренне считает себя не “щукой”, а “пушистым котёнком”, “солью земли” и “невинной жертвой невежественных и злобных гоев”. **Но это опять-таки специфика, которую необходимо изучать,** независимо от того, нравится она “щуке” или нет. Тут уж ничего не поделаешь. Всё изложенное о “феномене еврейства” – это, как говорится, “чистая эмпирика”, и она ясно показывает, что вырастающая из предпосылочных основ еврейской культурно-исторической традиции

ментальная специфика напрямую обусловлена неполнотой, недостаточностью, “урезанностью” этих предпосылочных основ – их **полоумием** в сравнении с предпосылочными основами не-еврейских культурно-исторических традиций. То есть специфика еврейской ментальности выражается не в присутствии в ней неких особенных, неизвестных не-еврейским культурно-историческим традициям смысловых пластов, а, наоборот, в отсутствии в ней этих пластов, принципиально важных для не-еврейского самосознания.

Чем, спрашивается, они важны? А тем, что именно ими обеспечивается ориентация людей на *идеалы*: на критерии совести, справедливости, нравственности и т.д. Без такой ориентации общество, как показывает история культуры, обречено на вырождение и деградацию. А раз именно этих пластов смысловыражения в еврейском самосознании нет, то, значит, оно и является носителем особой формы “болезни духа” (особой формы зомбированности), способной вовлекать в “зону поражения” огромные массы людей. Да и “клиническая картина” тогда совершенно неслучайно оказывается представленной разнообразными формами общественного разложения.

Но тогда и “феномен еврейства” предстаёт перед нами не как производный от расы, этноса или крови, а как частный случай нерешённых вопросов истории духовной культуры. И в первую очередь становится понятно, что пронизавший ментальную атмосферу современной цивилизации цинизм («экономика вне морали», «политика вне морали», «наука вне морали») – это не продукт чьей-то чужой, внедрённой в общество, злой воли, а результат нашего собственного попустительства своим животным инстинктам, своему эгоизму и себялюбию, всему тому, что способны сдерживать и ограничивать только *идеалы совести, справедливости и нравственности*. А “феномен еврейства” – это всего лишь наглядный,

материализованный символ такого попустительства, погружающего нас всё глубже и глубже в трясины всеобщего “пофигизма”.

Есть только один способ вылезти из трясины: **начать выдавливать из себя, перефразируя А.П.Чехова, не раба, а жида** – человекообразное существо с атрофированными идеалами и гипертрофированными интересами. Все другие способы и раньше оборачивались, и впредь будут оборачиваться “пальбой по ложным мишеням”, “бунтами на коленях” и прочими тому подобными формами неадекватных реакций на проблему. Только общество, сплочённое идеалами совести, справедливости и нравственности, сможет указать любым “носителям болезней духа” (“шудрам духа”) их истинное – маргинальное – место в обществе.

Но “начать выдавливать из себя жида” означает определить “жида” как “врага”. А если “феномен еврейства” – это “феномен болезни духа”, а не “феномен расы, этноса или крови”, то и под “врагом” здесь должен пониматься *враг духовный: любой сторонник идеи разделения общества на “элиту” и “быдло”, любой оправдывающий собственное существование за чужой счёт “избранник”, – словом, любой носитель идеи социального паразитизма.*

Но здесь-то как раз и возникает проблема, потому что коллективному русскому сознанию идея постоянно существующего “врага” довольно-таки чужда. Традиционно наше сознание, не привыкшее делить людей на “своих” и “чужих”, даже гордится такой своей особенностью. А между тем гордиться здесь нечем, потому что именно способностью отличать “своих” от “чужих” обеспечивается духовно-социальный иммунитет любого общества. А “образ врага” является мощнейшим сплачивающим фактором – это подтвердит каждый, кто помнит царившую в СССР времён Великой Отечественной войны

ментальную атмосферу (да и Ветхий Завет даёт тому идеальные, хотя и специфические в этическом отношении примеры).

К сожалению, в России мирного времени дело всегда обстояло иначе, в силу несколько избыточной “всепрощающей размягчённости” русского характера. Уйдя, под влиянием соответствующего векового воспитания, от определения “врага” по признаку национальности, увлечшись на время определением “врага” как явления классового, мы никогда не были последовательными и в деле определения “врага” по критерию духовному. Не отсюда ли все трудности последних столетий русской истории?

Научиться определять “врага” по духовному критерию как *социального паразита*, могущего принадлежать любой национальности и любому классу – это сегодня самая острая, напрямую связанная с нашим выживанием реальность. Она проявляется не только в нашей внутренней жизни, где всеобщее национальное богатство узурпировано отдельными лицами, но и во внешней, где на словах нас учат “демократии”, а по факту делят наши углеводороды. И подминает нас под себя эта жёсткая реальность именно потому, что несёт в себе осознанное различие “своего” и “чужого”. А мы потому и не можем противостоять ей, что отучены от такого различия и считаем себя на этом основании “всемирно отзывчивым” народом, в то время как на самом деле, являясь носителями *обеднённого* восприятия окружающего мира (кругом – одни “свои!”), лишаем себя *иммунитета против болезней духа*.

Результат налицо: наше историческое взаимодействие с носителями противоположной формы обеднённого восприятия мира – с евреями, для которых “все чужие”, закономерно оборачивается химерной связкой типа “хищник-жертва” (“подлец-дурак” и т.п.), обрекающей нас

на социальную и духовную деградацию. И деградация уже идёт полным ходом. **Впервые в российской истории подлые идеи социал-дарвинизма, оправдывающие разделение общества на “избранную элиту” и на всё остальное “быдло”, начинают широко овладевать массовым сознанием.** С одной стороны: «Раса господ, давно уже разуверившаяся в реформируемости “этой” страны и утратившая веру в то, что даров прогресса хватит на всех, втайне решила приберечь для самой себя и новый европейско-демократический статус, и оснащённый всеми средствами прогресса “цивилизованный образ жизни”, и пресловутые “права человека”. Всё должно быть, как на Западе, и, может быть, даже лучше, но – не для всех, а только для избранных. В этой идеологии избранничества и состоит принципиальная новация наших новых западников, примеряющих на себя ветхозаветную модель “избранного народа” (А.С.Панарин. Народ без элиты).

С другой стороны, и в социальном “низу” мы наблюдаем появление личности, «уставшей от бремени в общем-то нормальных социальных и моральных обязательств. “Мне надоело жить праведником (праведницей), я хочу жить как все”. В этой банально-бытовой исповедальности содержится своя “глубина” – глубина отторжения, отпадения от великой духовной традиции. “Жить легко” – это для подавляющего большинства наших соотечественников реально означает не экономическую обеспеченность и вертикальную мобильность – здесь тенденции как раз обратные, а освобождение от духовного бремени ценностей, удерживающих от скольжения вниз, к существованию без принципов» (там же), т.е. к существованию в качестве “опущенного, раскультиренного быдла”.

В том и заключается скрытая суть современного либерального реформизма в России, что его конечной целью является идеологическое оправдание и

обоснование раздела общества на “избранную элиту” и всё остальное “быдло”. И в высшей степени симптоматично, что «особую, страстную старательность в этом деле либерального перевоспитания граждан проявляют именно еврейские теоретики и публицисты» (там же).

«Никто не может игнорировать того факта, что новая “либеральная революция глобалистов” нашла своих непримиримых идеологов и партизан в мире активного еврейского меньшинства. Для этого меньшинства почти все экстравагантности современного глобализма выглядели привычными – вписывающимися в традицию еврейской диаспоры, которая в течение многих сотен лет живёт в особом пограничном пространстве и исповедует пограничные ценности. Весь набор признаков: дистанцированность от туземного большинства, тяготение к чисто рыночной модели успеха в противовес модели национально-государственной выслуги, тяготение к неподконтрольным практикам, тайная эзоповская мораль и тайная глобальная солидарность перемигивающихся за спиной “посвящённых”, наконец, настойчивое стремление находить опору и подстраховку извне – всё это обеспечивает завидное единство традиционной психологии еврейского меньшинства с психологией новейшего глобализма. Именно это единство служит одним из механизмов взаимного перерастания империалистических и гражданских войн» (А.С.Панарин. Стратегическая нестабильность XXI века).

Что же дальше? Оправданы ли надежды на лучшее будущее и виден ли “свет в конце тоннеля”?

В силу явного “левополушарного” характера всей современной цивилизации евреи оказываются необычайно прочно укоренены в ней – гораздо прочней, чем любая другая общность людей. Но укоренены евреи в ней в качестве некоего “левополушарного психотипа”

(социальная функция и историческая роль которого – предмет особого разговора), а вовсе не в качестве “интеллектуальной элиты человечества”, как они сами склонны обольщаться. Достаточно сказать, что те познавательные установки, которые выросли из специфики еврейской ментальности и которые обеспечили евреям их сегодняшнее лидерство в мире, на глазах устаревают. Например, то, что ещё недавно выглядело как “мистика”, “иллюзия” и “заблуждение” (т.е. материал “собственно-мифов”), сегодня наделяется исключительно высокой операционной ценностью и познавательной силой. А то, что составляет суть редукционистского (производного от ветхозаветного) стиля мышления, осознаётся сегодня как чисто условный, формальный методологический приём, годный лишь для предварительного, упрощённого описания вещей, процессов и явлений

Сегодня на смену редукционистскому образу мышления приходит постепенно системный. Его становление только-только начинается, поэтому сами современные трактовки этого образа мышления носят зачастую редукционистский уклон. Тем не менее кризисная, предпороговая ситуация в мировоззренческой сфере ощущается достаточно остро. Лучше всех эту ситуацию обрисовал автор Общей теории систем Л. Фон Берталанфи: если реальность – не то, чем она представлялась до сих пор классической науке, «то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной истины. **Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей в этом случае представляется** гораздо более реальным, а его встроенность в космический порядок является подходящим мостом между... наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами

любой другой сформулированной по аналогичному принципу антитезы» (Л. фон Берталанфи. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М. 1973, с. 36).

В этом системном предвосхищении выражена, по сути, надежда на то, что переживаемая сегодняшним человечеством болезнь духа, связанная с “выключенностью” ответственных за *идеалы* смысловых полей человеческой культуры, в конечном счёте преодолима.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О БОРЬБЕ “РУССКОГО И ЕВРЕЙСКОГО КРЫЛЬЕВ” В ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ

Недоучётом специфики “феномена еврейства” объясняется очень многое в том последнем этапе советской истории, который одни называют его “золотым веком”, а другие – “эпохой застоя”. Дело в том, что и для тех, и для других этот этап до сих пор представляется социально-этническим “монолитом” – временем торжества некоего обезличенного “совка”. В то время как на самом деле это был период острейшей “подковёрной” борьбы между русским и еврейским “крыльями” в партийном руководстве страны. И конечный итог этой борьбы – “перестройка” со всеми её “цветами” – изначально был запрограммирован фактором *диффузности* “феномена еврейства”.

Поскольку речь, действительно, идёт о “подковёрной”, т.е. о мало известной широким слоям общественности борьбе, то здесь совершенно необходима историческая справка.

Историческая справка. Уже к концу правления Сталина многим стало ясно, что России была хитро навязана закамуфлированная под классовую борьбу сугубо иудейская идеология, где от имени “рабочего класса” действует еврейство. Поэтому сразу же после хрущёвской “оттепели” было принято закрытое решение Политбюро о создании Всероссийского Общества Охраны Памятников Истории и Культуры (ВООПИК), утверждённое 24 июля 1965 г. Совмином

Российской Федерации (ранее создание таких обществ дозволялось только в союзных республиках, а в РФ категорически запрещалось). Фактически же под видом филиалов этой общественной организации в стране были созданы “русские клубы”, занявшиеся не только восстановлением памятников, но и прямой легальной политической деятельностью, бросившей вызов официальной иудаизированной идеологии. Наиболее подробно о “русских клубах” написано в книгах: С.Н.Семанов. «Русско-еврейские разборки»; он же. «Русская партия в чужом зеркале»; А.И.Байгушев. «Русская партия внутри КПСС», М., 2005; он же Сатанинские признания закулисного человека // ж. «Молодая гвардия», 1995, № 3-12, 1996, № 1-7; Н.Митрохин. «Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953-1958 годы», М., 2003; комментарий на книгу Митрохина в статье К.Титова, опубликованной журналом «Наш современник», 2004, № 8.

Для лучшего освещения затронутой темы приведём несколько цитат из книги А.Н.Байгушева «Русская партия внутри КПСС».

“Пробить” постановление о создании ВООПИК удалось потому, что пришедший только что к власти Л.И.Брежнев искал способы удержать её. «Брежнев был растерян, подавлен. Но признавал, что духовную сумятицу в народе и партии, “Перельмутером” (Хрущёвым – *авт.*) в злое наследство ему... оставленную, уже не преодолеть, что духовный раскол общества состоялся. Но жить-то надо. Партию сохранять как-то надо. Нужно было искать какую-то хотя бы полу-иезуитскую, но на какое-то время эффективную, пусть временно, но жизнеспособную модель политического управления огромной страной. И что делать с совсем вышедшими из-под государственного контроля

“шестидесятниками”? Что делать с динамичными бунтующими евреями?» (Байгушев. Русская партия внутри КПСС. М. 2005, с. 210).

Здесь-то и пригодился ему целый коллектив его молодых помощников, активно помогавших убирать “троцкиста Никитку” и разрабатывавших идею опоры не только на иудейское, но и на русское “крыло” партии. «А Михаил Шолохов, со свойственной ему образностью мышления, открыто сформулировал Брежневу “эту шикарную мысль” о создании опорных пунктов (типа пунктов охраны порядка для помощников милиции – дружинников) в форме “русских клубов” на базе тут же Брежневым моментально и созданного Всероссийского Общества Охраны Памятников Истории и Культуры. Это, мол, будут твои, Лёня, самые самоотверженные, самые неподкупные, самые верные государству и тебе, дружинники – Дружинники Русского Духа!» (там же, с. 236).

Головной организацией нового образования явился негласный “Русский клуб” на Петровке 28. Вот что пишется о начале его деятельности: «Мы начинали в духовных потёмках. Своя русская философия и своя русская история советской=полуиудейской властью от нас, русских, то есть от подавляющего большинства народа, тщательно скрывались. Из нас растили “манкуртов” – “нового советского человека” без рода, без племени, с Марксом вместо сердца. Всё было от нас убрано в “спецхраны”, в которые допускались только “контрпропагандисты”: конспирологи, “тайные советники” всевластного Политбюро и высшая партийная номенклатура. Мы... поэтому вынуждены были начинать свою борьбу с полуподпольного самообразования. Рискуя страшно, доставали “запрещённые” только потому, что они русские, книги, и изучали свою русскую философию и историю. Для этого мы и создали “русские клубы”,... потому что без них мы так

бы манкуртами, Иванами не помнящими родства, и остались» (там же, с. 41).

Конечно, созданный Ю.Андроповым и возглавленный Ф.Бобковым «Пяток» (Пятое управление по борьбе с идеологической диверсией) с большим удовольствием разгромил бы непонятные ему, «слишком интеллектуальные, занимающиеся какой-то там философией Духа “русские клубы”». Но, слава Богу, Брежнев, и Черненко, и даже Суслов, которому персонально поручили “бдить и опекать!” нас, хоть и негласно, всегда тихо, но против “них” таки поддерживали, не давали в обиду, **боясь остаться с глазу на глаз с нагло прущим местечковым экстремизмом»** (там же, с. 242).

Крупным событием в жизни “Русской партии” стал обстоятельный доклад идеолога “русских клубов” Сергея Николаевича Семанова о “программной русофобии Троцкого-Бронштейна, которой и до сих пор вооружены русофобы-иудеи”. От стенограммы семановского доклада «Хромого Беса аж перевернуло (“Хромой Бес”, он же “Бафомет” – это тогдашний первый зам. по пропаганде А.Н.Яковлев, позже – “герой” перестройки – *авт.*). Мы в “русском клубе” очень большое значение придавали этому докладу. Семанов должен был задать тон и подвести идейную платформу под всю нашу борьбу с русофобией... Вся наша борьба висела тогда на волоске. Но Семанов сподобился пройти сквозь угольное ушко. Никаких подставок. Всё строго научно, всё выверено до грани. Дело блестяще удалось... Мы потирали руки, а А.Н.Яковлев встал на дыбы. Прикрыть “русские клубы”! Ишь, полезли в спецхран и цитируют Троцкого, кто им позволил? Но даже догматик Суслов, как ни провоцировал Яковлев, не нашёл в стенограмме доклада Семанова криминала: Семанов раскритиковал русофобию Троцкого? Очень даже для нас полезно об этом вспомнить в борьбе с поднявшим голову

после дуrolома Хрущёва иудейским троцкизмом!» (там же, 242-243).

Если говорить кратко, то «случилось маленькое чудо: молодые русские патриоты получили право на законные собрания-заседания, и не в овраге за городом, а в центре столицы СССР. Общество получило апартаменты в одном из домов Высокопетровского монастыря, весьма просторного. Вот здесь-то и стала собираться “общественность, законно предусмотренная уставом”. Русская общественность! Это при иудейской советской власти-то! Вот это был прорыв!» (там же, 244).

Соответственно, с негласной санкции партийных верхов были поделены сферы влияния. «“Иудейской партии внутри КПСС” – учитывая её великие связи на Западе... – была почти всецело доверена внешняя политика... Также ей была доверена тонкая работа с многочисленной “жидовствующей”, так называемой прогрессивной интеллигенцией. А ревниво-почвенной, державно-государственной “Русской партии внутри КПСС” была доверена работа с консервативной частью интеллигенции, а также с опорными государственными “сословиями” – с рядовыми партаппаратчиками, чекистами, армейскими офицерами. На “Русскую партию”,... именно и только на её кадры опиралась брежневская КПСС во внутренней политике. Ни одного “персека” на край, область или автономную республику без тщательного “нашего” просвечивания... не назначали, все вторые “контрольные” секретари в союзных республиках с огромными правами были из “Русской партии”...

То же было и при дележе “четвёртой власти”, сиречь СМИ. “Иудейская партия” получила в своё практически полное распоряжение “Литературную газету”, журналы “Юность”, “Новый мир”, “Знамя”, журнал “Наука и жизнь”, издательство “Советский писатель”, мощный Политиздат. А “Русская партия” при дележе влияния получила “Огонёк”,

“Литературную Россию”, “Молодую Гвардию”, “Москву”, “Наш современник”, “Кубань”, “Волгу”, издательства “Современник”, “Советская Россия”, Воениздат, а также такие массовые журналы, как “Роман-газета”, “Театральная жизнь”, “Пограничник”, как многомиллионный знаковый (права человека!) журнал “Человек и закон”...

Аппараты Союза писателей, Союза кинематографистов СССР, Союза театральных деятелей были чисто “передовыми”, “демократическими”, что на практике означало – “иудейскими”. Но Союзы писателей РСФСР и Союз художников РСФСР, напротив, были чересчур воинственно русскими. Благодаря активной издательской политике... “Современник” на потоке выпускал в свет книги только русских авторов, особенно русских поэтов, которых тут же принимали в Союз писателей... Пополняясь русскими, быстро обрусело прежде почти поголовно “иудейское” Московское отделение Союза писателей. Обрусели и выросли и все местные отделения, кроме Ленинградского.

Особого разговора заслуживает театр. Союзной театральной творческой организации по традиции не было. А ВТО – Всероссийское Театральное Общество – с 1964 по 1986 год возглавлял великий русский артист Михаил Иванович Царёв, отчаянный русофил. В ВТО было сильное русское правое крыло во главе с критиком Зубковым и такими крупными русскими главными режиссёрами, как Николай Охлопков, Андрей Гончаров, ленинградец артист и режиссёр Игорь Горбачёв. Еврейское левое крыло возглавлял драматург Шатров (Маршак)..., его поддерживал Андропов-Файнштейн. Андропов же всеми силами поддерживал еврейский “Театр на Таганке” Любимова (дочка Ира у него была замужем за артистом) и такой же объевреенный “Ленком” Марка Захарова. Театр-студия “Современник” сначала Ефремова, потом Табакова болтался между двумя стульями, как потом и МХАТ с

Ефремовым. Но “Малый театр” (“Дом Островского”!) Михаила Царёва традиционно оставался русской цитаделью. Вся театральная провинция за малыми исключениями была русской» (там же, 218- 220).

«Высшим достижением “русских клубов”, а если говорить более общо, то всей “Русской партии внутри КПСС”, была смертельная схватка с рупором и знаменем “Иудейской партии внутри КПСС” – “хромым бесом” Александром Николаевичем Яковлевым... В начале 70-х годов “Иудейская партия” перешла в наступление по всему фронту. Насколько мы “их” просчитали, криптозадача была у них свалить-таки осторожного, балансирующего “слабого” Брежнева “крепкой” фигурой – Романова или Гришина. А затем, уже как тупых, однолинейных “дуроломов”, убрать быстро и их, и поставить своего Андропова-Файнштейна, а “рабочей лошадкой” у Андропова, вместо “нейтрального” начётчика “серого кардинала” Суслова, сделать своего суперактивного “хромого беса” Александра Николаевича Яковлева». Но Брежнев быстро раскидал заговорщиков. А Яковлев, обжегшись, но не засветившись, проявил новую инициативу: организовал травлю журнала “Молодая Гвардия” за опубликованные в ней статьи литературных критиков М.Лобанова и В.Чалмаева. По его заданию в журнале “Новый мир” было опубликовано письмо-донос на “черносотенцев” из “русских клубов”. Но оно получило резкий и грамотный отпор. «Мы были уже не те мальчишки для битвы, какими мы были до супервысшего образования, полученного в “русских клубах”. Совершенно неожиданно для горластых иудеев, привыкших к русскому безмолвию,...русские дали крупной сдачи. Нами было оперативно организовано письмо одиннадцати крупнейших русских писателей в защиту “Молодой гвардии”, и, преодолев цензуру, оно попало на страницы воскресного “Огонька” – прямо под очи Брежнева, который начинал

свой выходной день с чтения любимого журнала... Яковлев пытался организовать ответ письму одиннадцати,...но письмо развалилось, не дойдя до печати. Мы поработали с русскими писателями, которых Симонов пытался соблазнить на русофобию. Открыли им глаза, и они разобрались» (там же, 268- 283).

Более того. «Русские не только не сдались, “безмолвствуя”, на милость победителя, как было привычно заведено в советское время, но дерзко опубликовали свой Русский Манифест “О ценностях относительных и вечных”, блестяще написанный С.Н.Семановым» (там же, с. 283) и опубликованный в «Молодой гвардии» (1970, № 8). Основной постулат Манифеста: «Ощущение преемственности поколений в деле строительства и защиты Родины есть лучшая основа для патриотического воспитания граждан, в особенности молодых». То есть, по мысли Семанова, ощущение преемственности поколений, как и понятие Матери-Родины – вечная ценность; социальная же система – уже понятие относительное, приспособляемое к историческим условиям (там же, с. 45). Написать такое в условиях, когда официально считалось, что “все мы – родом из Октября”, было общественным вызовом. «Но Семанов не успокоился и развил тему. Он нашёл очень правильный инструмент, чтобы вскрыть раковую опухоль, разрушающую русскую нацию. Он указал на приём “аллюзий”, которым, сатанински хохоча, игрались “жидовствующие” нигилисты, издевавшиеся над всем русским. И к ужасу тогдашнего правящего ЦК КПСС врубил в лоб: “Добавим, что литераторы и публицисты аллюзионного способа письма гневаются совсем не на Ивана IV, обличают отнюдь не Николая I, а прикрываясь всем этим псевдоисторическим реквизитом, метят свои обличительные молнии – чаще намёком, а иногда и напрямую – совсем в иные эпохи, иные социально-политические отношения”. Метят в

русскую нацию, чтобы уничтожить саму нашу Державу» (там же, с. 46-47).

«Впечатление, которое произвёл “семановский” манифест (так его довольно быстро прозвали и в наших, и в “их” кругах), было огромным... Многие вслух говорили (и даже в высоких партийных кругах, на уровне помощников Демичева, Суслова, Черненко, самого Брежнева), что, мол, вот так, в такой проникновенной, спокойно объяснительной манере на уровне “столыпинской” патетики надо бы готовить для генерального отчётные доклады на съездах. А то, мол, наш яковлевский отдел пропаганды только руками умеет размахивать и ярлыки клеить. А тут программа просто и ясно, без иностранных слов подана – и кто враги, и кто друзья, и что делать всем сразу, по крайней мере, совершенно понятно» (там же, с. 284).

Яковлев не унялся и попытался огрызнуться через главный теоретический орган партии “Коммунист”, где семановскому манифесту была дана оценка как “идущему вразрез с марксистско-ленинской методологией”. Но «позиция “Русской партии внутри КПСС” была уже настолько сильна, что мы не только не сдались на окрик из теоретического журнала партии, но ещё и решительно потребовали объяснений от самого секретаря ЦК. И в результате Демичев практически вынужден был дезавуировать статью в “Коммунисте”» (там же, с. 300). Тогда Яковлев опубликовал в “Литературной газете” (15 ноября 1972 г.) «обширную статью на разворот “Против антиисторизма”, подписанную жирными буквами “А.Н.Яковлев”. Этого-то мы и ждали... Мы обсосали каждый столбик его не слишком умной и гладкой статьи. Яковлев, как модный тогда у евреев Эльсберг, писал всегда заумно и неточно. В крикливом “приблизительном”, жонглирующем наклейками, как булавами, клоунском стиле “красной профессуры”... Поддеть и раскрутить его, не очень-то понимавшего смысл иностранных слов, которым

на показуху, на дешёвку он пользовался, было не так уж сложно... Мы ведь уже знали конспирологическую и катакомбную литературу не хуже, а лучше “их”. Мы и цитатки знали, как подобрать и в праведных целях “дожать”. Тут же на стол к Брежневу лёг подробнейший профессиональный разбор яковлевской статьи с указанием на сомнительные идеологические источники, откуда он свои мысли черпает...». А в итоге – Яковлева решили убрать из аппарата в канадские послы: «Вопрос решался настолько оперативно, так Яковлев достал всех, что ни в чём не провинившийся посол в Канаде Мирошниченко был отозван из аэропорта, где находился, возвращаясь к месту работы после отпуска. Десять лет день в день мы не будем видеть Хромого Беса в России. При Брежневе ему дорога на родину... была крепко закрыта» (там же, с. 303-308).

«Но Яковлев стал сыгранной фигурой, а что делать дальше? Как поступить со сцепившимися насмерть органами печати, выразившими соответственно позиции “Иудейской партии внутри КПСС” и “Русской партии внутри КПСС”? За кулисой пошли бои по самым принципиальным идеологическим вопросам, в которые оказалась втянута вся верхушка партии и государства... Мы настойчиво обращали внимание на “крышу” ведущейся против нас “психологической войны” – на так называемое “Демократическое движение” и на “Проект демократии”. Мы доказывали, что это яд в пёстрой обёртке... Сменили и провели тотальное “укрепление кадров” “Нового мира”... В Закулисе на самом высоком уровне добились повторной тщательной чистки в бывшей хрущёвской клоаке “АПН” – Агентстве печати “Новости”...Мы уже не молчали даже, когда в деле была замешана сама Лубянка. Мы и против неё готовы были поднять русскую общественность...Мы переняли “их” тактику. Научились владеть “их” оружием. Семанов пишет в своей книге “Юрий Андропов” (М. Алгоритм, 2003): “Со второй половины 70-х густо пошёл по

рукам русский “самиздат” (не так давно он был исключительно еврейским). Некоторые тексты оказали огромное воздействие на общественность и разошлись по Руси во множестве копий. Там замелькали имена видных деятелей с прямыми обвинениями в русофобии. А тут ещё перешёл в православие бывший революционер Солженицын, а потом и в зарубежье затеплились слабенкие русские огоньки...”» (там же, с. 308-337).

«Величайшим событием стала для русского самосознания “Русофобия” Игоря Ростиславовича Шафаревича, которую мы, размножив, старались положить на стол каждому мыслящему русскому человеку. Организовали даже, как в революционные времена, “подпольную типографию” под самым носом у КГБ. Мы учили “Русофобию” наизусть – каноническое авторское издание – М.: Молодая гвардия, 1990. Но написана она была, однако, ещё в августе 1974-го; с февраля 1976-го – с предисловием Солженицына. Сегодня каждый русский человек начинается с чтения “Русофобии”... Открываешь, и книга, изданная подпольно три десятка лет назад, звучит, будто сегодняшней набат: “На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт “малого народа”. Казалось бы, наш исторический опыт должен был выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ, но боюсь, что не научились. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних к другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению... А в результате – новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется”» (там же, с. 265).

«Мы начали “доводить” источники не только для себя самих, не только ограничено через “самиздат”. Но слегка завуалированно стали “разжёвывать” азы Русского Духа для широкого русского самосознания через гласную

печать. Через наши рупоры – “Молодую гвардию”, “Наш современник”, “Москву”, “Кубань”, “Волгу”, через наше крупное издательство “Современник”, быстро ставшее центром русского сопротивления» (там же, с. 267-268).

«Казалось, русское возрождение вот-вот одержит победу в России. Так, во всяком случае, полагали многие участники движения...

Мы требовали укрепления руководства КГБ. Даже не Бобков, а сам Андропов подвис. Второй Ильич “думал”. А мы наступали.

“Они” затаились и готовили провокации внутри русского движения, для которых активно были использованы методы “Пятка”.

И в середине 70-х начался кризис внутри “русского клуба”» (там же, с. 337-338).

Цитировать всю достаточно объёмистую книгу А.Н.Байгушева невозможно, да и не нужно. Укажем лишь на основные пункты, где автор говорит о причинах кризиса.

Во-первых, это внутренние разногласия между старыми номенклатурными функционерами и менее чиновными, но более свободомыслящими молодыми членами “русских клубов”. Причём разногласия выражались не только в спорах о смене стратегии и тактики организации, но и в чисто человеческих дразгах, оборачивавшихся потерями ключевых кадров, структур и опорных пунктов “русских клубов”. Во-вторых, это резкая активизация деятельности Пятого отделения: «Андропов понимал, что времени у него, чтобы дорваться до власти (а для этого ему надо было, как минимум, разгромить теневую “Русскую партию”!) практически нет» (там же, с. 371-372). Следствиями этой активизации были, по Байгушеву, и провокации против Семанова, завершившиеся снятием его с поста редактора журнала «Человек и закон», и ряд “странных” смертей в высшем партийном руководстве (Цвигун, Суслов; у последнего загадочно исчезла из сейфов вся теневая

структура партийной контрразведки Брежнева, оформленная под контрпропаганду), и смерть самого Брежнева. «Андропов всё-таки переиграл поразительно быстро вдруг, как по мановению волшебной палочки, совсем одряхлевшего Брежнева. И как тот уже даже гласно ни пророчил себе в преемники Щербицкого, как ни собирался на ближайшем пленуме лично из рук в руки передать тому власть, однако не сложилось у Брежнева этот свой самый последний, широкий и мудрый жест сделать. Не дождалась мы пленума. Брежнев тихо умер в своей постели 10 ноября 1982 года между восьмью и десятью часами утра. Сам предупреждал нас, чтобы друзей не оставляли одних, раз такая игра пошла. А остался один. Поразительно, но в точности, как в случае со смертью Сталина, близкие увидели уже только его остывший труп. В доме не было не только врачей, но и медсестры. Я не намекаю на хозяина “кремлёвки” друга Андропова Чазова. Но как же, как же так вот не оставить никого из медперсонала, зная, что генсек болеет?

Естественно, первым... узнал о смерти Второго Ильича Андропов-Файнштейн и, имея время для опережения, хорошо подсуетился – умело оттеснил Черненко, сам оперативно встал во главе Похоронной комиссии и сел на власть в генсеки. Так “Иудейская партия внутри КПСС” вдруг восторжествовала. Евреи обнимали друг друга, а мы ходили, опустив головы. Что-то будет?» (там же, с. 381-382).

Но парадокс: «Андропов давил русских, пока рвался к власти... Но вот он дорвался до царского кресла, и всё стало наоборот. **Он стал больше опасаться “своих” евреев, которые лезли к нему с неумеренными аппетитами, норовя потопить державный корабль...** Конечно, Андропов-Файнштейн верил больше своим – “бовины” и “арбатовы” из его кабинета не вылезали. Консультировали! Но принципиально – и не только на

показуху! – он стремился показать, что продолжает брежневскую политику полёта двуглавого и двукрылого орла. Он даже уж слишком, как актёр на сцене, стал опираться на Егора Кузьмича Лигачёва, понимая, что тот “русский тюфяк” – гор не свернёт, но выглядит вполне репрезентативно – этакий русак, рубящий правду-матку с плеча... На внутреннем языке у евреев это называется “выставить наперёд Иванушку-дурачка”» (там же, с. 384-385).

Ничего конкретного «Андропов-Файнштейн не успел сделать. Только какие-то малозначительные “телодвижения”... Общеизвестно, что он породил Горбачёва: “курортный персек” приглянулся ему обходительностью и услужливостью – Андропов отдыхал всегда на Минеральных водах, входивших в Ставропольский край, где, по словам Горбачёва, они подружились семьями... Это Горбачёв, “накачав” водкой тоже отдыхавшего у него брежневского зятя Чурбанова, “разговорил” его, прознал, что Андропову-Файнштейну по планам Брежнева не только стать преемником не светит, а то и вовсе его уберут. И тут же Миша вылетел в Москву. И на Лубянку – пересказал всё слово в слово Андропову, многозначительно добавив: “Я вот почему к Вам сразу. Вы, старые бойцы – наш лес. А мы, молодые – вам подлесок”. После этого разговора Андропов неизменно называл Горбачёва “подлесок” и за уши вытащил его в Москву, сделал своим фаворитом и наследником» (там же, с. 382-383).

Андропов тоже недолго пожил: «верный ему пёс “Бобок” – Филипп Денисович Бобков, например, прямо пишет, что Андропова поторопили в могилу. А поторопить могли только не русские патриоты-державники, а, напротив, те, кто готовил русскую смуту, кому до зарезу нужна она была, чтобы приватизировать русские богатства» (там же, 392).

«Черненко? Болдин, помощник Горбачёва, правильно отметил, имея в виду русских: “Часть художественной интеллигенции примкнула к Черненко и прочно связывала с ним своё место под солнцем. В общем, всё шло так, как в добрые старые времена”. Но Черненко ничего сделать не успел. Его быстро “отравили рыбкой”. Немногие знают, что Черненко “разглядел” Горбачёва и хотел его убрать. Во всяком случае, Черненко уже поручил “своим людям” присмотреться к “опасным связям” Меченого с Яковлевым и с Западом. Горбачёв завис. Достаточно было соответствующей раскрутки одного факта, что он, будучи секретарём по сельскому хозяйству, вдруг привёз в Лондон и показывал противнику секретную военную карту, чтобы на карьере авантюриста был поставлен жирный крест. Но Горбачёва буквально спас наш русский “тюфяк” Е.К.Лигачёв. Странный всегда был Егор Кузьмич, дико обманывался в людях, доверчив был до наивности. Как свидетельствует тот же Болдин, “именно Лигачёв по просьбе Михаила Сергеевича провёл переговоры с генсеком Черненко, стараясь убедить его в личной верности Горбачёва”. Только это спасло Горбачёва. Черненко снаивничал, поддался на уговоры и почти тут же сыграл в ящик» (там же, 396).

Как видим, смена власти очень существенно подорвала позиции “Русской партии” в позднесоветском обществе, обусловив её глубокий кризис. Тем не менее, как ни важен сам фактор смены власти, всё же не он, по Байгушеву, явился *главной* причиной кризиса. Главная причина была внутреннего характера.

«О чём мы в тот момент думали? О реставрации брежневских времён? Увы, об этом! Это бред какой-то. Иметь свои легализованные русские организации. Иметь возможность самостоятельно участвовать в выборах. И вернуться под дырявую крышу КПСС. Но мы привыкли так жить. Нам было удобно так жить... И грешен, я считал, что

Крючков, Язов, Янаев, Павлов – прежде всего свои русские люди. Вот евреев скинем, восстановим брежневский порядок, а тогда... Тогда, может быть, для себя (в смысле для русской стороны) и побольше выторгуем» (там же, с. 461).

В этих покаянных словах “ориентация на вчерашний день” – только внешний, поверхностный смысловой слой. Главное же здесь – так до конца и не осознанная самим Байгушевым (бывшим высоким номенклатурным чиновником, советником Брежнева) его наивная уверенность в том, что можно абсолютно чётко отграничить “евреев” от “русских”. А такая уверенность была присуща ему всегда; достаточно посмотреть, как он описывает заседания своих “вторников” в “русском клубе”: «Попасть на “русский вторник” было не проще, чем в члены КПСС. Хотя формально заседания были открытыми, но “чужих” не пускали. Чтобы получить приглашение мало что надо было получить две устных, но от этого не менее ответственных рекомендации от известных членов “русского клуба”, но ещё и пройти негласную предварительную проверку – замеченные в посещении “их” сборищ, в русский клуб категорически не допускались. Ходи к “своим”» (там же, с. 244).

С организационной точки зрения тут, казалось бы, всё правильно. Но заглянем в другой мемуарный источник, в книгу И.В.Дроздова «Последний Иван» (СПб., 1998), описывающую тот же самый отрезок советской истории, в том же ракурсе русско-еврейского противостояния, с русских же позиций и с упоминанием тех же действующих лиц, что и у Байгушева, но уже безо всякого упоминания о “русских клубах”.

И.В.Дроздов пришёл на работу в газету “Известия” рядовым корреспондентом ещё в “до-аджубеевские” времена, работал под Аджубеем, многие годы был собкором “Известий” в различных регионах страны, дорос

до самой высокой корреспондентской должности – экономического обозревателя – и уволился с работы лишь тогда, когда из-за еврейского засилья там стало совершенно невозможно работать. Затем он был приглашён на работу в только что открывшееся книжное издательство “Современник”, и уже там с группой единомышленников, под руководством главного редактора издательского главка России (Росиздат) П.А.Карелина, председателя Госкомиздата РСФСР Н.В.Свиридова и главного редактора издательства “Современник” А.Д.Блинова, находясь в должности заместителя главного редактора по прозе, несколько лет противостоял еврейским попыткам прибрать издательство к рукам («Свиридов поручил мне подобрать редакторский состав. Строго сказал: “Ни одного еврея”»). Собственно, потому-то книга И.В.Дроздова и называется «Последний Иван», что описывает происходившую в 60-х – 70-х годах вынужденную, постепенную и неуклонную сдачу русских позиций евреям во всех сферах, связанных со СМИ и издательским делом. Это очень интересный, поучительный документ эпохи, написанный честным, абсолютно неспособным кривить душой человеком.

Как пишет Дроздов, проблемы начались уже с назначения директора издательства. «Уже тогда многие при встречах и в телефонных разговорах прозрачно намекали на главное условие: и директор, и главный редактор, и заведующие редакциями должны быть русскими и крепкими в своих убеждениях. “Не дай Бог левак затешется”. И вдруг новость: директором издательства предлагается Прокушев Юрий Львович – кандидат филологических наук, преподаватель Высшей партийной школы. Зазвонили комитетские телефоны: “Прокушев, – это верно? Но кто такой Прокушев? Почему тянут тёмную лошадку? Наверняка с левой стороны. Куда же вы там смотрите?” Но, конечно, главные, решающие

разговоры происходили в кабинете председателя. Туда я не был вхож, но Карелин стоял у плеча Свиридова неотступно. Я из деликатности ни о чём не спрашивал, тем более что видел: Карелин на эту тему говорит неохотно. Позже узнал: Карелин возражал против Прокушева, уверял, что он “чемодан с двойным дном”, и Свиридов колебался, ездил в инстанции, убеждал, доказывал, что директор должен знать издательское и типографское дело, он должен быть известен в кругу литераторов или хотя бы работников Комитета, а Прокушев?... Кто такой Прокушев?...

Неожиданно зашёл Блинов и с ним незнакомый чернявый человек лет пятидесяти с нетвёрдым взглядом коричневых выпуклых глаз и едва заметным трясением головы. Ростом он был высокий, громоздкий.

Прокушев Юрий Львович, директор издательства “Современник”, – представил его Блинов.

Внутренне я ахнул: уже назначен!

Прокушев сиял от волнения, от распиравших его чувств, конечно же, радостных. Не мог найти себе места: то присаживался на стул рядом с Блиновым, то вставал, подходил к окну, задавал какие-то малозначащие вопросы... И оба они просили меня подыскивать редакторов – их для нового издательства понадобится много. Новые владыки нового и самого большого издательства России ушли, а я остался сидеть со своими тревожными думами. “Что за человек этот Прокушев? Кому доверили такое важное, святое дело?”... Вечером того же дня мне домой позвонил Карелин. Сказал, что наглотался всяких пилюль, но сердце не отпускает. Не проходит боль и тревога за судьбу издательства. Рассказал подробности баталии, развернувшейся вокруг кандидатуры директора. Он вместе со Свиридовым стоял насмерть, не желая назначать Прокушева, но на председателя шёл постоянный и упорный нажим с трёх главных сторон – со

Старой площади, там был Яковлев, давили также Качемасов и Михалков. Свиридов отбивался: “Не могу доверить такое дело несведущему человеку”. Но нажим продолжался. И последней каплей явилась делегация пяти ведущих писателей. Среди них были Михаил Алексеев, Егор Исаев, Василий Фёдоров... Они ввели в храм русской литературы Швондера. И Свиридов сдался.

Карелин помолчал, он тяжело дышал в трубку, о чём-то думал. Я стал его успокаивать: “Прокушев статьи о Есенине пишет. Может, и не станет вредить русским писателям?” – “Дай-то Бог!” – сказал Карелин. И, шумно вздохнув, пожелал мне спокойной ночи» (Дроздов. Последний Иван, СПб., 1998, с. 183-193).

Прокушев начал с того, что попытался вставить в план в качестве первой книги издательства роман Анатолия Рыбакова “Записки Кроша” (по Дроздову, «книга автора-еврея, гнусная и клеветническая по содержанию»). Но поскольку издательство создавалось именно для того, чтобы сломать порядок, при котором бумага и вся полиграфическая мощь страны работают на авторов, живущих в столицах, то Блинов и его команда дали Прокушеву отпор. Это сразу обострило отношения между директором и редакцией. К тому же «постепенно выяснялся еврейский пласт... издательства – кадры, заброшенные Прокушевым в первые же дни после своего назначения» (там же, с. 212); начали вскрываться подтасовки в тематических планах. Попытки редакции противостоять всему этому закончились увольнением А.Д.Блинова. «Всем стало ясно: за Прокушевым стоят влиятельные силы. За ним Качемасов, Михалков, Яковлев, Зимянин...» (там же, с. 222). Дроздов, назначенный вместо Блинова исполняющим обязанности главного редактора, вышел на финансовые махинации прокушевских кадров и “сунул палку в их муравейник”. Но результат оказался лишь тот, что его самого начали постепенно отлучать от

издательских дел: «Поражение наше было сокрушительным. Мы тогда не знали, что дело имели с мафией, но не с той, о которой, конечно, догадывались, а с широко разветвлённой, уходящей корнями на самый верх...» (там же, с. 345).

А теперь смотрим, что говорится о Прокушеве в «Русской партии внутри КПСС». Здесь Ю.Л.Прокушев – «руководитель центра русского сопротивления», «гроссмейстер русского духа», т.е. духовный вождь русского народа: «Благодаря активной издательской политике Юрия Прокушева... “Современник” на потоке выпускал в свет книги только русских авторов, особенно русских поэтов, которых тут же принимали в Союз писателей» (Байгушев. Русская партия..., с.220).

У Дроздова об этом же говорится совершенно иначе: «Всё это достигалось в упорной, а подчас и ожесточённой борьбе всех русских сил с дружиной Прокушева, которая у нас хотя и была малочисленной, но в опыте интриг и тайных сделок заметно нас превосходила». «Мы регулярно выпускали книги, и книги хорошие – об этом ныне может сказать каждый книголюб, имеющий в своей коллекции книги “Современника”. Прокушев и Вагин по прежнему были беспокойны, часто и надолго пропадали из издательства, однако их отсутствия коллектив не замечал; свидетельство того, как обширен у нас класс паразитирующих бездельников».... «И вот уже весна 1974 года наступает. Прокушев подаёт третье заявление на увольнение, но мы уже к этому привыкли, воспринимаем такой манёвр как шантаж и истерику. Авторитет его упал настолько, что ему неудобно было даже появляться в издательстве. Над ним стали посмеиваться. Иные смеялись в глаза. Задавали один и тот же вопрос: “Говорят, уходите, Юрий Львович?” На что он обыкновенно крутил головой, хмыкал, и если произносил слова, то как-то невнятно, и прибавлял шагу».... «Я зашёл в комитет к

Карелину...“Прокушев у нас, как вы знаете, хворал, а теперь в бегах, пропадает где-то... Боюсь, как бы в потоке нашем сбой не случился... Тут у вас заявление директора лежит, уж решали бы скорее”. Пётр Алексеевич загадочно улыбнулся, качнул головой. “А ты серьёзно это – поверил директору? Ну, в то, что он уходит собрался?” “А как же! Заявление подал”. И снова Карелин улыбался, отводил взгляд в сторону, смотрел в окно. Сказал вдруг: “Такие мы – русские, верим человеку. Что бы он ни сделал – верим. Потому как сами-то лисьих ходов не знаем. Коварства в других не видим”. Помолчал с минуту. Собрал бумаги на столе, подвинул их в угол. Заговорил в раздумье и с видимым сожалением: “Прокушев никуда не уйдёт, не ждите от него такого подарка. Его... можно только прогнать, но сил, способных вытолкнуть его из кресла, нет... И дело у него, **благодаря вам**, налажено чётко. Единственное из центральных издательств, где книги выпускаются серьёзные, интересные, – на полках магазинов не лежат... Теперь авторитет Прокушева до небес поднялся. И ты хочешь...” Карелин посмотрел на меня снисходительно, с сочувствием и, как мне кажется, дружески. “Так заявление же подал!” – не унимался я, теперь уже больше для того, чтобы побудить старшего товарища к дальнейшим откровениям. И Карелин, плотно сжав губы, сдвинув брови к переносице, проговорил: “Скоро его уговаривать начнут – в Союзе писателей и в ЦК. Он ломаться станет, а его будут упрашивать. Потом он заберёт заявление и явится к вам на белом коне. Вот видите, мол, как меня ценят, замены мне, стало быть, нет. И начнёт гайки завинчивать”» (Дроздов. Последний Иван, с. 248-299).

Фигура Ю.Л.Прокушева – не единственный предмет разночтений в книгах А.Н.Байгушева и И.В.Дроздова. Не менее противоречиво выглядит и фигура Валентина Васильевича Сорокина – известного поэта, а впоследствии

главного редактора издательства “Современник”. В книге “Русская партия внутри КПСС” В.В.Сорокин – это “наделённая пророческим даром русская восходящая звезда”, это равновеликий Ю.Л.Прокушеву боец русского фронта, это “русский беркут”, возглавивший вместе с Прокушевым издательский “центр русского сопротивления”.

А вот как описан Сорокин в книге Дроздова: «Сорокин открыл одну слабость Прокушева: он от похвал в его адрес теряет всякую волю... Торчал у него в кабинете, заводил разговоры о профессорах – специалистах по Есенину, подчёркивал превосходство над ними прокушевских статей. Директор слушал, теплел душой, улыбался и, в свою очередь, хвалил Сорокина, обещал напечатать его стихи подарочным изданием. Валентин стал ходить к нему домой, обедать...»... «Сорокин мне пожаловался, что в “Московском рабочем” подготовили к изданию его сборник стихов, но тираж дают небольшой, и денег он получит мало... Я позвонил главному... Есилев был старым опытным издателем, мы все ценили его за ум, честность и принципиальность. Косил на меня: “Ты что это за сынов Израиля хлопчешь?” – “О ком вы?” – не понял я. “Сорокин от тебя приходил. Тираж ему увеличили, а только в другой раз евреев к нам не посылай. У нас своих хватает”. Я стал уверять, что Сорокин – в прошлом рабочий парень, уральский казак. Они не верили. Есилев говорил: “Дёрганный он, будто под рубашку ему ёлочных иголок насыпали. Я таким не доверяю, не знаешь, куда он завтра шарахнется”»... «Поселив Валентина в Семхозе, я перезнакомил его со своими друзьями. Принимали его с прохладцей, хотя, впрочем, помнили о его положении в литературном, издательском мире. Я потом у Шевцова спрашивал: “Чем тебе не пришёлся Сорокин? Он же талантливый поэт!” – “Талантишко у него невелик, а как человек он просто неприятный”. – “Да почему? Ну что ты о

нём знаешь?” – “Ненадёжен он...”»... Сорокин «неожиданно воспылал любовью к Шевцову, к месту и не к месту хвалил его... Я диву давался: ещё недавно Сорокин горячо убеждал меня подальше держаться от Шевцова, говорил, что Шевцов – слабый писатель, ругает евреев и только тем добивается популярности... И вдруг – благодарит за то, что и его я сдружил с “лидером антисемитизма”. Бесовщина какая-то! Попробуй в ней разберись! А и в самом деле... как сказал Кобзев, – душа не на месте»... «Вчера [говорит Кобзев Дроздову] на вечере поэзии был ваш Прокушев. Он выступал и сильно хвалил Сорокина. Читал его стихи. А потом сказал, что будет двигать его на премию”... Мне вдруг, в одну минуту, открылась разгадка всех последних ходов Сорокина... Все звенья последних событий выстроились в ряд. Стало ясно: Сорокин ищет союза с Прокушевым. Он, может быть, не станет нам вредить, не уйдёт в лагерь противника, – такой мысли я не допускал, – но... бойца и товарища мы потеряли»... «Свиридов... заговорил о Сорокине: “А этот... твой дружок Сорокин, если, скажем, власть ему дать, – не станет лупить по своим?” – Я понял: прокушевская сторона двигает Сорокина на пост главного редактора. Сказал: “Он человек русский, из рабочих”. – “Знаю, что русский. И грамотёшка слаба. Ведь даже института не кончил. Но тут – нутро важно. Чтоб в план чертовщину разную не совал и кадры редакторов держал...” – “Что сказать? Пятиться он будет и приседать на корточки, но так уж, чтобы полностью в их карман ухнуть... Нет, не думаю”. На этом разговор о Сорокине кончили»... «Моя жизнь в издательстве с назначением Валентина стала круто меняться... для меня наступил период “перестройки”... Позвали на совещание к главному... Сорокин начал неожиданно: “Иван Владимирович устал, я решил серьёзно его разгрузить. Отныне можете приходить в издательство всего лишь один

раз в неделю. Остальное время – читайте. Сидите на даче и читайте”. Взял со стола две вёрстки, уже прочитанные мною, подал их мне: “Вот, идите – читайте. Нам надо много читать. Будем глубже вникать в литературный процесс. Читайте, не торопясь, вдумчиво – потом будете всех информировать, что мы печатаем и какие нам нужны коррективы”. Я взял рукописи, вышел. И через пять минут очутился на улице. Посмотрел на небо, глубоко вздохнул. В одну минуту понял: началось отлучение меня от издательских дел» (там же, с. 253-350).

И последний вывод И.В.Дроздова. «Швондеры захватили все вышки. Шариковы толпились около,... поднимали вверх швондеров, которые кидали им жирные куски» (там же, с. 355).

Как все эти разночтения понимать? Откуда столь разные углы зрения на один и тот же предмет? Что стоит за разностью двух точек зрения – байгушевской и дроздовской – на личности Ю.Л.Прокушева и В.В.Сорокина, виднейших членов “Русского клуба”?

Можно, конечно, сказать, что Дроздов – ещё более “пещерный”, чем Байгушев, антисемит, размахивающий дубиной там, где нужно работать скальпелем. Хотя из контекста книги «Последний Иван» достаточно отчётливо вырисовывается человеческая суть автора – выходца из русской деревни, типичного носителя традиционных нравственных устоев, фронтовика, обладающего чёткой жизненной позицией и умеющего её отстаивать. «Спасибо за мудрые советы, – отвечает он Шевцову на его предложение “сидеть тихо”, – но, подавая их мне, ты забываешь об одном: где я возьму силы жить по твоим рецептам? Каждый человек имеет свой запас совести и свою меру траты её. Моя мера на исходе. Я уже и без того на многое закрыл глаза, потерял покой и радость жизни. Я чувствую себя трусом и мерзавцем, – до какой же степени я буду пятиться, сдавать позиции?»... «Не хочу я, Ваня,

стоять на коленях и покорно взирать на тех, кто грабит народ и глумится над ним»... «Где грань того выжидания и осторожности? Не получится ли так, что проснёмся однажды, а тут уж и заводы распроданы, и дома, и издательства...» (там же, с.307-314).

Но ведь и Байгушева не заподозришь в лицемерии и двойной игре (разве лишь – в преувеличении веса и роли “русской партии в КПСС”). Так, может быть, “байгушевы” только лишь тем отличаются от “дроздовых”, что они – более гибкие, более искушённые и изощрённые, более “стратегично мыслящие” русские националисты?

Что ж, без “стратегического мышления” сегодня, наверное, уже вообще никому, а не только националистам, не обойтись. Но и стратегическое мышление помогает лишь при условии, что ясен сам предмет стратегического анализа. В нашем случае таким предметом является критерий разделения советских граждан на “евреев” и “русских”. А владело ли данным критерием руководство “Русской партии внутри КПСС”? То, что мы видим в книге А.Байгушева, заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Чем снимается и предположение о “большей гибкости”.

Но поэтому и закономерен финал прокушевской и сорокинской деятельности в издательстве: **«Вдруг загорелось синим пламенем писательское издательство “Современник” Юрия Прокушева и Валентина Сорокина**, на потоке выпускавшее прекрасную русскую литературу. Издательством в ряде книг были допущены, как тогда говорилось, “грубые идеологические ошибки”. На самом деле – блошинный ряд. Ну, перегнули палку в гимнах белогвардейским генералам и т.п. Ну, что-то ещё подобное. В общем, однако, подставились» (Байгушев. Русская партия..., с. 345-346).

Случайно ли подставились? Вот другой эпизод, связанный с прокушевским протеже Зюгановым, которого

Байгушев откровенно клеймит как предателя русского дела: «Что-то мы, русские, тогда не додумали. Где-то у нас произошёл сбой. Сейчас мне кажется, что Юрий Львович, привыкший действовать в рамках “Русской партии внутри КПСС”, не раскусил Зюганова, выводил на первый план его. Всё-таки Прокушев немножко недооценивал силу чёрно-злато-белых флагов, по инерции больше ставил на “опомнившиеся”, проверенные, красные знамёна.

Мы много спорили тогда» (там же, с. 459).

Спорят о том, где произошёл сбой, и сегодня. Спорят, наверное, и о том, был ли тот или иной член бывшего “Русского клуба” евреем или нет. Хотя уже сама постановка такого вопроса слишком примитивна, чтобы понять природу поразившего деятельность “русских клубов” кризиса. Тем более, что в книге “Последний Иван” вообще немало примеров того, как те же люди, которые составляли, по Байгушеву, костяк “Русской партии”, в свете приводимых И.В.Дроздовым фактов выглядят опорой “иудейского лагеря”.

Тут уж, действительно, приходится сначала задумываться не о том, кто был, а кто не был евреем, а о том, как вообще оказывается возможным организационное противостояние евреев и не-евреев при отсутствии надёжного критерия их различения. То есть **тут встаёт вопрос о реальном, а не “ярлыковом” описании существа происходивших в позднем СССР процессов.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В.И.ВЕРНАДСКИЙ О ЕВРЕЯХ
(по материалам дневников 1917-1941 гг.)

Высказывания великого русского учёного, философа и общественного деятеля В.И.Вернадского о евреях интересны сразу во многих отношениях. Во-первых, это высказывания человека, у которого была масса друзей среди евреев-учёных и которого поэтому никак не назовёшь антисемитом. Во-вторых, это высказывания человека, которого никак не назовёшь русским националистом (скорее уж украинским, но ни в коем случае не шовинистом). В-третьих, это высказывания человека, который очень долго разделял многие предрассудки и иллюзии своей либерально настроенной интеллигентской среды (а от некоторых не избавился и до самого конца жизни). В-четвёртых, это высказывания человека, который всю жизнь умел учиться на собственных ошибках. И, наконец, в-пятых, это высказывания, относящиеся к тому периоду русской истории, когда евреи стали играть в ней особую, необычайно активную роль. То есть это высказывания о времени, очень сильно напоминающем наше время.

Чтобы все эти высказывания не выглядели как случайно выхваченные из контекста эпохи первой половины XX века, кое-где пришлось выйти за рамки заявленной темы и включить её более широкие, характеризующие само время и внутреннюю жизнь учёного, фрагменты дневников. Думается, общий текст от этого только выиграл.

В.И.Вернадский. Дневники 1917-1921 гг. Киев. 1994
(Полтава, Киев, Ростов-на-Дону, Екатеринодар,
Новороссийск, Крым, Москва)

13.10.1917

Приём отдельных лиц. Поразительное преобладание евреев. Большая настойчивость? Доходят до министра там, где русские махнули рукой?

18.10.1917

Сейчас время людей воли. Их жаждут.

20.10.1917

В большевизме есть идейная сторона – но она так чужда сознательно действенным силам, что в конце концов чувствуется ими только как дикая разрушительная сила.

3.11.1917

Много здорового в украинстве. Связь народа с интеллигенцией крепче? Больше здорового в интеллигенции? Меньше безумной эмиграции и евреев?

Раса евреев – антигосударственная и сильная. Неужели то же самое и Русь в народной массе? Ведь сейчас во многом проходят в жизнь настроения толстовства, сдобренные мировым интернационализмом евреев.

Рассказывают социалисты – товарищи министра, что в массе Смольного монастыря слово «жид» слышится на каждом шагу...

5.11.1917

Макаров рассказывал о кощунствах в Зимнем дворце: в церкви евангелие обоссано, церковь и комнаты Николая I и Александра II превращены были в нужники! Кощунство и гадость сознательные. Любопытно, что когда я рассказывал об этом Модзалевскому – он говорит – евреи! Я думаю, что это русские. Как и убийство Царскосельского священника – очень порядочного человека. Какое-то безумие.

6.11.1917

Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на её антигосударственное движение. Сейчас ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей, которые играют такую роль в этом движении. Можно очень ярко провести это через всю историю еврейства и русского народа. Служилые слои, отделившиеся от народа, уже тысячелетие делали государственную историю. «Народ» жил своей жизнью и творил другое.

Очень ясно падение идейное социализма и народничества. Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции. Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить. Ещё больше, чем Польша, история [которой] впервые выросла после падения XVII века – раньше была в полном культурном упадке – шляхетская цивилизация была далека от человеческих интересов. Расцвет нации начался при её государственном падении.

7.11.1917

Украина действительно объявила себя независимой. Авантюра? Мне кажется, федерализм неизбежен?

9.11.1917

Как быстры психологические смены масс. Сейчас во главе солдат – евреи. Кто бы это сказал год – полтора назад?

10.11.1917

Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки.

15. 11.1917

Получил киевские газеты. Ясно, что большевики не овладевают там и власть Ленина и К^о не признаётся. Но сила русской культуры так велика, что ей нисколько не страшна одновременная работа украинизации. Здесь должно быть совместное дружеское общение. И оно возможно.

18.11.1917

Сифилис и болезни, разнузданность и оправдание грабежа – почва, на которой придётся строить воспитание нового поколения.

6.03 / 21.02. 1918

Время тревожное. Ожидают всего. Всё население Полтавы нервное, скрыто озлоблённое, измученное.

Вчера Оксана пришла взволнованная к Е.П.: ей сказали у знакомых, что скоро будут резать буржуев и зарежут прислугу, т.к. она за «буржуев»... Солдаты обходят дома, ища офицеров... Днём заседание, собранное в Музыкальном училище – центре большевизма, домовладельцев и квартирохозяев, которым

революционный комитет угрожает репрессиями, если они не заплатят контрибуциями – решили платить... И так каждый день. Понятно, обыватель совершенно изнервничался. Большинство ждёт немцев как избавителей, и, когда вчера Георгий в разговоре с одним из деятелей самообороны указал, что лучше уж большевики, чем немцы, тот ему ответил – ну Вы, должно быть, один так в Полтаве думаете. Разбои увеличиваются. Наряду с этим идёт разоружение самообороны...

Вчера секретарь нашей самообороны Минко рассказывал Георгию, что евреи начинают манкировать в самообороне. Когда одного из них оштрафовали – он оказался членом Совета солдатских и рабочих депутатов, донёс туда, и Минко оштрафовали за «нечистое содержание двора».

Евреи – безумцы. Говорят о погромах, и в то же время они раздражают и оскорбляют слои населения, с которыми могли бы в данный момент идти вместе. Погром угрожает обоим...

Рассказывают о пропаганде большевиков в деревнях – но крестьяне заявляют, что оружие они возьмут – но против кого – «их дело».

12.03 / 27.02.1918

Большевики сейчас грабят население – штрафы с домовладельцев под разными предлогами... Анна Андреевна сидела вместе с какой-то еврейкой – домовладелицей. Та говорит – смотрите, все наши сморчухи, ваших нет...

Действительно, всем распоряжаются евреи 15-25 лет – очень наглые и грубые. Среди населения всё растёт антисемитское настроение.

15 / 28.03.1918

Полтава вся в нервном настроении... Все главные деятели большевиков давно бежали... По-видимому, погром Полтавы исключён опасением, что он перебросится на евреев. Обыватель этим объясняет заботу большевистских войск о прекращении грабежей, т.к. среди лидеров большевиков много евреев. По-видимому, и на рабочих собраниях выставляется или, вернее, выдвигается бессознательно этот элемент, когда указывается, что рабочим нечего бояться погрома буржуазии.

...Яркий идеал сытых свиней: обжорство, пьянство, зрелища, свадьбы. Чисто буржуазный – но без труда. Безделье царит.

Семечки, театры, кинематограф, хироманты, внешний лоск, грабят, где можно, трусость перед вооружёнными и смелость перед безоружными.

18 / 31.03.1918

Тетьего дня в пятницу пришли немцы...

Немцы держат себя корректно, но как господа. Впечатление от украинской власти опять прежнее – бессилия и бездарности. Власти нет и не чувствуется она ни в чём...

Очень важно, чтобы украинская армия была русофильской...

19.03 / 1.04. 1918

Немцы получают от Украины жалованье. Идут завоёвывать, и им же платят! Вчера в городской думе было указано кем-то о немецкой оккупации – комиссар заявил, что это не верно: воюют с друзьями немцами против России. Повсеместно здесь шовинизм...

Ужас положения тот – что на всей территории России нигде не образовался государственный центр...

Читал Достоевского. Всё его мировоззрение связано с верой в православный русский народ. И падает вместе с неправильностью этой посылки. Но вместе с тем сейчас, как в исторической перспективе, видишь, что Достоевский и его близкие были много правее и более здраво смотрели на исторический процесс: нигилизм, порицание и пренебрежение к государственным устоям и государственному идеалу привели нас и к разрушившему Россию социализму, и к его разности – большевизму. Старые боги – Чернышевский, всё прогрессивное русское движение 1860-1910 годов должно быть сброшено. Надо произвести в умах идейную чистку. То настроение, которое было в части русского общества в 1863 году и было покрыто здоровым государственным чутьём, победило в 1918 году, и мы видим последствия.

21.03 / 3.04.1918

Должна быть партия украинской народной свободы (к.-д.). Указать на необходимость сближения с Россией и неразрывности с русской культурой... Борьба за русский язык как равный в общественной и культурной жизни – за права меньшинств. Значение русского языка как мирового языка для подъёма образования народа и интеллигенции...

Надо русскую ориентацию и её необходимость основывать исходя из потребностей Украины и украинского населения. Беспощадная борьба с шовинизмом во всех его формах. Практически надо ориентироваться и соглашаться с национальными партиями (польской, еврейской) и социалистами. В украинской политике социалисты более близки, чем украинские самостийники. Выяснить связь самостийников с немецкой политикой и немецким игом.

11/24. 04. 1918

Днём заходил ... к Милюкову. Завтра в газетах уже будет указано о его здесь нахождении. Милюков рассказывал и прочёл записанный свой разговор о Гаазе (он читал Демидову, Григоровичу-Барскому, прочтёт Набокову и Василенко; Винаверу не скажет ничего, т.к., по его словам, пройдёт тогда в еврейские круги).

19.04 1919

Власть в руках невежественных «испанцев», как здесь говорят. Невольно антисемитизм даже там, где его не хотят. Фомин рассказывал, что комиссары, молодые евреи с семьями, были в саду (Ботаническом – *авт.*), хотели проникнуть и в научную часть – но удовольствовались тем, что лежали на траве перед его домом. А публика такая: дама со студентом явилась и срезала всю коллекцию кавказских ирисов...

Встретил И.Г.Чарыгина. Очень интересный разговор. Он считает неизбежным здесь погром. Его впечатление, как и моё, что большевизм доживает. Он говорит, что в преследовании большевиками кооперативов есть элемент антиукраинского движения. К ним посадили своего агента – начальника – из невежественных евреев. Чарыгин рассказывал, что видит много приезжих представителей русских кооперативов. Они считают, что в июне в России большевизма не будет, ибо все их ненавидят и за них не стоит никто.

20.04.1919

Мы оба смотрим на Венгерскую советскую республику как на проявление силы еврейства

8 / 21.09.1919

Антисемитизм чрезвычайен. «Жид» – слово, принятое в обществе, где я еду. Ясно сознают о невозможности ограничения прав евреев по закону – но желают и говорят о необходимости ограничения их фактического – общество не будет их пускать.

15 / 28.09.1919

Большой и интересный разговор с С.Л.Минцем... о еврейском вопросе и антисемитизме. Чувствуется трагедия... Сам С.Л.Минц... думаю, смотрит довольно пессимистично на судьбу своего народа... Считает, что среди большевиков евреи в процентном отношении по отношению к еврейскому населению составляли небольшую часть, но они были на первых местах комиссаров, в первых рядах...

Евреев фактически в ДА (добровольческую армию – *авт.*) не пускают; офицеры евреи получают чистую отставку.

24.09 / 7.10.1919

Дорогой около полустанка, во время остановки за станцией Гребёнки раздались выстрелы. Рядом, оказалось, казаки убили еврея комиссара, ехавшего в военной добровольческой форме в Киев. Опознан был офицером. Говорят, такие убийства часты. Будто бы он признал, что был комиссаром. В поезде много офицеров; некоторые сконфужены таким самосудом. Думаю, что здесь корысть: каждый комиссар везёт с собой много денег, а жизнь коммуниста, да ещё еврея, сейчас ценится очень мало. Вся публика приняла это убийство как-то молча, подавленно, слабо реагируя, стараясь как бы забыть тяжёлое. «Жида убили...» Говорили, что приказал комендант Гребёнки, что, конечно же, явно неверно.

В еврейском вопросе приходится считаться с Америкой, которая сейчас для России – если не брать немецкой ориентации – очень важна, тем более что английское снабжение подходит к концу.

12 / 25.12.1919

В вагонах всюду чувствуешь антиеврейскую пропаганду. При взятии билетов кто-то говорил о засилии евреев, необходимости их обуздания, погрома. В вагоне бежавшая из Астрахани татарка, владелица рыбного дела, рассказывая об ужасах города, о том, что там жида и большевики режут всех, что жида хорошо живут. Какой

выход?... всё ростовское еврейство – в его массе, в богатых семьях, просят помощи ДА (добровольческой армии – *авт.*). В Париже центральный орган еврейской организации против помощи Деникину и Колчаку. Хозяин – Минц мечтает о поселении в Палестину, о переходе евреев, остающихся в России, в палестинское подданство при протекторате Англии. Пытается ставить еврейский национализм как реальную проблему, считая, что евреи не могут слиться и что равноправие не уничтожает антисемитизма, который развивается и в Америке, и в Англии и т.д.

Прочёл Бялика в переводе Жаботинского. Очень много сильного. Это настоящий и крупный поэт, и чувствуется еврей, в котором пробудилось в сильных формах человеческое чувство. Любопытны элементы – в рамках библейской культуры – исследования против божества. Мне кажется, много найдётся элементов объяснения большевизма в этих новых настроениях еврейства. Но какой выход против ужасов антисемитизма при такой непримиримости не только темпераментов, но и идей?

13 / 26.12.1919

Здесь в большом ходу «Сионские протоколы»,...

29.12.1919 / 11.01.1920

Сегодня здесь начинается паника. Уже подумывают и екатеринодарцы об уходе и приходе большевиков. Слухи самые разнообразные. Сдача Ростова и Новочеркаска явилась неожиданностью и произошла при совершенно невероятных, постыдных для ДА условиях. По-видимому, ДА разложилась и тоже в казачьих полках нет желания сражаться. Моральное падение ДА полное, и едва ли она подыметя. Очень ярко здесь проявилось её полное разложение благодаря отсутствию идейного содержания. Идея большого «великого» государства не могла повести за собой массы. Да и при создании императорской России она явилась следствием ряда событий, а не целью. А тут думали создать из неё цель. И цель эта не могла даже возбудить патриотические чувства, т.к. основана была на гордости, которая неконкретна для обывателя. К ДА так же, как к большевикам, присосалась масса нечисти, и в конце концов они не лучше друг друга; только при ДА легче жить культурным людям. И то не всем – евреям легче жить при большевизме.

**В.И.Вернадский. Дневники. 1921-1925. М. 1998
(Москва, Петроград, Париж, Прага, Ленинград)**

9.03.1921

Сейчас всё идёт к анархии и не видно ясного просвета. Любопытно, что все считают большевистский режим потерпевшим фиаско и временным. Лазарев считает – немногие месяцы – затем страшная реакция. Тарасевич считает, что, может быть, Кронштадтские события сплотят – но затем неизбежен крах и долгие времена анархии. Я, несмотря ни на что, верю в будущее.

2.11.1921

...Обыватель ждёт как дальнейшей стадии – бандитизма, который оазвивается необычайно быстро. Держит большевистский кулак, при всей их бесталанности...

Большевизм держится расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталистическим строем, так как она основана на порабощении человеческой личности.

9.11.1922

Сегодня в «Руле» статья о Коммунистическом союзе молодёжи (комсомол) – верны указания на внесённый разврат: ненависть к ним – а они – сыщики, связанные с ЧК. Мне кажется, в коммунистической советской молодёжи много евреев.

Антисемитизм в России по Тарасевичу всё уменьшается, но углубляется.

21.05.1923

Для меня в общем остался весь прежний культ служения науке и творческому исканию, ясное мистическое чувство мира усилилось чувством живого. Осталось прежнее уважение к человеческой личности. Сейчас бы я не смотрел, как раньше: бессмертие личного духа, но без единого Бога. И в вопросе о демократии мои мысли изменились. Обеспечение и создание elite – огромная цель.

22.06.1923

Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать назначение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую её как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия её не заменят, и эти человеческие переживания её касаются тех сторон, которые составляют её удел.

А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны *слова* и *образы*, которые отвечают моему религиозному чувству.

Бог – понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого.

28.05.1924

Характерно – и правильно – представление о Боге как о *Ничто* – то есть не может быть выражен ни в чём из нам доступного.

29.05.1924

Старый идеал золотой молодёжи – весёлый кутёж. Цель жизни – которая и всегда была в известном кругу и в разных формах. Ещё в Риме – *panem et circenes* (хлеба и зрелищ – *ред.*) – то же и в этой грядущей “демократии”. Может быть этим путём – занявши хоть этим низшую расу человечества, явится возможность для избранных добиться дальнейших достижений.

16.08.1924

Безумие многих – думать, что старое может вернётся. Ничтожно и серо большинство нынешних властителей России – но они всюду опираются на мировые политические силы, связанные с социализмом и рабочими организациями – у них есть воля и энергия работы, моральная беспринципность и жестокость. Эта жестокость была и у прежних. Но разница рабочего и белоручки барина. Барин поищет палача – а найти не всегда сумеет – интеллигент-социалист сам, раз иначе нельзя, станет палачом.

20.06.1925

Жизнь сложится совсем не так, как думают.

В.И.Вернадский. Дневники. 1926-1934
(Ленинград, Москва)

14.09.1926

Огромное количество макулатуры, издаваемой Государственным Издательством, часто невежественной – насильственно распространяется. Не читается. Исчез интерес и к истории социологических идей: издатели не берут. Эта литература не читается. Этим объясняется значение переводной литературы: романов – не коммунистических. Поразило это меня в Ессентуках, одни газеты читаются и обсуждаются, однако. Но там особая публика: коммунисты преобладают или на $\frac{1}{2}$; евреи до 80-90%. Их чтение иное.

«Закон божий», как называют «политграмоту», благодаря насилию и невежественным и безграмотным «учителям» (подавляющее число их евреи) совершенно подрывают идейную сторону коммунизма. Идёт разложение и насмешка.

6.08.1928

Вчера с Сергеем Алексеевичем Чаплыгиным о Кастерине. Он считает его гениальным; думает, что он прав в своей критике Эйнштейна.. Кастерин пришёл к своим заключениям давно, ещё при жизни Жуковского. Он изменил уравнение Максвелла, воспользовавшись принципом Гамильтона. В этом изменённом виде уравнения дают объяснения всем явлениям при сохранении целиком идей и уравнений Ньютона. Все явления объясняются. Кастерин написал письмо Жуковскому, где он тогда же изложил свои идеи (у Сергея Алексеевича есть копия). Жуковский сперва возражал, но вывел в конце концов то же уравнение Кастерина по новому, своему методу. Сперва вычисления Жуковского не сошлись с вычислениями Кастерина, но последний указал ошибку у Жуковского и тогда получилось тождество. Кастерин работает один; не хочет печатать, пока не получит подтверждения опытом. Средств для опыта недостаточно. Сергей Алексеевич считает, что у него есть и новые идеи для объяснения тяготения. Сергей Алексеевич боится, что Кастерин умрёт и с ним уйдёт его открытие в незаконченной Фоме.

Я помню восторженные отзывы о Кастерине со времён моей молодости в Московском университете. Так жизнь прошла и ещё до сих пор нет никакого дальнейшего выявления его таланта.

Кастерин на пенсии, которая при помощи Цекубу и исследовательского института даёт ему возможность существовать и работать...

Здесь Коган. С его вступлением в Математический исследовательский институт в Москве – пошли туда еврей за евреем. Один Гинчин талантливый – остальное – серая толпа...

Разговор с Кольцовым в связи с удивительным отождествлением в бездарной статье Смидовича в «Известиях» понятия “научного” с “диалектическим”...

Логика и история философии выброшены из преподавания... Немного изучается древняя философия близкая к материализму, изучается материализм – но без смелости мысли.

7.08.1928

Один из крупных учёных, свободный по мысли, либерально мыслящий, раньше конституционный демократ, говорит – начинает думать, что Шмаков, Нилус были правы. Засилие евреев не случайно – всё идёт по плану. Русские сознательно держатся в нашей школе в полужнании – своих детей евреи учат за границей.

8.08.1928

Озеров верно указывает: сейчас проявляется влияние людей, которые в тюрьмах, отчасти в одиночках, тяжёлой ссылкой развили фантазию, “дьявольскую волю”, при незнании жизни. Этот волевой импульс соединяется с отвлечённой фантастикой, фанатизмом, отсутствием творчества.

Два типа людей, связанных с той дикой идеологией, которая сейчас вырисовывается в окружающей жизни – воинственным отрицанием свободной мысли, диалектическим материализмом, марксизмом-ленинизмом и тому подобным. С одной стороны – вид этого невежественного отрицания, большей частью фанатики и начётчики – с другой стороны – обделывающие свои дела, боящиеся из-за жизненных соображений потерять “блага жизни”.

У одних – трусость мысли, боязнь сделать ложный шаг, у других – вместо свободной мысли – узкая вера и отсутствие творчества.

И те, и другие – величайшие враги свободы. Психология как во времена религиозных погромов?

Учение о рефлексах И.П.Павлова заменяет в этом кругу психологию...

По его (Фирсова) мнению революцию – отнятие земли, изгнание помещиков – фактически произвели возвращавшиеся с фронта солдаты: к этой революции присоединились, воспользовались её плодами большевики...

Мне кажется, сейчас наступает новый исторический перелом революции: власть или уступит, или сделает скачок в неизвестное – борьбу с крестьянством.

10/11.08.1928

Бросается в глаза и невольно раздражает всюду находящееся *торжествующее* еврейство. Ещё в санатории Цекубу их число не так велико – но всюду в парке, на улице местами они преобладают. Редко встречаются тонкие, одухотворённые, благородные лица, – преобладают уродливые, вырождающиеся или лица *terra á terre* (заурядные – фр.). Они сейчас чувствуют власть – именно еврейская толпа...

Поражают старики. Все в русской одежде. Что они чувствуют? Как отразилось такое изменение в их судьбе? Как отразилось на еврейской *толпе* и стремление к образованию, и Bund, и революционеры из еврейства. Все родичи теперешней аристократии, правящего еврейства, сейчас пользуются вовсю...

13.08.1928

Коган считает, что пропаганда диалектического материализма – одна из основных задач Государственного издательства. Он так шёл, когда стоял во главе *Mathesis* в Одессе.

Несомненно атеизм в религии, диалектический материализм в философии, экономическая наука на стадии 40-50 лет назад, диктатура партии и её обособленность, фактическое значение еврейства, <запись не окончена>.

18.08.1928

Крупное место – относительное сейчас понятие. Все чувствуют гнёт. Над всеми инженерами сейчас стоит коммунистическая коллегия из совсем необразованных низов. Начальник дороги, по-старому – один из низших железнодорожных служащих, среди

других – рабочие и проходимцы их низов. Талантливых людей очень мало, а главное – нет знающих. Это очень тягостно отзывается – и очень дорого на деле. Много среди них евреев. Антисемитизм растёт; сейчас по всему югу резкий сдвиг – замена инженеров, где возможно и невозможно, коммунистами, хотя бы без образования или с внешним лоском знаний. Такой сдвиг сразу создал Шахтинское дело. Сейчас железные дороги под влиянием военной власти. Все на военном положении. Впечатление от военных – новой формации – штабные, исключительно необразованные.

28.08.1928

У Гилярова – в связи с моими работами по живому веществу – интересный, философский разговор... Он говорил, что под влиянием Троцкого был материалистом – но всё изменили переживания в Швейцарии, где он наблюдал движение насекомых, птиц, растений. Он увидел, что так (с позиций материализма) объяснить природу нельзя. Всё от Солнца. Дети Солнца. Он считает, что количественно всё объясняется признанием психофизической энергии у человека, может быть, животных. Фехнеровской. Качественно эта энергия отлична. С ним разговор об излучениях. О Перрене он не знал. Стал передо мной вопрос: действительно ли излучения открывают новые стороны явлений, позволяющие включать и психическую жизнь человека в общую схему энергии? Мне казалось это невозможным, – но я явно этого не продумал.

Прислать все работы мои Гилярову.

12.09.1928

Сегодня похороны Фёдора Ивановича Успенского. Много народу – переполнена церковь.

Для Академии наук – огромная потеря в этот момент: перед выборами. Честный, прямой, стойкий, неподкупный. А сейчас заболел и Сушкин. Отсутствие двух влиятельных, умных и неподкупных людей чрезвычайно тяжело.

Ф.И.Успенский отличался поразительным для его возраста интересом; читал “Природу” – пытался так или иначе понять, что происходит в науках о природе, в той перестройке мира, которая им (человеком?) производится.

Верующий человек – православный – в курсе всей истории православия на Востоке, любитель и ценитель церковного пения..., председатель Палестинского общества, он в то же время отличался чрезвычайной независимостью научной мысли от религиозной догмы. Он считал православие погубившим Византию; признавал, что его прозелитизм не был таким, как прозелитизм мусульманства. При их столкновении в Византии православная церковь оказалась морально побеждённой мусульманством.

Бенешевич говорил, что произошёл большой перелом в его (Успенского) научной мысли за последнее время: значение монголов. Он жадно интересовался историей Востока...

Он являлся центром, вокруг которого группировались и византологи, и классики, – не только здесь его моральное влияние было огромным.

16.09.1928

С Ферсманом об Академии. Он очень мрачно смотрит в связи с выборами: провокация для того, чтобы потом создать назначенную Академию. Он считает роль Иоффе очень подозрительной. Подозревает его, что он в Москве рассказывает об Академии и говорит совсем не то, что нам. И он, и С.Ф.Ольденбург не верят Иоффе.

Воронов очень осведомлён об Академии. Ферсман думает, что один из осведомителей Иоффе – (нрзб.) Нищенко и кто-то из канцелярии Конференции... Воронов – умный, очень тонко и подробно знает об Академии (роль Шумахера?) Без образования. Сейчас он сориентировался. Раньше – в армии ЧК? Вся психология, по-видимому, армейская. Еврей. Псевдоним?

25.11.1928

Был А.С.Жебелев. С ним об академических делах. Он стоек и спокоен. Не идёт на сегодняшнее торжество – 200-летие типографии Академии наук. С.Ф.Ольденбург отсоветовал: какое-нибудь может быть оскорбление от “рабочего”.

Надежда Эрастовна Успенская рассказывала: приходил в Академию материальной культуры какой-то еврей. Молодой, который хочет заниматься в библиотеке. Когда ему говорят, что надо в канцелярию, он отвечает: “Нет, я туда не пойду – встречу с Жебелевым, а он ему: – такому нельзя подать руки!” Встретил отпор и ретировался.

В Академии материальной культуры научные сотрудники под председательством Орбели вынесли обвинительный приговор Жебелеву и признали решение секции научных работников. Орбели уговорил это провести, говоря, что это поможет Жебелеву, так как иначе его будут считать главой контрреволюционного гнезда, находящегося в Академии материальной культуры. Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру. Что Орбели морочил голову? Неужели справедливы обвинения, которые я слышал в Праге, что он присвоил материалы Я.И.Смирнова в связи с Сасанидским серебром? Жебелев упомянул об этом в своей статье неудачно – случайно или сознательно, двусмысленной фразой. В начале высказывались догадки, что Орбели – инициатор скрытой всей травли Жебелева – месть? Жебелев мне сказал раньше, что Орбели спрашивал его, отчего он написал, что рукопись Смирнова “по-видимому” у Орбели, отчего он его раньше не спросил. Жебелев ответил, что он не обязан спрашивать. Неужели эта догадка – правда? Но какое падение когда-то честных людей! Тут ясно, что это не сознательная мерзость, а грех. Понятие *греха* есть достижение, которое нельзя безнаказанно выбросить за борт.

Из “Хронологии 1930-х г.”

В 1930 г. геологическая специальность была оторвана от воспитавшего её Московского университета и включена во вновь созданный геолого-разведочный институт, возникший из слияния геологических специальностей Московского университета и геолого-разведочного факультета Горной академии... в 1930 г. здание, музей, библиотека, научные и преподавательские кадры и студенчество отошли к вновь созданному Московскому геолого-разведочному институту имени С.Орджоникидзе и геология, одна из самых сильных специальностей Университета, временно ушла из его стен.

Этот позорный для Орджоникидзе памятник связан с внутренними дрызгами среди геологов, *в которых печальную роль играли Губкин, Архангельский и Мирчинк...* Мера эта была проведена без ведома Совнаркома – “по телефону” нахрапом. По рассказам она проводилась brutally в спешном порядке и, очевидно, ведущие дело людишки боялись, что их скверное дело не удастся, если об этом узнают. Они хотели иметь *fait accompli* (свершившийся факт – *ред.*). Я узнал об этом по телеграмме, в

которой меня извещали, что собираются минералогическую коллекцию Московского университета – одну из мировых по своему значению, которую мне удалось – в течение ряда лет – восстановить, увеличить и привести в порядок после печальной памяти “профессора” М.А.Толстопятова...

Архангельский скоро понял или ему оказалось выгодным переменить фронт и в начавшемся движении общественного мнения он вместе с Ферсманом и мной напечатал в “Правде” и “Известиях” письмо о необходимости восстановить преподавание геологических наук в Московском университете. Года не помню.

25.01.1931

Невольно ставятся вопросы философские.

Всюду предрассудок, что философия идёт глубже науки в понимании окружающего...

Удивительным образом меня считают идеалистом и виталистом (resp. неовиталистом). Пытаюсь разговаривать об этом с коммунистами – всюду встречаю шоры или невежество...

Последние месяцы со всех сторон я вижу начало нападений на мои взгляды... Каган не понимает, что можно научно работать, ставя на 2-й план философскую сторону проблемы. Впечатление человека, мысль которого застыла.

31.05.1931

Принцип предельной скорости... Если допустить, что есть ряд явлений, которые происходят не в материальной и не в эфирной среде – для них может существовать скорость бóльшая, чем скорость света. Такова передача мыслей?

9.06.1931

Упадок научной мысли и научного творчества связан всегда был с переоценкой достижений философии или религии. Эта переоценка – для философии – и сейчас угрожает нашей стране... Кругом, в диалектическом материализме, в ленинизме мы видим ту же утопию, но проводимую огнём и мечом инквизиционным путём...

У нас меня угнетает бездарность новых официальных философских исканий при даровитости народа.

10.06.1931

Сейчас вся страна приведена в движение. Совершается огромное дело. Но никто не может сказать, к чему это приведёт. Три корня: 1. Социалистическая мысль в коммунистической форме. 2. Диктатура организованной привилегированной касты, фактически наследственно передаваемой. 3. Старые навыки полицейского государства, без всякого идеологического удержива. Старый приказ Московского государства (“Дело Государево”) → слово и дело → николаевская жандармерия, провокационные инквизиторские процессы. Кто сильнее? И что выйдет из этого? Настоящий творец революции – стремление крестьян к земле и их ненависть к угнетению, вековая – изжитая, кажутся побеждёнными?

Но идёт опыт интереснейший. Применение новейшей техники при насильном рабстве её создателей, огромная воля действовать. Сталин, может быть, крупнее Ленина. Во всяком случае, нашлись люди большие и крупные. Им ничего не мог противопоставить режим.

Максимум усилий – minimum результата. Но maximum очень велик. И результат тоже может быть очень большой, если только выдержит народ. Но народ всегда выдерживает больше, чем считает возможным ум. И не только русский народ выдерживает...

Может быть в окружающей жизни не видно ни малейшей устойчивости и улучшения. Все на бивуаке.

20.06.1931

В разговорах с коммунистами многими я не скрываю своих мыслей. Мне чужд капиталистический строй, но и чужд здешний. Царство моих идей впереди, и так же как неожиданно для себя сейчас русские революционеры получили власть, и благодаря крупным людям (Ленин и Сталин), прежде всего их воле и желанию, – пошли по новым путям, пойдут по ним те, которым ход событий, глубже лежащий, чем человеческая мысль и воля – естественный, стихийный процесс даст силу, власть и мощь.

Я, конечно, до этого не доживу.

12.10.1931

Интересный разговор с Д.С.Рожественским. Считает, что в науке прошло время “гениев”, что сейчас – как муравьи – организации тысяч химиков вполне заменят крупнейших личностей, что научное движение обезличивается... Эта вера сейчас распространена среди коммунистов и в значительной мере

определяет их отношение к науке. Среди физиков – благодаря крупным успехам и *подбору лиц* это распространено довольно сильно. Но это экстраполяция, основанная на упрощении. Забывается организатор.

16.11.1931

Поразительно невежественны и бездарны “философские” работы благонадёжных “мыслителей”. Мне указали “Под знаменем марксизма”, № 6, 1931 – нечего читать!

... Для меня ясно, что моё приятие войны в 1914 г. была моральная ошибка – мой грех.

Из “Хронологии 1931 г.”

...Писал Сталину о заграничной командировке по совету Луначарского. Я упомянул о том, что пишу ему по совету Луначарского. Луначарский говорил мне, что он получил выговор от Сталина – как же я могу вмешиваться в эти дела – беспартийный. *Мне кажется*, с 1930 г. впервые в партийной среде осознали силу Сталина – он становится диктатором. Разговор со Сталиным произвёл тогда на Луначарского большое впечатление, он этого не скрывал.

28.02.1932

...Внимательно просмотрел – “Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии”, 1931. Читать нельзя: больное, невежественное. Для психиатра. Картина морального разложения. И порядочные учёные, как М.Завадовский и Кольцов, не только серьёзно считаются... убогие люди и полное отсутствие понимания научной работы.

Кто такой Токин? По-видимому, и сын Гершензона в этой компании...

29.02.1932

Академическое заседание. Доклад Вавилова интересный; режет ухо его подлаживание под материалистическую диалектику – количество переходит в качество и тому подобное. Это ясно не связано со всей работой. Производит трагикомическое впечатление: человек достиг результатов и затем искажает их, приравливаясь к моде. Новые вполне достижения Филипченко. Вавилов их ввёл так, что неясно, где его, и где Сталина.

1.03.1932

Лазарев в одной из лекций указал на ошибку Энгельса... и это вызвало бурю доносов.

9.03.1932

Всегда мне представлялся вред большого богатства и властного старшего поколения.

10.03.1932

Рассказывают о глухой и обострённой борьбе внутри партии: постоянная непрерывная чистка и исключения.

15.03.1932

С Иваном Гревсом разговор о религии... Ни одна религия не дала общеобязательных, стихийных форм. Идея откровений не имеет реальной опоры.

Но, с другой стороны – общность живого. Сознание как его часть. Тут может быть та обязательность, которая достигается только наукой. Она ещё не достигнута.

Как будто открывается возможность построить во многом новую широкую базу.

Спор о Боге принял формы патологические. Психозы сейчас ярко проявляются. Часть диаматов и диалектиков по-видимому психически больны.

Мне ярко рисуется часто: русские учёные должны работать, неся груз: невежественных и больных диаматов и так называемых общественных работников, мешающих сколько возможно научной работе.

То, что происходит – всё-таки движение вперёд – стихийный процесс вопреки бытовой и государственно-общественной организации.

22.03.1932

Иевлев рассказывал о Токине: он сейчас среди биологов председатель кружка, которого все боятся. “Разбирал” Гурвича, малообразованный, нахальный, “ненормальный”. Новогрудский сейчас его помощник и клевет – профессор Московского университета по микробиологии.

Начал читать его статью против меня. Заставляю себя.

Огромные небывалые хвосты перед магазинами – за маслом – хвосты иногда в $\frac{1}{4}$ версты. В кооперативах пусто – если они не такие, как ГПУ, где прикреплены академики...

Умер Пергамент. Быстро, при страшных страданиях. Только ещё немного недель назад – вернувшись из удачной поездки в Америку по делам правительства Союза, с успехом и со знанием своей силы знатока – он здесь начал устраивать свою жизнь – привёз жену (?), устроил себе доставку из-за границы посылок, купил дачу, наладил квартиру, усыновил внучатого племянника (внука своего брата – депутата Думы)... и в несколько дней катастрофа – рак, которого не признавал и врачи не понимали. Человек милый, умный – массу делавший добра – по советам, пенсиям, связям. Помогал множеству лиц.

23.03.1932

Не может иметь значения то молодое течение, которое в научной области не может сменить старое иначе как патологически – как это было при падении древней эллинской науки. Сейчас мы имеем явление, в котором наука совершенно иного характера. Советское течение есть патологическое и местное. Даже если оно будет классовым – то оно в человеческом аспекте теряется.

25.03.1932

Писал о радиоактивности и геологии. Ясно, что время геологическое не охватывается ни теорией относительности, ни её выводами.

28.03.1932

Гамов рассказывал о борьбе за Институт теоретической физики. По-видимому все физики (Иоффе, Рождественский, Мандельштам) – против. Физическая ассоциация и молодёжь – за. Теоретически правильно – но смогут ли в связи с диалектическим материализмом?

Вечером заседание Отделения математических и естественных наук. Скучно и нудно. Как верно говорил Карпинский после заседания: Академии нет. Но своеобразно она сохраняется в иной форме. Коммунисты понемногу увеличивают свои научные кадры – проводят ряд настоящих учёных, например Тулайков или Рихтер. В общем состав выбираемых сильный.

31.03.1932

Слухи о возможности войны растут или, вернее, больше чувствуется отражение в диктаторских слоях. Говорят, среди коммунистов две партии – молодые хотят войны, считая, что это начало окончательной борьбы против капиталистических стран.

Из “Хронологии 1933”

(О голоде 1932-1933 гг.). Я чувствовал, что этот голод – по тому как он отозвался на мне – не может не быть большим историческим процессом. Я думал, что власть с ним не справится. Но поворот, который дал Сталин – в его последствиях – остановил левое крыло раскулачивания...

26.07.1933

Просили участвовать в Гелиевом совещании в Кремле. Я остался на несколько дней. Совещание – под председательством Куйбышева – впечатление очень неважное. Какой-то мошенник (1 000 000 руб. за секрет открытия месторождения в Сибири). Среди присутствовавших лиц ряд евреев-дельцов. Я определённо высказал своё мнение: не знаю такого специалиста. Надо рассекретить. Куйбышев поддержал, но ничего не вышло. Я встретился тут с экспертами – порядочными людьми, с которыми свиделся на Гелиевом совещании в Госплане, председатель Ф.Ф.Сыромолотов. Моё появление произвело впечатление – думал для проведения моей командировки Молотовым. Мне потом говорили, что деньги этому иностранцу – мошеннику были уплачены.

13.11.1934

Сейчас удивительный процесс амальгамации евреев с русскими. Браки. То же было в Венгрии недавно? В Испании давно?

6.12.1934

О Кирове всюду говорят только хорошее. Среди отданных под суд Маневич и другие главные следователи по разгрому Академии Наук. По-видимому, глухая борьба Молотова-Сталина с ГПУ. Воспользовались этим случаем или действительно междоусобица? Среди списка тех лиц, которых очевидно хотят расстрелять, есть и партийные, и члены ГПУ (Эйсмонт).

23.12.1934

Тяжёлое заседание закрытое, об исключении Сперанского и Перетца. “Вина установлена” или что-то вроде этого. Не знает никто ничего. Мои попытки, поддержанные и Сперанским, и Карпинским, и Перетцом, были встречены разными возражениями. По существу, после такого заявления правительства решение исключить по Уставу Академии Наук обязательно. Разговаривать нечего, если не протестовать – а где сейчас это возможно. Можно не придти или придти после решения (как сделали некоторые). Бедный Лазарев тоже исключал (Чаплыгин рассказывал, что он едва уговорил Волгина отложить решение – Волгин хотел это сделать и тогда Лазарев не был бы больше академиком). Бах, Келлер, Губкин и другие – стояли на той точке зрения, что сейчас в связи с убийством Кирова надо исключать и тому подобное. Иоффе очень складно говорил о судебном решении и его обязательности и доказанности преступления (я потом в разговоре сказал ему, что о суде нет ни слова в правительственном сообщении. Он, явно было видно, – знал это прекрасно и раньше). Я вотировал за исключение по формуле Надсона – что по непререкаемому смыслу Устава мы должны вотировать исключение, а потом надо пытаться помочь выяснить ошибку или что-то в этом роде, как ни тягостно это делать.

Все были всё-таки не в своей тарелке. Тягостно. Говорят, и Зиновьев, и Каменев арестованы, – а ещё в начале сессии Каменев был официальный кандидат в академики! Всё это свершилось в 2-3 дня. Расстрелянные люди – несколько десятков – никакого отношения очевидно к этим внутривластным событиям не имели. Невинны в этом или невинны вообще? Производит не устрашающее впечатление кругом, а тяжёлое и непонятно гадливое.

После этого заседания – совещание участников депутации у Волгина. Когда я выставил необходимость выдвинуть самое нужное – оборудование и увеличение мощности учреждений и начало стройки в этом году – то Деборин (очевидно мой враг) с пеной у рта возражал, что надо не выдвигать нужды и так далее – а выдвигать то, что может сделать Академия и тому подобное. У меня нет к нему никаких враждебных чувств – он знающий и образованный, но аморальный и неумный.

Волгин, по моему, не понял положения. Он подал около 12 пунктов перед сессией и убеждён был, что не скоро примет

Молотов и недолго будет обсуждать. А между тем депутация (17 человек) была принята Молотовым и обсуждение продолжалось 4 часа.

В сущности выяснилось, что Совнарком ещё не знает сам, как быть дальше. Для него неясно, что такое Академия, он недоволен результатами её работы за советское время. Бухарин, который хотел ставить точки над “і” и указывал, что мы боимся выдвигать чистую науку, а говорят о прикладной – что надо это высказать. По-видимому, Иоффе по его влиянием указал на то, что научные сотрудники в квартирном отношении оказались в невозможном положении – живут в лабораториях. (Я его поддержал).

Говорили Волгин, С.Вавилов, Курнаков, Рихтер (о полиграфии), Келлер, Брицке, Губкин, Иоффе, я (я имел успех в смысле политики систематической стройки научных учреждений): Межлаук поддержал, и мне кажется и Молотов.

Из ответной речи (говорит плохо, но умно) Молотова можно отметить, что Академия наук переведена в Москву:

- 1) для обеспечения подъёма её научной работы,
- 2) для содействия Академии социалистическому строительству, которое всё время было недостаточно,
- 3) чтобы была ближе к правительству.

(ответ Бухарина, что он не знает, для чего переезд в Москву: для того, чтобы она постепенно замерла в Москве или развалилась?)

Несомненно, что недовольство и непонимание работы Академии в Совнаркоме есть.

Сейчас серьёзно ещё не приступали к выяснению.

Ясно, что не подготовили и план переезда, недостаточно и места, и неясна та картина, которую будет иметь Академия наук. Надо иметь ясную картину.

Если дать сейчас 15-20 миллионов рублей на стройку, что вполне возможно – он (Молотов) думает, что будут брошенные деньги, так как ни место, ни план постройки, ни лицо Академии наук в новом её развитии не ясны и не обдуманы. Он думает, что неясно и для Академии и для Совнаркома.

Надо в течение 1-2 месяцев это вырешить и затем вновь с ним обсудить.

Я думаю, что всё это верно. Развёртывание и организация АН не продумана и общего мнения нет.

Молотов указал, что 1935 год должен быть поворотным пунктом и это есть то, что и я думаю.

Но куда? Может ли идти рост научной работы при недостаточной свободе мысли?

Но свободы мысли никогда не было; это идеал.

Из других его указаний интересно: 1) с валютой гораздо лучше, чем раньше. Все обязательства выполнены. Лучше, чем 2-3 года назад. Они считают, что положение теперь прочное. Большое значение имеет добыча золота; сейчас новое большое месторождение открыто.

Из «Хронологии 1934»

«Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова по конспектам Гражданской истории». Падение значения идей Покровского – очень резкое изменение преподавания и научной работы в области истории.

**В.И.Вернадский. Дневники. 1935-1941
(Москва, с.Боровое в Сев. Казахстане)**

10.08.1935

Начал читать, наконец, вышедший том «Энциклопедического словаря» с диалектическим материализмом. 2 или 3 года задержки. Надо прочесть – хотя это трудно свежему человеку. Мысли нет – то есть свободной и ищущей – и надо приладиться к живым и влиятельным людям. Ложная учёность и опасные для реального выводы.

18.01.1936

Вечером Крыжановский и Георгий Павлович Барсанов. Об организации и задачах Минералогического музея. Дело упирается в отвратительный подбор обязательных партийцев-работников. В среднем малоподготовленные и не умеющие работать. Интриганы.

Всюду. В моей лаборатории и Радиевом институте их ещё мало. А, например, у Крыжановского их 2/3 по крайней мере. Дураки.

...Разгром химико-теоретического издательства. Во главе невежественный Рубинчик.

21.06.1936

Прекратилась продажа картин Эрмитажа после личного письма Орбели Сталину, когда хотели продавать Сасанидские и кавказские вещи. Сталин ответил письмом, в котором указывал (фраза не дописана. *Публ.*).

22.06.1936

Он [Чаплыгин – *авт.*] считает, что Кастерин дал гениальное обобщение, вывел всё на почве Ньютона-Максвелла. Эйнштейн выпадает. Чаплыгину удалось в прошлом году поставить Кастерина в такое положение, что ему от правительства дана достаточная сумма для спокойной работы над окончанием его работы жизни. Год истёк, работа не кончена. Из-за напряжения должен временно прервать и отдохнуть. Предложение надо реализовать через Молотова...

Молотов спрашивает Чаплыгина, что отчего это дело не вести через физиков Академии наук, а Чаплыгин указал, что они все считают, что положения Эйнштейна – истина и ни один из них не является достаточно глубоким математиком, для того чтобы разобраться в основах.

5.07.1936

До сих пор все указания Лазарева и его оценки и научной, и политической жизни не учитывались мной как верные – но они всегда будили мысль. Он слишком – в своих отзывах о людях – пристрастный человек и оценивает происходящее в связи с самим собой и кругом интересов, ему близкими.

Таковы его суждения о физиках. Он считал когда-то, что в России не нужно много физиков и физических институтов. Достаточно одного! За границей он пытался проникнуть к видным людям – много рассказывал об этом; в Париже жил по-нашему роскошно. В Италии тоже. Я видел его как-то в Берлине с Эйнштейном: он был почти подобострастен. Он считал – и верил – в общееврейский союз и его силу. Этим объяснял и силу

католичества в Америке. Так что его суждения о переживаемом должны приниматься *cum grano salis* (с осторожностью, придирчиво – лат.).

6.07.1936

Лузин в отчаянном положении... Поднимается вопрос об удалении его из Академии. Лузин думает, что кампанию против него ведёт член-корреспондент Александров, желающий занять место председателя группы.

Сервилизм и страх царят.

9.07.1936

История с Лузиным не даёт покоя... Очевидно, какие-то интриги. Раньше уже было. Тогда Кольман – идеолог математики, теперь тоже, очевидно, математики. Говорили об Александрове, который, хотя ученик Лузина, по-видимому, из карьерных соображений действует.

Николай Николаевич Лузин – благороднейший человек, очень нервный, с глубоким умом. Мне кажется, у него есть мистическое настроение и философский идеализм. Говорят, верующий, православный. Из сибирской купеческой фамилии, есть бурятская кровь. Жена из докторской московской семьи...

Газетная статья «Правды» полна инсинуаций и передержек. Он (Лузин. Публ.) должен был бы подать прокурору и написать Сталину. Но едва ли у него хватит решимости: он неврастеник. Боюсь трагедии. Людей не берегут и на каждом шагу это видно...

Из разговоров здесь виден полный развал высшей школы и отсутствие ясного определённого плана её восстановления.

13.07.1936

...Опять травля Лузина. Бедный – хотел написать ему... Боюсь, что А.Е.Ферсман не на высоте. Он в таких случаях уступает больше, чем нужно. Вечером Зелинский. Николай Дмитриевич Зелинский рассказывал о Лузине... Был его допрос Крыжановским и коммунистами. Верного ничего не известно. Главное обвинение в идеологическом «фашизме». Это теперь новое: в фашизме обвиняют и коммунистов..., и других – говорят, больше 40 арестованы главным образом в Ленинграде, в фашизме обвиняют и молодёжь...

29.04.1937

Говорят об арестах в связи с Ягодой – масса молодёжи. Директора главных театров. Говорят, за последние дни до 600 человек...

О Ягоде начинают сейчас говорить больше, чем раньше. Говорят, у него нашли здесь бриллиантов на несколько сот тысяч рублей, переводы денег за границу. Арестованы его сообщники из чекистов. Сотни тысяч рублей золотом.

Здесь (нрзб.). Один раз, не помню, почему, я был у него в один из его приездов. Не могу вспомнить, какое было дело. Умный еврей – образованный.

Он хлопотал о переселении в Бобораджан (кажется, так) – в еврейскую республику 2-х миллионов евреев из Польши. Положение евреев в Польше ужасное – грозит голодная смерть. Кажется, это верно. Из таких источников польской прессы меня поразила двойственная политика: в пределах Польши – безобразный и преступный гнёт – а рядом поддержка торговли и польской культуры в Палестине...

1.05.1937

...Хотели соединить с Академией Коммунистический научный институт – оказались в нём все почти троцкисты – не было кого ввести в Академию. Устав тот же, что наш. Но там все старые академики почти разогнаны или умерли.

7.07.1937

Очевидно, казни военных и аресты произвели впечатление, которое мы только предполагаем, но о котором не знаем. Результат получается худший: слухи самые разнообразные.

Вчера впервые более точные сведения, которым можно верить, о закрытом заседании судебного процесса.. Между бывшим на процессе крупным военным и мною – два лица, которые неверных сведений не прибавят.

Выяснилось, что открыли, сперва говорили, французская разведка – потом, оказывается, чехословацкая и английская. Обе предупредили правительство. Подсудимые за исключением двух (Фридман или что-то вроде и П. [Примаков или Путна – *авт.*]: оба просили о помиловании. Ф., родившийся в Америке еврей, производил впечатление бесшабашного авантюриста). Тухачевский выделялся. Он заявил, что действовал идейно. Что фашист по

убеждению с 1925 года, что приветствовал Гитлера. Ягода входил в заговорщический центр и принимал меры, создавал ложные судебные процессы и губил людей, чтобы охранить центр: Тухачевский – Гамарник – Ягода. Весь мобилизационный план обоих западных пограничных армий был выдан. Сейчас спешно переделывается – но, конечно, это катастрофа. Тем более, что, конечно, помимо этих арестов много военных арестовано. Я понимаю поэтому, почему Гитлер утверждал, что Сталин непрочен и что военная сила большевиков кажущаяся. Эти его заявления и по радио, и публично сюда не проникли. Эйдеман – латыш, Кох, которого я видел, когда взяли Крым – немец.

Люди, по-видимому, средние, кроме, может быть, Тухачевского, – как средние люди большинство управляющих нами – кроме головки – Сталина, Молотова.

Очевидно, сейчас с силой нашей армии не считаются. Насколько долго она парализована?

Счастье, что открылось не во время войны. Но открыто не своими. Здесь полное фиаско. Выбор людей вообще плохой.

Может быть, масса армии выше своей головки? Это неизвестно. Но и польская, и немецкая армии – не на высоте. Итальянские генералы и офицеры явно ниже среднего. Может быть, это спасёт положение.

19.07.1937

Арестован, по-видимому, Сулимов, теперь Крыленко. Любопытно: отношение ещё более безразличное. При массе арестов среди интеллигенции – арест среди коммунистов исчезает в своём значении. Даже чувствуется настроение злорадства. Очень ухудшились строгости в лагерях и тюрьмах. В общем, крупных людей, ценных самих по себе – нет, это всё обыденные люди, ничем не выдающиеся. Из генералов, может быть – Тухачевский, из других людей – Бухарин, Радек, может быть, Пятаков – выше среднего. Мы здесь видим, что положительная творческая работа делается «беспартийной» интеллигенцией, такими людьми, как Сталин, Молотов, Гринько, может быть, – а не всей бесчисленной массой коммунистов, морально, идейно и по талантливости ниже среднего уровня.

Среди интеллигенции ясно слушается и распространено убеждение, что политика Сталина-Молотова – русская и нужна для государства. Их партийные враги – враги и русского народа, если

брать его государственное выражение, несомненно связанное с культурой.

4.01.1938

Две взаимно несогласованные инстанции – вернее четыре: 1) Сталин, 2) центральный комитет партии, 3) управление Молотова – правительство Союза, 4) Ежов и НКВД. Насколько Сталин объединяет?

13.01.1938

Говорят, вчера слух – верный в университетской среде, что Д.Д.Плетнёв умер в тюрьме. Политическое убийство личных врагов. Он болел сахарной болезнью, которая осложнилась от перенесённого...

В гибели Плетнёва, честолюбивого врача (одного из наиболее образованных у нас), резкого, самоуверенного, имевшего множество врагов... Д.Д.Плетнёв не был юдофобом – но он не скрывал своего отношения к той бездарной и недостаточно знающей среде еврейских врачей, которые захватили «тёплые местечки». Вышинский, врачи-враги, лечение им Тухачевского и К° сыграли роль в его трагедии.

Я ещё недавно на консилиуме с ним виделся. Он был очень возбуждён и говорил – при моём враче (М.Н.Столяровой), которую ни он, ни я не знаем вне профессиональных встреч, совсем лишнее.

20.11.1938

Всё больше слышишь о вредительстве Ежова.

25.02.1938

О Кавказе. Люди убеждены: на Сталина готовили покушение. Там беспощадная расправа.

26.02.1938

Слухи о новом процессе – публичном (Бухарин, Дыбенко, Крыленко и так далее – слух от Кагановича. Бухарин, говорят, в Суздальской тюрьме. Жив. Необходимо для поднятия настроения масс.

27.02.1938

Уже ровно год как арестован Михаил Владимирович Шик в Малоярославце. Это попытка удалить из общества верующего православного, никакой политикой не занимающегося – в ней даже в наших условиях – они его обвинить не могли. Еврей, принявший православие, когда это опасно, искренне и глубоко верующий, ученик С.Трубецкого, человек высокой моральной чистоты и широчайшего образования, отец 5 детей с больной женой Наташей Шаховской – мне кажется ещё более талантливой, чем он.

9.03.1938

Глубокое впечатление от процесса Бухарина и К^о на всех и на меня. Заставляет многое критически переработать и передумать.

14.03.1938

В связи с только что закончившимся процессом вспоминается время террора в Ленинграде после убийства Кирова. Всё в этом процессе смазано. Теперь выясняется, что Ягода знал раньше о подготовке покушения на Кирова и, можно сказать, участвовал – допустил, во всяком случае – убийство.

Выбор Кирова – совершенно исключительный. Крупный идейный человек: после его смерти ни одного плохого отзыва я не слышал, а наоборот, многое хорошее узнал. Выяснилась крупная фигура с большим будущим. Говорили перед этим, что Сталин выдвинул его как заместителя или себе, или Молотову. Я видел его один раз.

В это время ... в Петербурге был Ферсман, приехавший для свидания с Кировым: в связи с Хибинами. Он готовил доклад. Поразило, что были приняты меры: прежнего секретаря Кирова не было, говорили, что он застрелился. Доступ к Кирову был затруднён – формальности, которых раньше не было.

Слух об убийстве распространился в городе сейчас же. Говорили, что убийца – партиец видный. С Николаевым мы в Радиевом институте сталкивались, так как он был важным лицом в РКК (в районной контрольной комиссии. – *Ред.*).

Говорили, что сперва прилетел Ягода – затем экстренным поездом Сталин и Молотов.

Сразу было сменено всё ленинградское ГПУ снизу доверху, и из Москвы приехали новые... , которых выдвинул Сталин. Это теперь помощник Ежова – Зайковский (?). Его брошюру о шпионаже

я читал. Бездарный и мгновенно (сделавший карьеру? – Ред.) – малообразованный.

Сейчас же, к удивлению населения, стали искать людей не из той среды, которая убила. Были расстреляны в Москве, Ленинграде, Киеве случайные люди и начали террор среди «бывших» людей – выслано было 40 000, как и теперь страдают совершенно невинные, например, Т.П.Дон. Сергея Митрофановича Зарудного едва тогда отстояли. Было ясно – это двинуло следствие не в ту сторону. Тогда уже указывали на странный характер дела: убит видный коммунист – вся тяжесть дела направлена в другую сторону – заметали следы. Новые гепеушники в незнакомой обстановке, перегруженные «работой», засыпали среди обысков и допросов.

Тогда подозревали – теперь стало ясно.

Очевидно, верхи отрезаны от жизни. Две власти – если не три – ЦК партии, правительство Союза и НКВД. Неизвестно, кто сильнее фактически.

«Цель оправдывает средства» – применялось вне партии, а тут выяснилось, что и внутри.

Это рассказано было всё на суде.

Но та прочность, которую я себе представлял, и видел силу будущего – очевидно, не существует. Разбитого не склеишь. Подбор людей (и молодёжи) в партии *ниже* среднего уровня страны – и морально, и умственно, и по силе воли.

Процесс заставляет смотреть с тревогой в будущее, больше, чем мне это раньше казалось надо было.

26.03.1938

Жалкое и неприятное впечатление – Данилов – управляющий делами АН СССР и председатель отдела кадров. Совершенно щедринский тип из города Глупова. В партии собираются подонки и воры, и Тит Титычи. Пока их уберут – они уже напакостят.

28.03.1938

Ужасающее впечатление – новая молодёжь, входящая в управление Академией.

29.03.1938

Несомненно, вся историческая обстановка (процессов – *авт.*) фальшивая – например, роль и значение Сталина (а не Троцкого-

Каменева т т.д. в эпоху междоусобной войны) – но с другой стороны, мне кажется, по моральному и идейному уровню – «все средства хороши» и реально партии верят. Полный развал и «измена» в масштабе мировом и партийном масштабе исчезает. Что им Россия?

5.04.1938

По радио за последние 1-3 ночи обращение от «Союза Освобождения России». Название от старого внепартийного «Союза Освобождения» 1903 года. По-видимому, радио не немецкое. Гнёт Сталина. Идеал Ленина, Сталин повернул, изменил революции. Внешняя политика Сталина-Литвинова ставит Россию в опасное положение изоляции. Собственность не на орудия производства. «Кровавый Сталин». Бухарин не изменял. Ежов террором разрушает. Они (дикторы) рискуют жизнью, говоря – но не боятся. Страна организуется и свободу добудет. Ежов дал приказ найти их. Мужской и женский голоса. Два дня (может быть и больше) свободно, теперь заглушаются всё больше.

3.05.1938

Сейчас как раз углубляюсь в диалектический материализм и создающуюся у нас философскую обстановку. Удивительное явление в духовной истории русской мысли.

8.05.1938

Ужасная работа М.А.Усова о тектогенезе – ничего не понять – принял всерьёз «Диалектику природы» Ф.Энгельса. Жаль талантливого научного исследователя и энергичного работника.

30.05.1938

Вчера два заседания. Хаотические. Среди выступлений... Иоффе и Семёнов. Не поймёшь, что они предлагают и думают. Едва ли неумение выступать. Оба талантливые – но для обоих нет доверия к их результатам. «Планы» Иоффе поразительны по их реальной неприспособленности... Попытки Иоффе захвата у нас циклотрона. В качестве негра он выдвинул Тамма. Семёнов при выборах пытался присвоить заслуги покойного Лебедева.

4.11.1938

Молочница не приносит молоко – праздники.

Какое будущее православия или, вернее, религии? Я думаю фактически она очень сильна. Невероятно глупа антирелигиозная пропаганда. Частию борются с суеверием, не касаясь основ, частию в научных приложениях невежество – выдают за истину старые гипотезы и догадки. У меня было объяснение в связи со сборником, который хотят издавать безбожники: указал на невежественную пропаганду и на отсутствие какой бы то ни было опасности в настоящую историческую эпоху у нас от религии. Отказался. Бах и Губкин обещали (принять участие) по словам бывшего у меня сотрудника. Мелкое, но тяжёлое преследование в быту продолжается – но эффект сегодня вижу обратный.

(Из Примечаний. Речь идёт о сборнике «Знатные люди Страны Советов о религии». М.: Госуд. антирелиг. Изд-во, 1939. 126 с. В этом сборнике содержатся резкие антирелигиозные высказывания, типа интервью, нескольких десятков известных деятелей культуры и науки, а также стахановцев, лётчиков и полярников... Были и крайне радикальные тексты, композитор Д.Д.Шостакович писал: «К созданию антирелигиозной оперы следует отнестись очень серьёзно. Тут не отделаешься шуточками и смешками по адресу церковников. Нам нужно могучими средствами музыкального искусства, очень понятного массам, раскрыть невежество и мракобесие людей церкви, контрреволюционное нутро многих из их, их подрывную работу по заданию врагов народа из иностранных разведок». Указ. Соч. С. 116).

8.11.1938

Такие бездарности, как Юдин, Митин – царят в нашей философии. Далеко на них не уедешь.

9.12.1938

В ряде учреждений есть антисемитизм среди партийных. Мне кажется сейчас, что на видных местах число евреев уменьшилось.

(Из Примечаний. К концу 1938 в рамках общей политики «борьбы с националистическими уклонами» была завершена ликвидация большинства еврейских общественных организаций, национальных школ, почти всей прессы на идише. Ещё в 1930 была закрыта Еврейская секция при ЦК ВКП(б) (существовала с 1918), а её лидеры в 1938-1939 – арестованы и расстреляны по обвинению

в шпионаже и терроризме. К началу 1939 2/3 синагог были закрыты, а в большинстве остальных не было раввинов (в 1938 был расстрелян раввин Москвы). Уже в середине 30-х годов расформированы научные институты при Академиях наук УССР и БССР, например Институт еврейской пролетарской культуры АН УССР. Резко сократилось число лиц еврейской национальности в руководстве НКВД, НКВД, центральном государственном и партийном аппарате (подробнее см.: *Солженицын А.И. Двести лет вместе. Кн. 2. М.: Русский путь. 2002. С. 295-326*). В качестве резюме этого сюжета процитируем указанный источник: «Сталин... к середине 30-х годов... на примере Гитлера видел, как невыгодно поставить себя в мире, объявляясь врагом евреев... Однако широким фронтом борясь против троцкистов, он конечно, видел для себя и эту сторону: ещё рассвободиться, сократить влияние евреев в партии. А тут, кажется, приближалась и война? И Сталин стал угадывать, что скоро... вознуждается он в понятии «родины», да даже и с большой буквы». – Указ соч. С. 326).

19.12.1938

Как могли Чкалова не уберечь?

29.12.1938

Все продукты исчезают. Указывают на недостаток топлива. Полное расстройство транспорта. Резкое ухудшение. Очень пал авторитет Кагановича. Геологический комитет разгромлен – и ничего на его место.

30.12.1938

Полный разгром Геологического комитета – старые работники остаются без работы. Меры совершенно дикие. Всё более убеждаюсь в бездарности и самомнении Кагановича.

2.01.1940

В сентябре 1938 вышла работа И.Сталина «О диалектическом и историческом материализме», оказавшая большое – в общем положительное, влияние на постановку научной работы и преподавание исторических наук в нашей стране»

В редакторских *Примечаниях* к этой записи сказано, что её «трудно согласовать с пафосом его отрицания диалектического

материализма в рукописи книги “Научная мысль как планетное явление” (§§ 152-156), которую он готовил в 1938».

На самом деле эту запись нужно соотносить с другой, сделанной ещё в 1934 (см. выше последнюю запись из дневников 1926-1934 гг.). Да и в другом месте тех же *Примечаний* об этом говорится совершенно ясно: «Строго говоря, положительные изменения в постановке преподавания истории начались гораздо раньше, с 1934 г., когда появились “Замечания И.В.Сталина, С.М.Кирова и А.А.Жданова” по конспектам учебников истории и одновременно **начался разгром школы историков академика М.Н.Покровского**. 1.IX.1934 в МГУ был восстановлен исторический факультет с пятью кафедрами, в январе 1936 последовало Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об учебниках по истории”, в 1939 были опубликованы новые вузовские учебники по истории». То есть на самом деле речь шла о спасении лучшего из того, что есть. – *Авт.*

* * *

Для полноты картины приведём дополнительные сведения об осмыслении событий того времени из труда В.В.Кожина «История Руси и Русского Слова. Современный взгляд» (М. 1997), из главы «Специальный экскурс: история Хазарии» (с 208-265):

«Прямую причастность исторического знания, историографии к самой истории необходимо понять и оценить. Нет сомнения, например, что русские летописи XI - XVII веков играли в своё время очень существенную “практическую” роль, определяя направление деятельности князей и, затем, царей, а также воевод, бояр, церковных иерархов... Историческая наука являлась и является чрезвычайно важной составной частью самой истории и в позднейшие времена. Можно бы убедительно показать, что правительство России и в XVIII, и в XIX, и в начале XX века уделяло очень большое внимание развитию историографии. И, пожалуй, ещё более активно отнеслись к исторической науке те, кто пришёл к власти в России в 1917 году. Это ясно видно по судьбе русских историков, и, в частности, Н.В.Пигулевской.

Н.В.Пигулевская была лучшей ученицей крупнейшего русского гебраиста П.К.Коковцова (1861-1942; умер в блокадном Ленинграде). В 1920-х годах вышли в свет её первые работы. Но в конце 1920-х годов она была арестована (между прочим, в одной

подследственной группе с М.М.Бахтиным) и отправлена в Соловецкий лагерь. Это было одним из проявлений тогдашней тотальной программы уничтожения основ русской культуры; выше (на стр. 189 – *авт.*) уже упоминалось о широкомасштабных репрессиях 1929-1930 годов, обрушившихся на многих виднейших представителей исторической науки во главе с академиком С.Ф.Платоновым. Сейчас начинают появляться первые “расследования” этой злодейской акции.

В июне 1929 года атаку на русских историков в Академии наук предприняла специальная «Правительственная комиссия» под руководством члена Президиума ЦКК (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б) Я.И.Фигатнера; в октябре по настоянию Фигатнера, – сообщается в нынешнем “расследовании” этой атаки, – «срочно прибыли председатель Центральной комиссии по чистке Я.Х.Петерс и член президиума той же комиссии Я.С.Агранов (то есть уже из верховных кадров ОГПУ. – *В.К.*)... В настоящее время нам известны имена почти полутора сотен человек, арестованных в период с октября 1929 по декабрь 1930. Наверняка учтены не все... Две трети арестованных – историки и близкие к ним музееведы, краеведы, архивисты, этнографы» (Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. М., 1991, с. 204, 209).

Главным “обвиняемым” комиссия Фигатнера сделала выдающегося историка С.Ф.Платонова (1860-1933) – ученика К.Н.Бестужева-Рюмина (1829-1911) и В.О.Ключевского (1841-1911). И напомним хотя бы несколько имён его арестованных тогда “подельников”: С.В.Бахрушин, С.Б.Веселовский, Ю.В.Готье, Б.Д.Греков, М.Д.Приселков, Б.А.Романов, Е.В.Тарле, Л.В.Черепнин. Эти люди, как и целый ряд других подвергшихся в то время аресту – цвет русской исторической науки. Если бы они исчезли, развитие этой науки попросту прекратилось бы (оно и в самом деле почти полностью остановилось тогда на несколько лет); новым поколениям историков не у кого было бы учиться.

Большая роль в “разоблачении” крупнейших русских историков принадлежала “новым” псевдоисторикам, этим, – как сказано в современном “расследовании” сего дела, – «... “неистовым ревнителям” типа Цвибака, Зайделя, Томсинского, Фридлянда, Ковалёва» (там же, с.209). Так, Цвибак заявил в своём “докладе” во время следствия, что С.Ф.Платонов объединяет «всех мелко и крупно-буржуазных и помещичьих историков... Кулацко-крестьянская контрреволюция изнутри, иностранная интервенция

извне и восстановление монархии – вот программа политических чаяний платоновской школы» (Вопросы Истории, 1989, 5, с.128).

Историков обвиняли, естественно, и в пропаганде русского “национализма”, “шовинизма”, даже “фашизма”. Атмосферу следствия хорошо передаёт рассказ о допросах С.Ф.Платонова, которые вёл начальник одного из отделов ленинградского ГПУ Мосевич: «Когда Мосевич спросил: как мог Платонов пригласить заведовать отделением Пушкинского Дома (С.Ф.Платонов был его директором с 1925 по 1929 год. – В.К.) еврея Коплана, то получил ответ: “Какой он еврей: женат на дочери покойного академика Шахматова и великим постом в церкви в стихаре читает на клиросе”. После этого Коплан получил пять лет концлагеря!» (Звенья, с. 215).

Из этого ясно, что удар был направлен не против неких “шовинистов”, а против деятелей русской культуры независимо от их национальной принадлежности (арестованный Е.В.Тарле, например, также был русским историком еврейского происхождения). И, казалось, дело шло к тому, что одна из основ русской культуры – историческая наука – уже перешла грань полной гибели.

Однако в какой-то последний момент в ход дела вмешалась пока до конца ещё не ясная сила: «Как ни старались, однако, опорочить Платонова и его коллег, что-то застопорилось, надломилось в, казалось бы, хорошо отлаженной машине следствия...» (Вопросы истории, 1989, 5, с. 129). И исчезнувшие историки постепенно начали возвращаться; к 1937-1938 гг., когда, в свою очередь, были репрессированы Фигатнеры и Аграновы, Зайдели и Фридлянды, почти все арестованные в 1929-1930 годах уже работали; *почти* все, ибо несколько историков старшего возраста – в том числе и С.Ф.Платонов – скончались до “реабилитации”... Кстати сказать, иные продолжали работать и в ссылки, и даже в тюрьмах; С.Ф.Платонов 9 июля 1931 года сообщил дочерям (которые также были вслед за ним арестованы) из камеры: “... разобрал кое-что из моих бумаг... Выяснены некоторые родословные...” (Звенья, с. 214).

Вернувшиеся создавали и публиковали новые труды, работали с многочисленными учениками, готовили к изданию сочинения своих учителей и скончавшихся соратников; так, в 1937-1939 годах вышли в свет важнейшие работы В.О.Ключевского, С.Ф.Платонова, А.Е.Преснякова, П.Г.Любомирова (которые ещё недавно

оценивались как “контрреволюционные”). Многие возвратившиеся из небытия стали членами-корреспондентами и академиками, лауреатами и орденоносцами... И без этого “поворота” не было бы, без сомнения, тех достижений русской исторической науки 1960-1980-х годов, которые осуществили ученики “реабилитированных” к 1937 году учёных...

Среди историков, вернувшихся после ареста и осуждения (в 1929 году) в науку, была и Нина Викторовна Пигулевская. Сначала она смогла (в 1934 году) поступить на работу только в далёкий от её интересов Институт истории науки и техники, но в 1937 году стала научным сотрудником Института Востоковедения. В 1938 вчерашней заключённой была присуждена (даже без защиты) степень кандидата наук, а уже в 1939 – доктора и после войны, в 1945 году – звание профессора; в 1946-м она была избрана членом-корреспондентом Академии наук. Во время ленинградской блокады Н.В.Пигулевская была заместителем директора Института востоковедения и исполняла свои обязанности с истинной самоотверженностью. С 1952 года она стала заместителем председателя (фактически руководителем) существовавшего с 1882 года Российского Палестинского общества и ответственным редактором одного из самых высококультурных ежегодников – “Палестинского сборника”.

Сей экскурс в драматическую и даже трагедийную историю русской исторической науки в 1920-1930-х годах имеет, быть может, не вполне очевидную, но глубокую связь с той давней эпохой (с историей Хазарии – *авт.*), о которой идёт речь в моём сочинении» (Кожин. История Руси и Русского Слова, с. 214-216).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

О ПИСЬМЕ РОССИЙСКИХ АКАДЕМИКОВ ПРЕЗИДЕНТУ В.В. ПУТИНУ

В двадцатых числах июня 2007 года многие СМИ перепечатали Открытое письмо академиков РАН президенту В.В.Путину. В числе подписантов – лауреаты Нобелевской премии Ж.Алфёров и В.Гинзбург.

Как пишут комментаторы, письмо предельно показательно: оно «чётко демонстрирует состояние умов корифеев российской науки и шире – целого класса учёных-технарей с особым взглядом на жизнь, на мировоззрение, на общественные процессы. Очень интересно зафиксировать это состояние, поскольку во многом именно от технократической элиты зависит то, как мы будем жить в скором будущем» (Д.Тукмаков. Письмо академиков. // Завтра, № 31 (715), август, 2007).

По своей форме письмо – это требование обуздать “антиконституционную клерикализацию общества”. А по сути – это выражение страха перед заявляющими сегодня о себе попытками поколебать монополию “материалистического видения мира”, сложившуюся в стране за несколько последних десятилетий. «Через всё письмо проходит утверждение: в системе государственного образования должна быть монополия материалистического понимания мира» (А.Кураев. «Физики» против «лириков» // Литературная газета, 1-7 августа 2007 г., № 31).

Между тем опасность, исходящая из монополии материалистического понимания мира, осознаётся не только церковной, но и светской общественностью России. В частности, о ней много писали и мы. И дело здесь не только в том, что *материализм – это светская разновидность иудаизма и мощнейший инструмент евреизации общественного сознания* (см. «Феномен еврейства как загадка истории культуры», гл. «Специфика мышления», «Заключение»). Предельно широко наша точка зрения на обсуждаемый вопрос выражена в нашей работе «Нравственное возрождение России и проблема смены мировоззренческой парадигмы». В этой работе мы показываем, что выбор между “заповедником для духа” (верой без знания) и “капканом для духа” (знанием без веры) – это псевдовыбор. То есть с нашей точки зрения любые враждующие друг с другом

крайности полузнания (или “идеализм”, или “материализм”; или “вера”, или “наука”, или “идеалы”, или “интересы” и т.п.) – это вечная казуистическая ловушка (“или-или”), в которой истощается духовно-нравственная энергия Человека, гасится его воля к социальному творчеству и формируются модели антиобщественного поведения (будь-то бессильное “бегство от мира” или творимый в нём бессовестный произвол).

Псевдовыбором, с нашей точки зрения, является и эклектическая комбинация из “веры” и “знания” (для науки – материализм, а для души – Бог): такая комбинация способна лишь породить шизофреников, у которых правая рука не знает, что делает левая.

Единственный реальный выход из ситуации “псевдовыборов” представляется нам осуществимым на путях удовлетворения назревшей общественной потребности в смене теоретических установок и мировоззренческих предпосылок. То есть выход – в надежде на новую мировоззренческую парадигму и на “реабилитацию” в её рамках нравственной проблематики.

Если поймём это, то сумеем высвободиться из “капкана”.

Но если высвободимся из “капкана”, то совершенно по-новому сумеем оценить и природу хранящегося в “заповеднике” наследия – того наследия, которое традиционно принято называть “нравственными устоями общества”.

Пресс-служба Института нравственности

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

СПРАВКА ОБ ИНСТИТУТЕ НРАВСТВЕННОСТИ

Институт нравственности, образованный в 2005 году – это не традиционный орган управления и контроля и не научно-образовательное учреждение. Это своего рода “интеллектуальное предприятие” со стратегическими функциями и с переменными структурными параметрами, инструмент разработки и внедрения новых социальных технологий, маневренное орудие общественного проекта “Институт нравственности”. Последний уместнее всего сравнить с “институтом демократии”, – с той поправкой, что проект “Институт нравственности” является выражением общественной потребности в преодолении социальных болезней (коррупции, терроризма, политического лицемерия и цинизма, двойных стандартов и др.), порождаемых *чисто формальной природой* института демократии. В сущности, проект “Институт нравственности” – это всего лишь констатация того факта, что **демократия без нравственности – пустой звук** и что все её основополагающие принципы, начиная с выборности властей и кончая их разделением, *будучи подчинены разлагающей сверхвласти денег*, обесмысливают само понятие народовластия.

Причина возникновения Института нравственности обусловлена переживаемым нами сегодня периодом социальной разрухи, когда многие государственные институты исполнительной, законодательной и судебной власти под влиянием идеологии сверхвласти денег начинают имитировать социальную функцию государства. Несмотря на запрет обязательной идеологии в государстве, отраженной в статье 13 Конституции России, по факту на территории Российской Федерации в органах государственной власти установлена идеология наживы любой ценой, идеология поклонения «золотому тельцу». В коридорах государственной власти деньги вышли за пределы своей основной функции – эквивалента стоимости произведенной продукции. Им стали поклоняться как идолу, видеть в них функцию власти и активно превращать государственную власть в товар. Сложился культ денег, парализовавший исполнительную, законодательную и судебную власти. Мировоззрение многих руководителей стало

“монетарным”, ориентированным на извлечение прибыли любой ценой. Новая “вера в сверхвласть денег” привела страну к социальной катастрофе.

Признаки социальной катастрофы:

1. Среди населения страны подорвана идея служения государственным интересам России. Институт общественной службы, основанный на добросовестности, стал подменяться политической коррупцией, основанной на использовании политических партий и общественных движений для извлечения прибыли, личного обогащения любой ценой и имитации работы партий и общественных движений.

2. Отдельные лица, фамилии которых известны любому россиянину, стали наносить ущерб безопасности России путем личного обогащения любой ценой, в том числе террористической деятельности, организованной преступности, коррупции, незаконного оборота оружия и наркотических средств, контрабанды, торговли людьми, проституции. Государственная служба в некоторых регионах превратилась в бизнес. Предприниматели на местах попали под гнет произвола ряда руководителей, ставших жертвой культа всевластия денег и личного обогащения любой ценой.

3. Чрезмерная открытость российского общества и возросший сегмент зарубежной информационной продукции, культивирующей паразитический образ жизни и стяжательство, создали опасную деформацию информационного пространства Российской Федерации. Частные средства массовой информации полностью овладели российским рынком оперативной информации. Сложившаяся система массовой информации в России создала благоприятные условия для реализации недружественными силами сбора широкого круга сведений по научным, хозяйственным, военным и политическим вопросам, а также по формированию круга лиц, способных оказывать влияние на общественное мнение и выработку федеральной и региональной политики. Для сбора подобной информации широко используются различного рода негосударственные организации, фирмы и фонды, деятельность которых на территории Российской Федерации никем не контролируется. Между тем эта деятельность направлена на обострение политических противоречий вплоть до гражданских столкновений.

4. В управленческих элитах, контролирующих органы власти, ротация кадров зачастую осуществляется административными преступными группами (или административными бандформированиями) в их личных материальных интересах. *Это обстоятельство является главным источником угрозы безопасности России.*

Идеологическое обеспечение деятельности административных бандформирований основано на всевластии денег. А её финансовое инвестирование из-за рубежа способно полностью подчинить любой орган хозяйствующей и политической власти враждебным для страны и народа интересам.

Прямой итог деятельности административных бандформирований таков, что большинство граждан страны оказались на социальном дне, стали нищими в результате имитации реформ. **В регионах России начались деструктивные процессы, грозящие потерей государственного управления.** *Местные административные бандформирования ведут передел государственной и частной собственности, ликвидируют производственную базу страны, поддерживают коррупцию, используя для этого денежные атаки на принимающих решения лиц или же прямое насилие над ними (физическое, правовое, судебное, административное).*

5. Выборы превращены в доходное дело. В системе государственного управления сформировалась паразитарная прослойка лиц, осуществляющая посредничество между иностранным капиталом и национальным рынком. При этом данное сообщество обогащается в ущерб интересам подавляющего большинства населения. Вольно или невольно паразитическая группировка лиц во власти действует в интересах иностранных держав, выступая коллективным агентом влияния.

6. Идет захват административными бандформированиями природных ресурсов страны, которые по Конституции РФ являются общенародной собственностью.

7. Произошла приватизация государства, его аппарата и институтов. Должность чиновника любого ранга стала синекурой – местом, позволяющим за определенное денежное вознаграждение регулировать доступ к национальному богатству и бюджету. Все это сцементировало антинародную сверху донизу власть, которая сегодня представляет собой взаимовыгодный альянс из сидящих

на “трубе” нефтегазовых паразитов, коррумпированных чиновников и этнических преступных группировок.

Для населения страны очевиден кризис системы государственного управления.

* * *

Выход из сложившейся ситуации видится различными политическими силами страны по-разному. Но для всех очевидно, что строить планы на будущее нужно, исходя из реально существующей ситуации. А ситуация такова, что без замены *антисоциально настроенного* аппарата государственного управления на *социально-ориентированный* уже не обойтись.

Естественно, что стандартное мышление подсказывает и стандартные сценарии действий по замене властного аппарата. Причём всё потенциальное разнообразие таких сценариев сводится обычно к выбору между двумя основными: умеренным и радикальным. По умеренному сценарию нам предлагают научиться выбирать в органы власти *правильных* депутатов, которые якобы и наведут порядок. По радикальному сценарию нас призывают выйти на улицы, на митинги, на демонстрации протеста, под пули и дубинки омоновцев.

В умеренном сценарии нам предназначена роль “стада баранов”, а в радикальном – роль “пушечного мяса”. И в обоих сценариях нам предназначена роль “массовки”, руководимой “козлами-provокаторами” – массовки, которую используют “по полной” и про которую тут же забывают, как только она выполнит свою функцию.

Есть и третий сценарий. Суть его в том, чтобы оружие, обращённое сегодня против нас, научиться использовать в своих собственных интересах.

Речь идёт об овладении **управленческим, организационным оружием – о новых технологиях социального управления**. Но чтобы понять, как использовать это оружие в собственных интересах, нужно знать, как именно оно работает против нас.

Здесь нужно выделить два момента:

Во-первых: против нас управленческое оружие работает по принципу “разделяй и властвуй”. То есть, путём искусственного возбуждения и постоянного раздражения в народах бывшего Советского Союза разного рода болевых точек (объективных

противоречий, исторических обид, территориальных претензий, национальных амбиций и т.д.) страна делится на ряд суверенных государств. То же самое делается и внутри новообразовавшихся государств, в частности – внутри Российской Федерации, где в ход идёт разжигание уже не только этнических, но и других противоречий: религиозных, культурных, социальных. Одновременно разрушается и всё то, чем обеспечивается целостность самого большого, государствообразующего народа Российской Федерации – русского народа. А именно: высмеиваются его традиции, очерняется история, демонизируется сам народ как “враждебный цивилизации”, как “невосприимчивый к правовой культуре”, как “патологически несовместимый с институтом демократии”. Всё это делается тем успешней, что и по советской, и по псевдодемократической конституциям русский народ, в отличие от всех других населяющих нашу страну народов, оказывается лишён статуса *государственного субъекта* (каковой обладает, согласно Конституции РФ, «всей полнотой государственной власти» – раздел первый, глава 2, статья 73). То есть в собственной стране русский народ находится на *внеюрисдикционном, незаконном, нелегальном положении абсолютно бесправного*, – чем и объясняется в конечном счёте трагизм нынешнего состояния и его самого, и России в целом.

Как следствие, денационализированный, деморализованный и дезориентированный русский народ всё меньше и меньше ощущает себя единым, – он становится игрушкой в руках кукловодов, скопищем “объектов отработки условных рефлексов” с помощью проплаченных средств массовой информации.

Во-вторых: главный удар, призванный обеспечить эффективность политики “разделяй и властвуй”, наносится по базовым принципам исторической организации нашего общества, по его духовным устоям: по совести, нравственности и справедливости, которые объявляются “пережитками традиционализма”, мешающими “браться от жизни всё, что хочется”. Навязываемый нам отказ от нравственных устоев – это и есть тот спусковой механизм, которым приводится в действие эскалация “разрухи в умах”, а, следовательно, и сама “атомизация” общества с его последующей деградацией. **Взамен же нравственных устоев как идеологической сверхвласти всякого нормального общества во главу угла ставится** официально не объявляемая, но реально поощряемая нынешним руководством страны

идеология “обогащения любой ценой”, или идеологическая сверхвласть денег, активизирующая низменные человеческие инстинкты.

Естественно, что реальной, причём анонимной властью, манипулирующей правительствами независимых внешне государств, оказывается в этих условиях мировая финансовая олигархия, она же – дирижёр политики “разделяй и властвуй”.

* * *

Можно ли управленческое оружие, основанное на таких изощрённых принципах, заставить работать не против нас, а на нас?

Мы считаем, что можно: и в отношении принципа “разделяй и властвуй”, и в отношении его идеологического обеспечения. Наша точка зрения сводится к следующим двум моментам:

1. Сегодняшняя российская властная “элита”, ставшая таковой благодаря приватизации общенародной собственности – это не монолит; в ней можно выделить две разнородные по своему характеру группы. Одна группа – это российский “филиал” мировой финансовой олигархии, другая – все “остальные урвавшие”, представители “туземной” олигархии (бывшие комсомольцы, красные директора, партийная бюрократия, представители силовых структур и т.д.). О качественном различии кадрового состава этих групп можно судить, в частности, по обронённой однажды А.Чубайсом фразе: «В силовых структурах мало наших людей». По факту в этих группах (назовём их условно “филиалом” и “остальными”) прослеживается вполне очевидная разность интересов, суть которой состоит в следующем. Обе группы приватизировали в своё время общенародную собственность за бесценок под “цивилизованные гарантии” мировой финансовой олигархии. Соответственно, обе они попали в непосредственную зависимость от неё, – потому что выручку от приватизации разместили в подконтрольных ей западных банках. Но “филиал”, как *органичная* часть “головной организации”, зависимостью от неё не тяготится; “остальные” же пытаются от этой зависимости избавиться. Почему? Потому, что в условиях нарастания западных кампаний по разоблачению “русской мафии” и объявлению её банковских счетов “нелигитимными” под угрозой оказываются, как правило, богатства представителей группы “остальных”, а не

“филиала”. А это в первую очередь заставляет задумываться о собственных перспективах именно “остальных” – “туземную” олигархию.

С “филиалом” всё ясно: ненавидимый здесь, он всегда найдёт прибежище на Западе. С ним поэтому разговаривать не о чем. А вот с “остальными” иначе. Ненавидимые здесь и никому не нужные там, чувствующие, что почва уходит из-под ног, они (точнее – самые вменяемые из них) начинают испытывать “комплекс Исава, продавшего первородство за чечевичную похлёбку”. То есть, они начинают догадываться, что их, как лохов, обвели вокруг пальца: что западные кампании по разоблачению “русской мафии” и арестам её банковских счетов предусмотрены изначальным сценарием тотальной приватизации, что «*национальные проекты* тотальной приватизации – всего лишь временный, переходный этап» (А.С.Панарин. Народ без элиты, с. 31) и что на следующем этапе их всех ждёт либо тюрьма и “законный” отъём денег там, либо “жизнь на вулкане” (постоянные угрозы “разборок” и прочих внеюрисдикционных эксцессов) здесь.

В конечном счёте “остальные” начинают понимать, что сколько-нибудь обнадеживающая перспектива у них возможна только в России – на условиях определённого компромисса с ограбленным народом. Соответственно, они уже внутренне готовы к такому компромиссу.

Вот здесь-то и оказывается возможен конструктивный диалог с той влиятельной и дееспособной частью “остальных”, которая представлена *служилым сословием* силовиков: гарантирование им (и другим “остальным”) достойной перспективы в обмен на обезвреживание “филиала” и использование его финансового ресурса в общенародных целях.

2 - Обезвреживание “филиала” – это не самоцель, а всего лишь предварительное условие решения главных задач. Дело в том, что обезвреживание “филиала” без обезвреживания его главного оружия – *идеологии “обогащения любой ценой”* – это то же самое, что и отрубание голов Змея Горыныча, у которого вместо каждой отрубленной головы вырастают по три новых. Обезвредить же оружие “филиала” можно только одним способом: противопоставлением ему единственно-возможной идеологической альтернативы – *идеологии нравственности*, на основе которой к административному и правовому рычагам государственного

управления добавляются рычаги *нравственного осуждения* и *нравственного принуждения*. Только лишь на этом пути становятся осуществимыми главные задачи: **восстановление принципов социального государства и наведение порядка в государственном аппарате на основе ротации кадров во властных структурах.**

А гарантией того, что это рано или поздно произойдёт, служит безвыходность ситуации для “остальной” части элиты.

* * *

Исходя из изложенного, Институт нравственности определяет свою стратегию следующим образом:

- должен быть восстановлен приоритет нравственного начала над всей политико-административной сферой с её исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти;
- комплектование и ротация кадров во властных структурах должны осуществляться с учётом критерия нравственности;
- должна быть разработана эффективная процедура удаления из власти должностных лиц, деятельность которых вступает в противоречие с нравственными нормами – лиц, дискредитирующих саму идею государственной власти.

Иными словами: в программе действий по выводу страны из поразившего её кризиса нравственных устоев власть *в первую очередь* должна взять на вооружение *идеологию нравственности* как дополнительный рычаг управления. И она непременно возьмёт её – если только она захочет (а мы убеждены, что захочет) оставаться властью.

Понимаем, что надежда на добрую волю власти способна вызвать в нынешних условиях один лишь скепсис. Но считаем, что это – скепсис людей, не знающих истории. А она, история, постоянно демонстрирует нам образцы теснейшей зависимости качества управления от степени соблюдения самой властью нравственных норм. Вспомним хотя бы средневековый восточный афоризм: «Сидя в седле (т.е. грабя и убивая – авт.), можно завоевать империю; но невозможно, сидя в седле, ею управлять». Да и вся остальная, как предыдущая, так и последующая история взаимоотношений власти и общества всегда определялась – вопреки обывательским представлениям – вовсе не одними только

классовыми и иными противоречиями и вовсе не одним стяжательством и мародёрством.

Повторимся: никакие “целевые программы” по возвращению власти её социально-ориентированного характера не заработают без реального принятия идеологии нравственности и без создания на её основе *нравственной атмосферы как принуждающей идеологической сверхвласти*, пронизывающей собою все общественные институты.

Всё остальное – вопросы техники, в том числе и техники использования человеческой безнравственности в нравственных целях. Представим себе, например, что власть взяла на вооружение идеологию нравственности, в подтверждение чего совершила первые акты справедливости в виде *заслуженного* поощрения и наказания отличившихся руководителей. Будет ли это означать, что все остальные руководители тут же проникнутся нравственным началом и начнут исполнять свои обязанности с особым рвением? Конечно же, нет. Но абсолютно представимо и прогнозируемо другое: видя, что система нравственного осуждения и принуждения работает и что она представляет угрозу для карьерного роста да и вообще для пребывания во власти, чиновники начнут “копать безнравственный компромат” друг на друга, чем положат начало процессу “самовыдавливания” из власти наиболее одиозных представителей собственной среды, процессу *нравственной самоорганизации* власти (а, как следствие, и общества).

Как видим, речь идёт не об утопии насильственного превращения всех безнравственных людей в нравственных, а о воссоздании в обществе нравственной атмосферы, призванной обеспечить осуждаемость любых публичных проявлений безнравственности.

* * *

Конкретные предложения Института нравственности заключаются, во-первых, в создании основ идеологии нравственности и, во-вторых, в разработке таких организационных форм диалога между представителями власти и общественности, которые эффективно совмещают в себе юридическую, практическую и нравственную компоненты.

Об идеологии. Мы убеждены, что нравственность – это высшая общечеловеческая ценность, но вовсе не претендуем на окончательность и бесспорность наших формулировок и дефиниций в отношении этой категории. Мы просто начинаем с собирания и инвентаризации *того, что есть*: всего того материала, который сохранила нам наша духовная традиция, – с тем, чтобы на его основе учиться решать новые, выдвигаемые самой жизнью, проблемы. Мы заранее убеждены в сложности и многомерности того предмета, который называем **концепцией и идеологией нравственности**; поэтому и противоречия, возникающие в ходе нашей работы, мы рассматриваем не как доказательство ошибочности избранного пути, а как свидетельство его многоуровневости и многоплановости.

Нравственность, с нашей точки зрения – это общее выражение тех свойств человеческой природы, которые выполняют функцию регулятора отношений между членами общества независимо от социального, национального, конфессионального и других факторов. Это особый настрой мышления и поведения, позволяющий не наносить ущерб себе, окружающим, среде обитания.

Мы не питаем иллюзий насчёт реального положения вещей и признаём, что «нравственность, как и талант, даётся не каждому» (А.С.Пушкин). Но мы считаем при этом, что не имеем права закрывать глаза на те деструктивные последствия, которыми оборачивается для подавляющего большинства наших граждан отсутствие нравственности у их меньшинства. Разумеется, мы вполне отдаём себе отчёт в необычайно сложности вопросов, связанных с проблемными аспектами культурно-исторической категории «нравственности». Но мы понимаем и то, что реально наблюдаемая нравственность, воплощённая в практическом поведении людей, нуждается не столько в академической, сколько в общественной оценке. Поэтому в качестве генерального (но вовсе не единственного) направления своей работы мы сознательно выбираем область нравственности как *операциональной категории*, определяя её как «ненанесение ущерба себе и обществу, баланс духовных и материальных устремлений и действий».

Данную формулу мы называем «принципом нравственности». Он удобен тем, что если Божественный Принцип Любви («вождеделеннейшая заповедь жизни», по П.А. Флоренскому)

понимается как максимально высокий, но абсолютно не формализуемый идеал общежития, то его представление в виде *“нравственного принципа” (“принципа нравственности”)* как меры непричинения вреда (ущерба) себе, окружающим и среде обитания – есть операциональная минимизация идеала. А смысл минимизации – в том, что с её помощью и на её основе неформализуемый идеал всеобщей любви можно трансформировать в реальные, позволяющие улучшать общественную жизнь, *социальные технологии*.

Каким образом?

Общественная жизнь устроена так, что не причинять вред (ущерб) себе, окружающим и среде обитания *вообще* можно только бездействуя. В реальности люди, осуществляя свободу выбора (воли), вынуждены действовать. И, значит, вынуждены причинять ущерб себе, окружающим и среде обитания. Но тогда вопрос заключается лишь в том, как минимизировать этот ущерб (оценивать который куда легче, нежели выгоду). А кто может оценить меру ущерба? Очевидно, что только другие люди: «Судите по делам их» – что может быть проще?

Как известно, «глас Народа – глас Божий», и мы утверждаем: голос тысяч квалифицированных людей, рассматривающих *все общественные проблемы с позиций нравственного принципа*, действительно способен приближать нас к гармонии материального и духовного, к балансу прав и обязанностей. Не прислушиваться к этому голосу никакая земная власть просто не сможет!

Проблема лишь в том, чтобы организовать множество слабых разрозненных голосов в единый мощный голос. А эта проблема решаема на путях использования конкретных информационных и управленческих технологий, способных вовлекать в дискурс (по всем важнейшим вопросам жизнедеятельности) десятки и сотни тысяч высококвалифицированных и нравственных людей, оказавшихся сегодня за бортом принятия общественно-значимых решений.

Ядром этих новых технологий являются экспертные сообщества, рассматривающие все существующие проблемы с нравственных позиций, а примером их практической реализации могут служить **Государственно-общественные научные экспертные советы**. Суть же новых социальных технологий сводится к повышению роли и усилению функций Государственно-общественных научных экспертных советов, которые, *во-первых*,

сделают невозможным принятие правительственных решений на основе групповых кулуарных сговоров, *во-вторых*, придадут юридически-законную силу решениям общественности, *в-третьих*, обеспечат высокий профессиональный уровень этих решений и, *в-четвёртых*, изначально подчинят эти решения нравственному координирующему началу.

В круг непосредственных задач Государственно-общественных научных экспертных советов входят: подготовка стратегических решений, разработка целевых программ, вынесение нравственных оценок деятельности публично значимых лиц и т.д. Одновременно Государственно-общественные научные экспертные советы могут послужить основой для создания настоящего Общественного совета России, который, в отличие от нынешней декоративной “Общественной Палаты”, возложит на себя функцию “нравственного компаса” в решении стоящих перед обществом проблем. И они же должны явиться источником и базой человеческого ресурса для того “углубления демократии”, которая выразится в усилении ротации кадров правящей бюрократии.

При таком выборе угла зрения в центре внимания оказывается связь нравственности как безусловной традиционной ценности с живой управленческой практикой. А критерием соответствия управленческих решений нравственным стандартам становится **очевидность их социально-ориентированного характера**.

Самые первые шаги по реализации предложений Института уже сделаны. Они позволяют говорить как о факте о *матричной модели общественной самоорганизации*, могущей служить образцом для подражания и для “пересадки” в любую точку постсоветского пространства Российской Федерации. Назначение этой матричной модели – вдохнуть новые жизненные импульсы в прочно забытое на российской почве понятие “**хозяина собственной страны**” (подробности см. на сайте Института нравственности – <http://in.ast.social>)

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Основные понятия профилактики социального паразитизма

Социальный паразитизм – способ существования социального субъекта (физического и юридического лица, группы лиц, организации, государства и т. д.), пораженного идеологией личной наживы любой ценой, следствием культа «золотого тельца», стяжательства и двойных моральных стандартов. Социальный паразит стремится жить за счет других людей, не участвуя в созидательном труде.

Пути профилактики социального паразитизма – общественный контроль и массовая этическая оценка результатов экономической и иной социально-значимой деятельности социального субъекта.

Социально-паразитическая структура – организация, все усилия которой направлены на получение финансовых и материальных средств для поддержания собственного существования. Характерным свойством такой структуры является имитация ее основной деятельности по решению социально-экономических и экологических задач, актуальных для населения.

Дебюрократизация – государственно-общественный процесс профилактики социального паразитизма.

Глобальный экологический принцип (ГЭП) - это способ поведения людей, обеспечивающий выживание человечества, основанный на *ненанесении человеком ущерба себе, окружающим и среде обитания.*

Нравственный принцип – это способ поведения людей, обеспечивающий развитие человечества, основанный на *учете и оценке каждым социальным субъектом ущерба (вреда), наносимого той или иной деятельностью (бездействием) других социальных субъектов в процессе общения (дискурса).*

Нравственность – особый настрой мышления и поведения социального субъекта, позволяющий не наносить *ущерб (вред)* себе, окружающим, среде обитания, *гармония духовных и материальных устремлений и действий, баланс прав и обязанностей социальных субъектов.*

Идеология нравственности – идеология, строящаяся на нравственном принципе, альтернатива идеологии обогащения любой ценой (идеологии сверхвласти денег).

Нравственные устои – внутренняя убежденность в необходимости совмещения частных, общественных и государственных интересов социальных субъектов.

Нравственный компас – средство ориентации социального субъекта в обществе, пораженном жадой обогащения любой ценой, т.е. жадой удовлетворения *только личных (часто паразитических) интересов.* В качестве данного средства выступает концентрация внимания массы социальных субъектов на нравственной оценке социальных действий конкретного социального субъекта, изыскивающего свой ориентир в обществе.

Сверхвласть нравственности – господствующий в массовом сознании настрой на соблюдение нравственных принципов. В условиях сверхвласти нравственности существование социального паразита становится невозможным.

Образование взрослых – это процесс целенаправленного воспитательного и учебного воздействия на граждан, ориентированный на формирование способностей и готовности выступить в качестве свободного социального субъекта.

Взрослый – субъект деятельности.

Субъект деятельности - активно и осознанно действующий нравственный человек, обладающий волей, актуальными компетенциями и ответственностью.

Просветительская деятельность – это процесс целенаправленного воспитательного и информационного

воздействия на социальные субъекты, позволяющий гражданам познавать себя и окружающий мир, созидательно преобразовывать окружающую действительность.

Социальный субъект – отдельный человек, группы людей и их объединения, организации, предприятия, государства, корпорации и т.п.

Социальное действие – результаты активности социального субъекта: намерения, заявления, решения, поступки и т.п.

Гражданское согласие (позитивное или негативное) – мнение социальных субъектов, выраженное в оценочной (многобалльной) форме, по поводу действий других социальных субъектов.

Социальные технологии – способы действий социальных субъектов, обеспечивающие их устойчивое созидательное развитие (саморазвитие) и безопасность жизнедеятельности.

Общественная безопасность – состояние защищенности социальных субъектов от вызовов и угроз общественной безопасности.

Коррупция, коррупционные проявления – один из наиболее опасных способов безнравственного поведения социальных субъектов, ставящий под угрозу общественные и государственные устои.

Негативное гражданское согласие – консолидированное осуждающее мнение множества социальных субъектов по поводу действий (бездействия) других социальных субъектов.

Противодействие коррупции – действия социальных субъектов по предотвращению безнравственных действий других социальных субъектов с помощью консолидации *негативного гражданского согласия* в оценке коррупционных действий.

Свобода – осознанная необходимость и возможность социального субъекта осуществлять нравственный способ жизнедеятельности.

Глубокая демократия (народовластие) – дискурс (общение, диалог) масс квалифицированных специалистов, оценивающих с нравственных позиций результаты деятельности лиц, принимающих социально-значимые решения. При этом лицо, принимающее решение, обязательно участвует в данном диалоге и публично защищает свое решение.

Нелетальная технология ротации кадров управленческих элит – следствие глубокой демократии, когда в результате публичного дискурса квалифицированных специалистов из власти удаляются лица, принимающие безнравственные решения.

Местное самоуправление – право, основанное на всеобщем признании власти народа, позволяющее местному населению формировать органы местной власти и решать все местные вопросы. Социальное государство гарантировано местным самоуправлением, сплоченным *идеологией нравственности* и способностью обеспечивать гражданскую самозащиту (самооборону) от вызовов и угроз общественной безопасности.

Гражданское общество – объединение свободных, нравственных и ответственных граждан.

Единая цель гражданина и государства (человека и человечества) – построение гражданского общества, состоящего из нравственных граждан (общество нравственности).

Единство цели и метода ее достижения: цель – построение гражданского общества, состоящего из нравственных граждан (общество нравственности, справедливости, народовластия и свободы); осуществляется методом воспитания и обучения индивидуальной нравственности социальных субъектов.

Углубление демократии – вовлечение в глобальный диалог (дискурс) всех нравственных и квалифицированных граждан по поводу всех социально-значимых решений (действий), принимаемых социальными субъектами.

Нравственное воспитание – целенаправленное воздействие, позволяющее социальному субъекту сознательно осуществлять нравственный выбор – выбор по совести.

Совесть – этический саморегулятор поведения социального субъекта как его внутренний настрой, формируемый в процессе нравственного воспитания с помощью других социальных субъектов, постоянно корректирующих поведение и самооценку воспитуемого. С точки зрения *социальных технологий*, совесть – это тысячи нравственных свидетелей.

Этическая оценка – определение уровня нравственности социального субъекта.

Шкала этической оценки (бинарная, десятибалльная и т.п.) – способ оцифровки и визуализации оценки уровня нравственности социального субъекта.

Социометр – синергетическая система использования шкал этической оценки для выявления уровня нравственности социального субъекта, способ профилактики социального паразитизма.

Массовая этическая оценка – оценка социальными субъектами действий (нравственности) любых других социальных субъектов с позиций нанесения или ненадания ущерба (вреда) в целях достижения гражданского согласия для блокирования безнравственных (порочных, паразитических) решений и действий.

Научно-этическая система (научная этическая система) – система этических правил, основанная на *нравственном принципе как безусловной фундаментальной ценности*. Отражает связь *нравственности с живой управленческой практикой*. Не противоречит ни одной из существующих религиозных этических систем (доктрин) и совместима с любым политическим строем (монархия, демократия и т.д.). Практическое использование этой системы позволяет купировать недостатки любых форм государственного устройства, при одновременном сохранении их лучших свойств.

Нравственные (социальные) инвестиции – это практическое использование (вкладывание) объектов интеллектуальной собственности (идей, методик и т.д.) в систему жизнедеятельности людей по совершенствованию общественных отношений.

Дискурсивно-оценочный метод. В начале XXI века ученые Чигирев В.А. и Юнацкевич П.И. предложили мировой общественности универсальный гуманный метод регулирования социальных отношений во всех сферах жизнедеятельности человека – дискурсивно-оценочный метод.

Дискурсивно-оценочный метод основан на создании специальной сетевой конструкции, позволяющей осуществлять направленный дискурс и массовую этическую оценку в режиме реального времени, оперативно визуализировать (помечать) вред (угрозу), исходящую от социального субъекта. Такая пометка позволяет мобильной толпе сетевых активистов (социально активных граждан) оказать точное гуманное влияние на социального субъекта, и предотвратить наносимый им вред (разрушить представляемую им угрозу).

Дискурсивно-оценочный метод – это процедура оценивания этичности (нравственности, моральности, духовности) поведения конкретных социальных субъектов, опирается на дискурсивные практики конкретной жизнедеятельности этих социальных субъектов. В ходе этих процедур возникают дискурсивно-оценочные регуляторы.

Дискурсивные этические регуляторы действуют исключительно гуманно. Они напоминают субъекту о норме его должного (этичного, нравственного, морального, духовного) поведения. Они предоставляют субъектам возможность пояснять, почему они делают так, а не иначе. А другим субъектам дают возможность оценивать социальные действия других субъектов.

Философскую основу дискурсивно-оценочного метода составляет экологический императив.

Императив (от лат.) — требование, приказ, закон. Это общезначимое нравственное (этическое, моральное, духовное) предписание, соблюдение которого обеспечивает человеку выживание.

Экологический императив (ЭИ) является безусловным и общепризнанным принципом поведения. Это запретная черта во взаимодействии человека с самим собой, другими и окружающей средой (природой). Переступить эту черту человек и само

человечество не могут, так как сам экологический императив является естественной и признаваемой всеми нормой поведения.

Естественную и признаваемую всеми норму поведения задает **глобальный экологический принцип (ГЭП)** «не вреди». Норма – это то, что общество приписывает делать конкретному человеку, так и всем людям. Из глобального этического принципа (ГЭП) проистекает **глобальный нравственный принцип (ГНП)**, или глобальный этический принцип. Он означает, что человек должен вести себя так, чтобы не вредить.

ГЭП (глобальный экологический принцип) составляет основу универсальной и безусловной нормы поведения человека и общества – «не вреди».

ГНП (глобальный нравственный или этический принцип) составляет основу универсальной и всеми принимаемой ценности человека и общества – вести себя так, чтобы не вредить себе и другим.

ГЭП и ГНП составляют экологический императив, суть которого связана с правилом «Три С» - не вреди себе, соседям, среде обитания.

ЭИ → ГЭП, ГНП

Степень вреда оценивается в дискурсивной процедуре (дискурсивно-оценочный метод – ДОМ).

ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) допускает оценки по широкому спектру шкал. Ценность ДОМ (дискурсивно-оценочного метода) в том, что в его основании лежит экологический императив, одобряемый абсолютным большинством людей.

ДОМ → процедуры массового оценивания и дискурса (ЭИ → ГЭП, ГНП)

Дискурсивно-оценочный метод основан на процедурах массового оценивания и дискурса с позиции экологического императива, обозначающего норму и ценность поведения участников оценки и дискурса.

Экологический императив как экологическая норма и нравственная ценность распространяется на любую человеческую деятельность. Имеет безусловным приоритетом непричинение вреда себе, другим и природе.

Экологический императив — предъявляемое человеком и обществом требование соблюдать норму поведения – не вредить себе, другим, среде обитания, вытекающее из очевидной необратимости вредных последствий и невозполнимости потерь для самого человека, других людей, окружающей природы.

Соблюдение данной нормы поведения обеспечивается практической реализацией дискурсивно-оценочного метода (ДОМ).

Особенности ДОМ:

опирается на экологический императив;

мировоззренчески нейтрален;

не претендует на истинность, но позволяет искать пути к истине;

балансирует солидарность и справедливость в человеке и обществе;

не летален;

гуманен, мягко удерживает от вредных и дурных поступков.

Мера вреда определяется дискурсивно-оценочной процедурой.

В итоге ДОМ:

позволяет корректировать конкретное поведение;

обеспечивает включенность в дискурс и оценивание всех заинтересованных лиц;

гарантирует коммуникативное равновесие в оценивании и обсуждении оценивания – голоса и аргументативные практики всех равны.

Аргументирование – это процесс убеждения себя и других в правомерности притязаний на признание. Каждый хочет убедить себя и других в тех или иных притязаниях. В ходе аргументирования возникают оппоненты (те, кто против) и проponentы (те, кто за). Способы аргументирования могут быть различными и противоречить экологическому императиву. Например, распространенным способом аргументирования является произвол, подкрепленный вооруженным и (или) технологическим насилием. Пропоненты получают право на жизнь, а оппоненты ее лишаются за несогласие.

ДОМ, в отличие от аргументирования, содержит экологический императив, уже снискавший всеобщее одобрение, и гарантирует запрет на использование негуманных методов аргументирования в дискурсе.

Скорость причинения вреда человеком себе и другим стала многократно превосходить возможности естественного

восстановления. Особенно опасны стали социальные катастрофы, самой серьезной из которых является неравенство, которое служит главной причиной войн, криминала, коррупции, бедности, терроризма и экстремизма. Неравенство нарушает благоприятные для жизни людей социальные и экологические свойства окружающей среды.

Социальная сфера обладает способностью саморегулирования, восстановления баланса справедливости и солидарности. Регулирование неравенства происходит стихийно. Возникают социальные группы, которые становятся солидарны благодаря идее восстановления справедливости. Однако методы установления справедливости могут быть летальны и негуманны (гражданская война, террор, экстремизм). Появление такого метода как ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) создает новую форму саморегуляции социальной сферы, общества без летальных и негуманных технологий.

Нарушение равенства в реализации предпочтений людей сопровождается неблагоприятными следствиями (вражда между социальными группами, гражданская война, терроризм, экстремизм). Людям необходима буквально идеология-технология нравственности, которая удерживает каждого от причинения вреда самому себе и другим. Эти требования столь суровы, что их правомерно называть экологическим императивом. Экологический императив — это совокупность нравственных (моральных, этических, социальных, духовных, профессиональных) запретов, соблюдение ограничений поведения, нарушение которых приводит к неравенству, ухудшению, разрушению благоприятных для жизни людей свойств социальной и окружающей среды, к разрушению социально-экономических и экологических условий существования человечества.

Огромным препятствием реализации экологического императива служит стремительный рост неравенства.

Реализация ограничений и запретов экологического императива встречает ряд существенных препятствий со стороны так называемых социальных паразитов, субъектов, живущих за счет привычки причинять вред другим. Очевидно, что минимизация уровня социального паразитизма осуществляется на основе использования дискурсивно-оценочного метода. В этом заключается спасение всего человечества.

ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) – это надежда человечества! Экологический императив формально присутствует в декларациях руководителей организаций разной формы собственности и в заявлениях частных лиц, но только ДОМ (дискурсивно-оценочный метод) как технология превращает эти декларация в жизнь.